

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТОМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 70

Издательство Томского университета
2016

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П70

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*,
д-р юрид. наук, профессор *С.А. Елисеев*,
д-р юрид. наук, профессор *Л.М. Прокументов*,
д-р юрид. наук, профессор *М.К. Свиридов*,
д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*,
д-р юрид. наук, доцент *А.С. Князьков*

Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. – Ч. 70 / ред.: С.А. Елисеев, Л.М. Прокументов, В.А. Уткин, О.И. Андреева, М.К. Свиридов, А.С. Князьков. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – 248 с.

ISBN 978-5-7511-2456-4

Сборник статей составлен по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности», состоявшейся в Юридическом институте Томского государственного университета 28–30 января 2016 г.

В сборник включены статьи преподавателей, научных сотрудников, аспирантов Юридического института ТГУ и других юридических учебных заведений Сибирского федерального округа. Статьи посвящены актуальным вопросам уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, теоретическим и практическим вопросам уголовного процесса, а также актуальным вопросам теории и практики расследования преступлений криминалистическими средствами. Авторами исследуются теоретические проблемы, вопросы практики деятельности законодательных, исполнительных, правоохранительных и судебных органов, вносятся предложения по повышению эффективности правового регулирования предупреждения преступности и предупредительной деятельности органов уголовной юстиции.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов уголовной юстиции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-7511-2441-0-2456-4

© Томский государственный университет, 2016

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

ОДНОМОМЕНТНЫЕ И ДЛЯЩИЕСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А.М. Трухин

Все преступления по времени их совершения можно подразделить на преступления, совершаемые без протяженности во времени (в один момент), и на преступления, совершаемые на протяжении определенного времени (длящиеся во времени). Н.С. Таганцев к длящимся относил преступления, «которые раз совершившись, неоднократно и непрерывно повторяются виновным и образуют, благодаря этому, как бы преступное состояние»¹.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 марта 1929 г. указал, что длящимся преступлением следует признавать деяние, «влекущее за собой непрерывно осуществляемое преступное состояние или же длительное несовершение действий, требуемых законом под страхом уголовного преследования»².

Под преступным состоянием, о котором говорил Н.С. Таганцев, можно понимать как характеристику совершаемого лицом деяния (обладает общественной опасностью, угрозой для объекта пока совершается), так и характеристику лица (общественно опасно, пока совершает деяние).

Ныне действующая редакция указанного постановления, на наш взгляд, имеет недостатки. Во-первых, в характеристику длящегося преступления включаются обязательно два деяния. Согласно этому принято считать, что длящимися преступлениями являются такие преступления, как дезертирство (ст. 338 УК РФ) и побег (ст. 313

¹ Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. Вып. 2. СПб., 1878. С. 258.

² Постановление Пленума Верховного Суда СССР «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» // Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1944–1957 гг. М., 1958. С. 75.

УК). Дезертирство и побег могут заключаться в двух деяниях. Во-первых, в действии – в самовольном оставлении воинской части или места лишения свободы или заключения. И то и другое есть фактически побег, совершаемый либо с целью уклонения от прохождения воинской службы, как об этом прямо сказано в диспозиции ст. 338 УК, либо с целью уклонения от лишения свободы. Во-вторых, в бездействии – в уклонении от воинской службы или в уклонении от наказания.

Полагаем, что именно это дало основание Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 12 мая 2005 г. по делу № 67-005-28 указать: «По смыслу закона побег из места лишения свободы является длящимся преступлением». В п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» также указано: «Преступления, предусмотренные статьями 328 и 338 УК РФ, являются длящимися». Но так ли это на самом деле? Являются ли эти преступления длящимися? Полагаем, что нет. Длящимся срочно является преступление, предусмотренное ст. 337 УК.

Дезертирство в ст. 338 УК определяется как самовольное оставление воинской части или места службы в целях уклонения от прохождения воинской службы. Фактическое достижение этой цели находится за пределами этого состава преступления, а следовательно, оно не может определять момент окончания данного преступления. Отсюда следует, что в объективную сторону дезертирства входит лишь оставление воинской части, а в субъективную сторону – цель уклонения от прохождения воинской службы. В характеристике побега в ст. 313 УК также предполагается самовольное оставление места лишения свободы или места предварительного заключения. Здесь не сказано о цели уклонения от наказания, но это с очевидностью следует из смысла закона.

Мы полагаем, что дезертирство и побег являются простыми одномоментными преступлениями с формальным составом, их следует признавать оконченными преступлениями в момент совершения деяний, предусмотренных ст. 313 и 338 УК, т.е. в момент оставления места службы или места отбывания лишения свободы, заключения под стражу.

Лица, совершившие эти преступления, так же как и лицо, совершившее, например, кражу, должны быть привлечены к уголовной ответственности в течение сроков давности. Предполагается, что в течение этого времени они являются общественно опасными и нуждаются в наказании для их исправления. Принято считать, что кража является одномоментным преступлением, а дезертирство и побег являются длящимися преступлениями. Но ведь и кража совершается с корыстной целью. Фактическое достижение этой цели, т.е. паразитирование за счет чужой собственности, не является обязательным признаком кражи. То же самое мы имеем и при дезертирстве и побеге, а подход к определению момента окончания этих преступлений принципиально иной, чего быть не должно.

К длящимся бессрочно преступлениям можно отнести такие преступления, как незаконное хранение оружия (ст. 222 УК) или незаконное хранение наркотических средств (ст. 228 УК). Все время, пока совершаются данные деяния, создается реальная угроза для общественной безопасности или здоровья населения.

СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВО В ПРЕСТУПЛЕНИИ

А.В. Шеслер

Соисполнительство в преступлении в практике применения уголовного закона понимается как такая форма соучастия в преступлении, при котором соучастники полностью или частично выполняют объективную сторону конкретного состава преступления. В уголовном законе соисполнительство терминологически выражено как совершение преступления группой лиц и указано как в качестве квалифицирующего признака состава преступления (например, в п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ), так и в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Несмотря на одинаковый в целом подход к пониманию соисполнительства, в практике применения уголовного закона встречаются проблемы квалификации действий лиц, выполняющих объективную сторону одного преступления. Во-первых, нередко расширяется уголовно-правовое понятие группы лиц, под которой понимается не только соисполнительство, но и выполнение объективной стороны одного преступления несколькими лицами, из которых лишь одно

является субъектом преступления, а другие невменяемы или не достигли возраста уголовной ответственности и являются фактически участниками выполнения объективной стороны конкретного состава преступления. Эта позиция нашла закрепление в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР (РФ)¹, принятых в период действия УК РСФСР 1960 г. Нередко эту позицию судебная практика подтверждала уже в период действия УК РФ 1996 г.²

На первый взгляд, данная уголовно-правовая оценка позволяет отразить повышенную общественную опасность такого совершения преступления. Однако такая практика противоречит ч. 1 ст. 35 УК РФ, в соответствии с которой в субъектный состав группы входят только исполнители, каждый из которых обладает признаками субъекта преступления. Кроме того, критикуемая позиция порождает не разрешимую с позиций уголовного закона проблему, а именно: необходимость законодательного закрепления минимальных возрастных границ и границ расстройств психической деятельности лиц, которые не являются субъектами преступления, но могут быть признаны участниками преступной группы и действия которых реально повышают общественную опасность деяния в целом. Это означает, что под совершением преступления группой следует понимать только соучастие в преступлении в виде соисполнительства в нем.

Во-вторых, соисполнительством суды нередко признают деяния всех соучастников, которые полностью или частично участвуют в выполнении любого признака объективной стороны состава преступления, а не только входящего в него деяния. Например, соисполнителями кражи, грабежа и разбоя, совершенных по предварительному сговору группой лиц в соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» признаются не только лица, которые непосредственно осуществляли изъятие имущества, но и лица, которые непосредственно оказывали содействие исполнителю в совершении преступления (не проникали в жилище, но участвовали во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозили похищенное, подстраховывали других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступле-

¹ *Бюллетень* Верховного Суда РСФСР. 1966. № 6; 1971. № 4; 1983. № 10; 1990. № 7; *Бюллетень* Верховного Суда РФ. 1992. № 7.

² *Шеслер А.В.* Соучастие в преступлении. Новокузнецк, 2014. С. 9–14.

ния). В этой связи отметим, что правильной является позиция судебной практики в отношении участников группового вымогательства, а именно: таковыми в соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» признаются только лица, которые высказывают требования, выражают угрозу, применяют насилие, т.е. полностью или частично выполняют действия, составляющие суть основного или квалифицирующего вымогательства. Такой подход позволяет обеспечить дифференциацию уголовной ответственности соисполнителей и иных соучастников преступления, действиям которых закон придает различную общественную опасность (ст. 34, 67 УК РФ).

В-третьих, в уголовном законе нет ответа на вопрос о том, как квалифицировать случаи фактического соисполнительства в преступлении, при котором соучастники выполняют идентичные деяния, получающие различную уголовно-правовую оценку в силу того, что каждый из соучастников является специальным субъектом определенного состава преступления или таковым является один из соучастников преступления. Например, шпионаж, совершенный гражданином РФ совместно с гражданином иностранного государства, будет квалифицироваться по ст. 275 УК РФ, а такой же шпионаж, совершенный последним, – по ст. 276 УК РФ; подделка официального документа, совершенная должностным лицом совместно с лицом, которое таковым не является, будет квалифицироваться по ст. 292 УК РФ, а действия последнего – по ст. 327 УК РФ. Эта квалификация не отражает фактическое совершение объективной стороны одного преступления, прежде всего входящего в него деяния, двумя и более лицами. Представляется, что наиболее правильной будет квалификация фактического соисполнительства в подобных ситуациях со ссылкой на п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ, ЧЕМ ПРЕДУСМОТРЕНО ЗА ДАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Т.В. Непомнящая

В последние годы, несмотря на общую тенденцию к либерализации уголовно-правовой политики и карательной практики, законо-

дателем серьезно усилено наказание за отдельные виды преступлений, в частности, за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, связанные со взяточничеством и с незаконным оборотом наркотических веществ.

Но серьезное усиление наказания за рассматриваемые преступления не повлекло ужесточения карательной практики. Суды не только практически не назначают наказание в максимальных пределах, предусмотренных законодателем за данные преступления, но даже ближе к середине санкции. Более того, в последние годы именно за указанные преступления суды все чаще назначают наказание с применением правил ст. 64 УК РФ. Такой вывод можно сделать, если проанализировать Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России, а именно Отчеты о сроках лишения свободы и размерах штрафов. Так, например, в 2014 г. всего в РФ по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ было осуждено к лишению свободы 583 человека, из них 324 (55,6%) судами было назначено это наказание ниже низшего предела, чем предусмотрено санкцией ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. В этом же году всего в РФ по ч. 4 ст. 291 УК РФ к лишению свободы был осужден 41 человек, из них 26 (63,4%) судами было назначено это наказание ниже низшего предела, чем предусмотрено санкцией.

Но для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление, в соответствии со ст. 64 УК РФ суд должен сослаться в приговоре на исключительные обстоятельства.

Изучение приговоров показало, что чаще всего суды ссылаются на такие исключительные обстоятельства, как наличие малолетних детей на иждивении, положительная характеристика, совершение преступления впервые, мнение потерпевшего, просившего о снисхождении к подсудимому. Но являются ли такие обстоятельства исключительными? На наш взгляд, нет.

В то же время установление каких-либо формальных критериев, на основании которых можно было бы в каждом конкретном случае решать вопрос о наличии исключительных обстоятельств дела, было бы неправильным. Исключительность обстоятельств дела зависит от каждого конкретного случая. Поэтому дать хотя бы примерный перечень таких обстоятельств не представляется возможным. В одном случае то или иное обстоятельство может быть признано исключительным, а в другом – нет.

Поскольку наказание, предусмотренное законодателем за совершение отдельных, в первую очередь тяжких и особо тяжких пре-

ступлений, является в настоящее время чрезвычайно суровым, суды вынуждены применять ст. 64 УК РФ, используя малейшую возможность.

Можно сделать вывод, что ст. 64 УК РФ позволяет нивелировать ошибки законодателя, устанавливающего слишком суровое наказание за совершение отдельных преступлений.

На наш взгляд, в первую очередь ориентируясь именно на указанные тенденции в карательной практике, ГД РФ был принят ФЗ от 08.03.2015 № 40-ФЗ, в соответствии с которым было снижено наказание за совершение отдельных преступлений, связанных со взяточничеством.

С другой стороны, нужны четкие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление, особенно это касается того, какие именно обстоятельства следует признавать исключительными. В новом постановлении Пленума от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» разъяснения по этому вопросу практически отсутствуют.

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

А.Т. Вельтмандер

Общие и частные вопросы назначения наказания в уголовном праве со временем не только не теряют своей актуальности, но и приобретают дополнительные грани, которые связаны как с текущим изменением уголовного закона, так и с совершенствованием уголовно-правовой доктрины в целом. Иными словами, назначение наказания обусловлено такими правовыми институтами, как существующая система наказания, особенности судебного правоприменения, пенализация, депенализация и др.

Всё большую актуальность в последнее время также приобретает проблема выбора одного из подходов к назначению наказания: субъективного («полное» усмотрение суда), объективно-субъективного (законодательное определение пределов назначения наказания) или объективного (отсутствие усмотрения суда)). При этом ответ на указанный вопрос зачастую несправедливо рассматри-

вается как единственный ключ для решения иных проблем, связанных с назначением наказания (например, справедливостью назначенного наказания). Кроме того, к сожалению, высказываемые позиции всё чаще носят полярный характер, рекомендуя в качестве единственно возможного или объективный, или субъективный подход. На наш взгляд, и субъективный, и объективный подход, конечно, представляют собой крайности. В первом случае очевидно отсутствие объективного понимания преступником возможных последствий его действий, во втором – пренебрежение при оценке действий лица социальной составляющей всей ситуации.

В результате мини-социологического опроса 53 юристов, а также анализа правоприменительной практики судов Томской области были определены три основных проблемных участка, с которыми связано назначение наказания:

1. Проблемы, обусловленные особенностями перечня (системы) наказаний, закреплённых в УК РФ. В первую очередь это: проблема содержания самой системы (перечня) наказаний (отсутствие «системы» наказания как таковой) (на это указали 42% анкетированных), дублирующий характер отдельных видов наказаний (обязательные, исправительные работы, принудительные работы) и наличие фактически не применяемых наказаний (на это указали 40% анкетированных), несоответствие наказаний, закреплённых в санкции статей Особенной части УК РФ, общественной опасности преступления (указали 30% анкетированных). 2. Общие проблемы при назначении наказания. 3. Отдельные аспекты правоприменительного характера, связанные с назначением конкретных видов наказания.

И если первая группа вопросов требует в первую очередь теоретического анализа, то вторая и третья определены правоприменительной практикой и во многом обусловлены действующими разъяснениями Пленума ВС РФ. В этой связи особую актуальность приобретает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в котором в том числе по-новому определены характер и степень общественной опасности преступления.

При анализе правоприменительной практики назначения наказания судами Томской области было установлено, что основная часть ошибок касается не столько вопросов применения права, а скорее связана с невнимательностью и неточностью при назначении наказаний или недостаточной мотивированностью судебных решений в

указанной части. Тем не менее очевидно и наличие «застарелых проблем» действующего законодательства и правоприменения: определение видов рецидива преступлений в УК РФ неисчерпывающим образом, отдельные вопросы назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров, а также проблемы при сложении наказаний и др.

Таким образом, основные проблемы назначения наказаний в настоящий момент связаны с несовершенством действующего уголовного законодательства и в первую очередь с отсутствием полноценной системы наказания в УК РФ.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ САНКЦИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

А.М. Каземиров

Для понимания сущности таких методов уголовной политики, как криминализация и пенализация, важно определить глубину их взаимосвязи и степень самостоятельности каждого, а кроме того, каким образом эти методы уголовной политики взаимно влияют на итоговый результат – закрепление преступного деяния и санкции за его совершение в уголовном законе.

В процессе криминализации определяются свойства деяния, относящиеся к критериям криминализации, под которыми, в частности, Н.А. Лопашенко (называя их криминообразующими признаками) понимает обстоятельства, отражающие в концентрированном виде общественную опасность деяния и свидетельствующие о необходимости введения уголовно-правового запрета. При этом Н.А. Лопашенко приводит перечень таких признаков¹. По сути, совокупность критериев криминализации (криминообразующих признаков) характеризует общественную опасность преступления, под которой принято понимать «способность деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам)»². В процессе криминализации деяния определяется общественная опасность преступления, в зависимости от степени которой

¹ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 128–130.

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1997. С. 118.

законодатель определяет, какие виды наказания, в каком количестве и в каком размере следует установить в санкции создаваемой нормы Особенной части УК РФ.

Взяв за основу перечень криминообразующих признаков, предложенный Н.А. Лопашенко, выделим их влияние на процесс пенализации.

Формулирование в диспозиции нормы Особенной части УК РФ отличительных *признаков потерпевшего* в абсолютном большинстве случаев является следствием повышенной опасности криминализируемого деяния и влечет установление в санкции такой нормы наиболее строгих наказаний. В санкциях норм Особенной части УК РФ за преступления, содержанием которых является *нарушение безусловных правовых запретов* (убийство, кража, половая неприкосновенность и т.п.), должно быть предусмотрено несколько видов наказаний, одно из которых – лишение свободы, поскольку посягательство на то, что изначально определяется как неприкосновенное, должно наказываться наиболее сурово. *Способ совершения деяния* должен влиять не только на строгость наказания, но и на возможность назначать дополнительные наказания. За преступления, влекущие тяжкие последствия, следует устанавливать более строгую ответственность, в этом выражается влияние на процесс пенализации такого криминообразующего признака, как *последствия, наступившие в результате преступления. Отношение субъекта к наступившим в результате совершения им преступления последствиям и к факту самого преступления* прямо влияет на строгость предусматриваемых санкциями норм Особенной части УК РФ наказаний. Умышленные преступления должны наказываться более сурово, чем неосторожные. *Признаки субъекта преступления* имеют важное значение при определении характера наказуемости должностных преступлений. Устанавливая в диспозиции нормы Особенной части УК РФ наличие у виновного лица специального статуса, в санкции такой нормы законодатель должен обязательно предусмотреть наказание, запрещающее такому лицу иметь этот статус (лишение права занимать определенные должности).

Наличие в одном преступлении нескольких криминообразующих признаков должно быть соответствующим образом оценено и при определении характера наказуемости этого преступления. Каждому из имеющихся признаков должно соответствовать определенное наказание либо их совокупность.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ» И «ПЕРЕЧЕНЬ НАКАЗАНИЙ»

В.М. Степашин

В отечественной правовой литературе до недавнего времени превалировал преимущественно «перечневый» подход к пониманию системы наказаний. Попытки преодолеть методологическую ущербность в понимании системы наказаний длительное время не находили широкой поддержки. Так, Н.С. Таганцев, говоря о «лестнице» наказаний, обращал внимание на наличие в ней совокупности карательных мер Уголовного кодекса в их *взаимном соподчинении или соотношении*¹. С.В. Познышев подчёркивал, что система (лестница) наказаний представляет «совокупность карательных мер... в их соотношении друг с другом и имеет вид перечня, в котором наказания размещаются по степени их относительной важности»².

Такое понимание системы наказаний соответствует философскому и этимологическому пониманию категории «система» как совокупности элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство³. Справедливо отмечал И.В. Блаумберг, что «отличительными признаками всякого системного образования является развитая связь между его элементами и его организованность»⁴. Элементы системы наказаний взаимосвязаны и взаимодействуют между собой (обладают способностью к взаимозаменяемости, взаимоисключаемости, взаимосочетаемости).

Система наказаний – это закреплённая уголовным законом социальная и криминологически обусловленная исчерпывающая, целостная совокупность взаимодействующих между собой (взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимозаменяемых) отдельных видов

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 2. С. 958.

² Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 465.

³ См, напр.: Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд. М., 1991. С. 408; Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1998. Т. 4. С. 99.

⁴ Блаумберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997. С. 136.

наказаний и их подсистем, построенная по принципу необходимости и достаточности элементов, сравнительной строгости их содержания.

Если *перечень наказаний* представлен в ст. 44 УК РФ и является собой перечисление предусмотренных законом мер государственного принуждения в определённой последовательности (т.е. элементов, образующих *систему*), то *система* наказания регламентирована и другими нормами УК, определяющими условия и основания применения каждого вида наказания (включая санкции норм Особенной части УК РФ), его количественные и качественные параметры; нормы, определяющие взаимосвязь, взаимозависимость наказаний: возможность замены одного наказания другим, применения вида наказания, прямо не указанного в санкции, порядок определения сроков наказаний при их сложении наказаний, зачет наказания и т.д.: с т. 10, ч. 1 ст. 12 (в первоначальной редакции), ч. 6 ст. 15, ст. 45–51, 53–60, 64–66, 71, ч. 4 ст. 78, ст. 80, ч. 3 ст. 80, ч. 4 ст. 82, ч. 3 ст. 83, ст. 84–85, 88 УК РФ.

Формирование системы наказаний (как и системы санкций норм Особенной части УК РФ) именно в качестве системы является непременным условием эффективности механизма уголовно-правового воздействия.

Только отказ от понимания системы наказаний как перечня наказаний, расположенных в строгой последовательности, признание необходимости оценки содержания каждого вида наказания в той мере, которая определена решением суда, а не учёт лишь формального места того или иного вида наказания в перечне ст. 44 УК РФ, установление в законе системных связей между отдельными видами наказаний способны обеспечить реализацию принципов экономии репрессии, справедливости, гуманизма, равенства граждан перед законом при применении наказания.

ПРИЗНАКИ ЯВКИ С ПОВИННОЙ

Н.С. Бондаренко

Явка с повинной имеет важное процессуальное значение для раскрытия преступления. Однако понятие «явка с повинной» в уго-

ловном законодательстве РФ не закреплено, что порождает сложности на практике и судебные ошибки.

О явке с повинной упоминается в ст. 61 и 75 УК РФ, а также в ст. 140 и 142 УПК РФ. Исходя из содержания данных статей, явку с повинной можно определить как личное, добровольное заявление или сообщение гражданина о совершенном им противоправном деянии в письменной либо устной форме, сделанное дознавателю, следователю или прокурору с намерением предстать перед правосудием.

При этом в судебной практике возникают различные толкования каждого из вышеприведенных признаков явки с повинной, что ограничивает ее использование как деятельного инструмента в борьбе с преступностью.

Разъясняя, в каких случаях сообщение лица о совершенном им преступлении можно расценивать в качестве явки с повинной, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснил, что под явкой с повинной, которая в силу п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ является обстоятельством, смягчающим наказание, следует понимать добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении, сделанное в письменном или устном виде.

Мотивами явки с повинной могут выступать различные жизненные обстоятельства и психологические факторы. Представляется справедливой точка зрения, что смягчающим обстоятельством будет явка с повинной независимо от мотивов такого поведения¹.

С понятием добровольности, т.е. отсутствием какого-либо воздействия со стороны правоохранительных органов, тесно связан критерий своевременности. Так, явка с повинной считается таковой лишь до момента задержания гражданина по подозрению в совершении данного преступления. Признательные показания лица в совершении преступления, сделанные им во время допроса, не могут расцениваться как явка с повинной.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ явка с повинной признается поводом для возбуждения уголовного дела. В связи с этим судьи

¹ *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2013.*

зачастую полагают, что признательное заявление должно быть первоисточником, из которого компетентный орган узнал о данном преступлении, и следовательно, заявление, сделанное после начала предварительной проверки иного сообщения об этом же преступлении, не может считаться явкой с повинной. На наш взгляд, заявление (сообщение), сделанное до момента раскрытия преступления, а также до момента задержания гражданина по подозрению в совершении преступления, следует считать явкой с повинной.

Важное место в определении явки с повинной занимает такой критерий, как личное заявление (сообщение). Чтобы явка с повинной имела место, лицо должно непосредственно обратиться к дознавателю, следователю или прокурору с письменным или устным заявлением о явке с повинной¹.

Спорным представляется мнение о том, что явка с повинной не предполагает обязательного личного обращения, а заявление может быть представлено через близких, адвоката и т.д.² Такое обращение не может расцениваться как явка с повинной, поскольку не свидетельствует о явном желании лица оказать содействие органам предварительного расследования в установлении обстоятельств совершения преступления. Также заявление о явке с повинной не может быть сделано по телефону или посредством иных средств связи, так как такое заявление легко можно сфабриковать.

Для признания сообщения добровольным необходимо присутствие самого лица, которое подтвердит свое волеизъявление, в том числе своей подписью в указанном документе.

¹ Рыжаков А.П. Предварительное расследование. М.: Дело и Сервис, 2013.

² Москалькова Т.Н. Глава 19: Поводы и основания для возбуждения уголовного дела // Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Спарк, 2007.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЯВКИ С ПОВИННОЙ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СМЯГЧАЮЩЕГО НАКАЗАНИЕ

А.В. Тебеньков

В настоящее время законодательное определение явки с повинной нуждается в совершенствовании, однако сформулировать его возможно, лишь исчерпывающе определив признаки данного обстоятельства, смягчающего наказание.

Во-первых, наиболее часто выделяемым признаком явки с повинной является *добровольность*. Однако применительно к содержанию данного признака в литературе не существует однозначного подхода, тем не менее выявить его содержание возможно путем обращения к п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», который указывает, что не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления. Таким образом, Верховный Суд РФ установил абсолютно формальное понимание явки с повинной, исключив из него действовавший ранее субъективный критерий, связанный с анализом наличия у следственных органов достаточных улик для вывода о том, что именно данное лицо совершило преступление. Добровольной является такая явка с повинной, которая была сделана до момента задержания лица по подозрению в совершенном преступлении.

Во-вторых, признаком явки с повинной является *форма её совершения*. Полагаю, что явка с повинной может быть совершена лично в письменной или устной форме, что также не исключает возможность совершения явки с повинной по телефону, с помощью различных средств связи, однако данные действия могут быть совершены только лицом, совершившим преступление. Сообщение о преступлении, сделанное родственником или иным лицом по просьбе виновного, не может быть признано явкой с повинной.

В-третьих, признаком явки с повинной является *адресность обращения*. Явка с повинной может быть признана надлежащей лишь тогда, когда осуществляется в органы, правомочные предпринять конкретные действия, направленные на привлечение явившегося к ответственности. В ст. 146 УПК РФ указаны только орган дознания,

дознатель, руководитель следственного органа, следователь, которые вправе возбудить уголовное дело, поэтому обращение только в данные органы будет являться надлежащим заявлением о явке с повинной.

В-четвертых, признаком явки с повинной является *содержание сообщения*. Согласно п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 сообщение лица должно содержать информацию о том, что данное лицо совершило или участвовало в совершении конкретного преступления, что является достаточным условием (при наличии иных признаков) для признания наличия явки с повинной. Необходимо избегать чрезмерного расширения содержания такого сообщения о преступлении, поскольку в противном случае явка с повинной будет неотличима от иного самостоятельного смягчающего обстоятельства – активного способствования раскрытию и расследованию преступления.

Наконец, в-пятых, последним признаком явки с повинной является *правдивость сообщения*.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать следующее определение явки с повинной – это добровольное и правдивое сообщение, содержащее информацию о совершенном сообщившим или с его участием преступлении, сделанное в устной или письменной форме в органы, уполномоченные возбудить уголовное дело. Полагаю, что именно в данном виде понятие явки с повинной подлежит закреплению в законодательстве.

УЧЁТ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЁННЫХ В ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Д.И. Коновалов

Актуальной остаётся проблема соблюдения судами требований действующего уголовного, уголовно-процессуального законодательства в части установления и мотивировки в решениях достижения цели исправления (степени исправления) осужденного при применении условного осуждения.

Нами были проанализированы судебные акты судов общей юрисдикции (далее – СОЮ) и мировых судов¹ на предмет надлежащей аргументации в них: возможности достижения цели исправления осужденного при назначении условного осуждения; недостижения этой цели при продлении испытательного срока; невозможности ее достижения при отмене условного осуждения.

Из 70 исследованных судебных решений, по которым назначалось условное осуждение, в большинстве случаев – 64% – применение этой меры мотивировалось лишь самой по себе возможностью достижения именно цели исправления осужденных; в 20% случаев констатировалась возможность достижения всех целей наказания; в 16% решений назначение условного осуждения и вовсе мотивировалось возможностью достижения целей «исправления и *перевоспитания осужденного*», что противоречит действующему закону, о цели «перевоспитания осужденных» не упоминающему.

Тем самым суды, по сути, игнорируют требования закона, указывающего на обязательность включения в описательно-мотивировочную часть обвинительного приговора мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению наказания.

Интересен и анализ спектра обстоятельств, установлением (или наличием) которых суды обосновывали саму возможность назначения условного осуждения. Императивных требований по этому поводу действующий Уголовный кодекс не содержит, примерного перечня таких обстоятельств не приводит, что обуславливает крайнюю вариабельность фактически учитываемых, а чаще – лишь констатируемых судами обстоятельств.

К похожим выводам привело изучение круга обязанностей, возлагаемых по приговорам судов на условно осужденных, и установления в решениях их связи с презюмируемым исправлением. В юридической литературе давно предлагается установить дифференцированные «общие и индивидуальные обязанности»² с тем, чтобы нарушение индивидуальных обязанностей влекло лишь возможную отмену условного осуждения, а несоблюдение общих требований –

¹ Архивы 14 мировых, районных и городских судов 32 регионов Российской Федерации.

² Смаева Р.В. Институт условного осуждения в российском уголовном праве, законодательстве и практике его применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 10–11.

обязательную. При таком дифференцированном, гибком подходе будет более понятна реализация требования ч. 3 ст. 73 УК РФ о том, что «осужденный должен своим поведением доказать свое исправление»; станет ясна связь возлагаемых обязанностей с возможностью исправления конкретного осуждённого; оценка допущенного осуждённым нарушения не как формального, а именно препятствующего сохранению условного осуждения или требующего ужесточения условий воспитания.

Так, из изученных 40 решений о продлении испытательного срока в 22,5% случаев о связи недостаточной степени исправления осужденных с принимаемым решением не упоминается вовсе; в 77,5% этот вывод носит характер констатации, его обоснование не приводится.

При этом широко используются стандартные фразы («на путь исправления не встал и для своего исправления нуждается в продлении испытательного срока»). Неидеальной видится и практика назначения дополнительных обязанностей при продлении испытательного срока. В некоторых решениях установление новой обязанности для осуждённого сопровождается бессодержательным, на наш взгляд, указанием на то, что «это будет способствовать исправлению осужденного».

Также было изучено 30 судебных решений судов общей юрисдикции, на основании которых условное осуждение было отменено. Примечательно, что в 67% из них о недостижении цели исправления осужденного не упоминалось вовсе, в 33% упоминание о невозможности достижения этой цели носит характер констатации: «осужденный не доказал своего исправления».

Суды, мотивируя свое решение обстоятельствами, которые по УК РФ обуславливают *возможность* отмены условного осуждения (например, систематическим нарушением условий отбывания наказания), не прослеживают их связь с исправлением (степень исправления) осуждённого.

Изучение судебной практики показало, что при применении института условного осуждения оценка возможности (невозможности) достижения цели исправления осужденного и её отражение в судебных решениях производятся не всегда либо поверхностно. Это вызвано, на наш взгляд, тем, что:

– во-первых, сам законодатель не раскрывает содержание данной цели в УК РФ, не определяет её критериев. В ст. 9 УИК РФ фактиче-

ски упоминается не о содержании цели исправлении, а об исправлении как процессе;

– во-вторых, нормы УК РФ о продлении испытательного срока, об установлении обязанностей для условно осуждённых, основаниях возможной отмены этой меры уголовно-правового характера создают чрезмерно широкий простор для судебного усмотрения, но при этом не содержат четких критериев: какие именно обстоятельства должны (могут) учитываться при учёте возможности (невозможности) достижения цели исправления осужденного без отбывания назначенного наказания реально.

УЧЕТ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В.А. Терентьева

Необходимость более полного учета личностных особенностей несовершеннолетних и отражения их в уголовной статистике не вызывает сомнений. Однако данные исследований показывают, что личность несовершеннолетнего получила свое отражение только в 15% приговоров. Социально-демографические признаки получали свое отражение только в 17% приговоров. Социально-ролевая характеристика нашла свое отражение только в 2% приговоров, там содержалось указание на грамоты, выданные несовершеннолетнему за успехи в учебе и спорте¹.

Криминологическая характеристика личности несовершеннолетних в уголовной статистике отражается не в полном объеме. Не получили своего отражения в отчетности такие важные факторы, как влияние взрослых лиц на совершение преступлений несовершеннолетними; нет показателей, из которых можно сделать вывод о мотивах того или иного преступного действия.

Еще большей критике можно подвергнуть систему изучения рецидивной преступности несовершеннолетних. Наличие проблем в деятельности судов и органов юстиции подтверждается устойчивым

¹ *Долматов А.О.* Специальные обстоятельства, подлежащие особому учету при назначении уголовного наказания несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2014. С. 125.

уровнем рецидива. Совершенствование деятельности данных учреждений невозможно без определения эффективности уголовно-правовых мер. Уровень рецидива (высокий или низкий) свидетельствует о степени достижения как целей наказания, так и освобождения от него, а следовательно, является критерием эффективности. (Рецидив понимается нами в отношении несовершеннолетних в криминологическом смысле.)

Традиционно приводятся данные, свидетельствующие о более высоком уровне рецидива среди несовершеннолетних, лишение свободы которым было назначено условно (от 55,8 до 59,5%)¹. Однако, несмотря на низкую эффективность условного осуждения несовершеннолетних, большинство судей (60,0% от числа опрошенных) считают условное осуждение наиболее эффективной мерой воздействия на несовершеннолетних. Принудительные меры воспитательного воздействия предпочитают только 8,0% судей, реальное отбывание наказания – 12,0%. Однако, как показывают данные научных исследований, рецидив после применения принудительных мер воспитательного воздействия составляет 25,0%. В качестве объяснения подобного предпочтения условного осуждения приводятся наличие реального механизма контроля за поведением несовершеннолетнего и изменения в его поведении, обусловленные страхом отмены условного осуждения и назначения реального наказания.

Эволюция средств предупреждения рецидива невозможна без адекватного определения его уровня. Противоречивый уровень рецидива, указываемый при освобождении несовершеннолетних от наказания, можно объяснить тем, что их судьба изучается только на протяжении шести месяцев. Процесс изучения рецидива состоит в запросах тех учреждений, куда выбывают несовершеннолетние на предмет дальнейшей их судьбы. Методика изучения рецидива при применении освобождения от уголовного наказания не позволяет сделать однозначные выводы об уровне рецидива, поскольку данные не являются репрезентативными. Представляется логичным использовать методику изучения рецидива, применяемую в криминологических исследованиях, т.е. отслеживать судьбу освобожденных несовершеннолетних через год, через три года и пять лет, что позволило бы иметь более полные данные, которые отразят реальный уро-

¹ *Тараленко К.Н.* Рецидивная преступность среди условно осужденных несовершеннолетних и ее предупреждение. М.: PenalReformInternational, 2005. С. 62.

вень рецидива среди указанных лиц. Данная методика позволит установить реальный уровень рецидива среди несовершеннолетних.

ДЕЙСТВИЕ ОБРАТНОЙ СИЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ НАКАЗАНИЯ

О.В. Обернихина

Одним из важнейших институтов освобождения от наказания, стимулирующих правопослушное поведение лиц, осужденных к лишению свободы, является условно-досрочное освобождение (далее – УДО).

Алгоритм принятия решений о применении УДО включает в себя установление оснований условно-досрочного освобождения. Их принято делить на формальные и материальные.

Формальное основание – это фактическое отбытие определенной законом обязательной части наказания. Отбытие осужденным срока наказания в меньшем, чем установлено законом, размере исключает применение УДО и влечет за собой прекращение производства по ходатайству. Однако суд не может отказать в удовлетворении ходатайства на том лишь основании, что посчитает незначительной отбытую осужденным часть наказания, установленную законом.

В реалиях современности изменения, касающиеся формального основания для УДО, связаны с увеличением сроков отбытия наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления: незаконный оборот наркотических средств и т.д., посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, преступления террористического характера.

Важно отметить, что при учете этих изменений следует руководствоваться общими правилами о действии уголовного закона во времени, согласно которым уголовный закон, ухудшающий положение лица, отбывающего наказание, обратной силы не имеет. В таком случае подлежит применению закон, действовавший на момент совершения преступления, а не на момент обращения с соответствующим ходатайством об УДО¹.

¹ Червоткин А.С. Проблемы судебной практики рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении лиц, отбывающих лишение свободы // Уголовное право. 2015. № 3. С. 131–138.

С другой стороны, посредством этого института от отбывания наказания освобождаются преступники, обладающие повышенной криминогенной установкой¹.

Характер и содержание устанавливаемых уголовным законом мер должны определяться исходя не только из их обусловленности целями защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого эти меры применяются) тому вреду, который был причинен в результате преступных деяний.

Когда меры уголовного закона перестают отвечать социальным реалиям и приводят к ослаблению конституционной защиты прав человека или к чрезмерному государственному принуждению, то законодатель обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями².

Правоприменитель высказывает мнение о том, что принятый закон обратной силы не имеет, ученые-теоретики придерживаются иной позиции – исполнение наказания осуществляется в соответствии с действующим законодательством.

Представляется, что решение вопроса заключается в даче Пленумом Верховного Суда РФ подробного алгоритма действий, конкретных руководящих разъяснений по применению обратной силы уголовного закона при исполнении (отбывании) наказаний, в частности, по вопросам, связанным с УДО.

ПОТЕРПЕВШИЙ В ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЯХ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА (СТ. 143 УК РФ)

А.А. Наумов

Статья 143 УК РФ и действующие руководящие указания Верховного Суда РФ не раскрывают понятие потерпевшего при нарушении требований охраны труда. В постановлении Пленума ВС РФ

¹ Уголовно-исполнительное право: учеб. / под ред. В.И. Селиверстова. М.: Проспект, 2009. С. 86.

² Вырастайкин В. Условно-досрочное освобождение // Законность. 2006. № 2. С. 17.

от 23.04.1991 указано лишь на то, что потерпевший по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 143 УК РФ, «имеет отношение к данному производству». Эта формулировка не позволяет точно установить круг потерпевших в нарушении требований охраны труда. В доктрине уголовного права вопрос о потерпевшем применительно к указанному составу преступления решается неоднозначно.

Согласно одной из точек зрения определяющим критерием при установлении потерпевшего при нарушении требований охраны труда является его участие в трудовом процессе в рамках конкретного производства¹. Иная позиция в качестве такого критерия рассматривает место работы потерпевшего². Согласно третьей точке зрения потерпевшими в результате нарушения требований охраны труда могут быть любые лица³.

Признание потерпевшими в результате нарушения требований охраны труда любых лиц является следствием признания общественных отношений в сфере охраны труда объектом не только ст. 143 УК РФ (нарушение требований охраны труда), но и ст. 215–217 УК РФ (преступления, нарушающие специальные правила безопасности). Поскольку в соответствии со ст. 216 УК РФ обстановкой совершения преступления являются не только горные, строительные, но и иные работы, то по ныне действующему УК РФ невозможно разграничивать составы ст. 143 и 216 УК РФ по характеру выполняемой работы.

Другие из указанных точек зрения предполагают разделение работников данной организации на непосредственных участников трудового процесса, в рамках которого было совершено нарушение требований охраны труда, и на работников, которые не участвовали в работе. Дискуссионным является вопрос о признании потерпевшими в результате нарушения требований охраны труда не участвовавших в работе работников. Под последними понимаются как работники, не участвующие в любой работе на момент совершения

¹ *Тяжкова И.М.* Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002. С. 226.

² *Красиков А.Н.* Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 175.

³ *Лановенко И.П., Чангули И.Г.* Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. Киев, 1989. С. 78.

преступления, так и работники, занятые на другом производстве в той же организации.

Думается, правы ученые, рассматривающие в качестве критерия принадлежности к кругу потерпевших участие в том же производственном процессе, что и виновный. В соответствии с ч. 1 ст. 209 ТК РФ охрана труда – система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности... Именно в процессе трудовой деятельности применяются нормы охраны труда.

Потерпевшими при нарушении специальных правила безопасности могут быть любые лица при том, что субъектами данных преступлений являются все работники, занятые на данном производстве; при этом круг потерпевших и субъектов преступления нарушения требований охраны труда по сравнению с нарушениями специальных правил безопасности ограничен, что означает большую общественную опасность преступлений, нарушающих специальные правила безопасности, в сравнении с нарушением требований охраны труда, подтверждаемым соотношением санкций ст. 143 и 216 УК РФ.

Таким образом, потерпевшими в результате нарушения требований охраны труда являются, на наш взгляд, только лица, работавшие на одном с виновным лицом производстве в пределах одного рабочего места.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XVII–XIX вв.

Р.Н. Камалов

Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный государством порядок проведения выборов, законодательно стала закреплена в нормативных актах XIX в. Так, в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в раздел IX «О преступлениях и проступках против законов о состояниях» была

включена глава четвертая «О злоупотреблениях особых по состоянию присвоенных прав»¹.

В ст. 1884 Уложения устанавливалась ответственность для тех лиц, кто при проведении выборов в дворянские, городские или сельские общества склоняет кого-либо к подаянию голоса в свою пользу или в пользу или против другого лица. Кроме того, в ст. 1885 и 1893 Уложения предусматривалась ответственность за незаконное участие в выборах или незаконное лишение права участвовать в выборах.

Указанные статьи явились первыми в истории российского уголовного права нормами, устанавливающими ответственность за нарушения избирательных прав граждан. Именно с этого момента, по мнению многих ученых, берет свое начало развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за посягательства на указанную категорию прав.

Вместе с тем приведенные С.М. Соловьевым факты² свидетельствуют о том, что выборные местные органы государственной власти и их должностные лица в Российской империи еще в XVII в. в условиях бесконтрольности со стороны компетентных органов, злоупотребления властью высшими должностными лицами выбирались с нарушением норм избирательного права, а результаты (итоги) выборов под воздействием актов коррупции фальсифицировались. По мнению П.А. Кабанова, в связи с распространением указанных форм противоправного приобретения, распределения, сохранения и утраты власти в органах местного самоуправления городов законодатель предусматривал уголовную ответственность за их совершение по нормам об ответственности за служебные (должностные) коррупционные преступления³.

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. С. 480–481.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1964. Т. 13, кн. 7. С. 92, 591.

³ Кабанов П.А. Политическая преступность в России: взгляд в прошлое без прогноза на будущее // Российский юридический журнал. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2008. № 3. С. 84–90.

Вопросы уголовной ответственности за взяточничество и иные формы проявления корыстных злоупотреблений по службе нашли отражение в ст. 5, 7 Соборного уложения 1649 г.

Таким образом, теоретическая разработка норм уголовной ответственности за нарушение избирательных прав граждан в России началась в XIX в., следствием чего явилось включение соответствующих норм в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Однако фактически уголовная ответственность за нарушение данных прав, на наш взгляд, возникла во второй половине XVII в. с появлением абсолютистских тенденций и усилением самодержавия в России.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 159.2 УК РФ

А.В. Архипов

Согласно информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ за совершение преступлений, предусмотренных ст. 159.2 УК РФ (по основной и дополнительным статьям обвинения), в 2013 г. было осуждено 2 360 человек, в 2014 г. – 2 729 человек. Из всех специальных видов мошенничества мошенничество при получении выплат является вторым по распространенности, уступая лишь мошенничеству в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ). В отдельных регионах, к которым относится и Томская область, мошенничество при получении выплат является наиболее распространенным преступлением из числа специальных видов мошенничества¹.

Трехлетняя практика применения данной статьи УК РФ выявила целый ряд проблем, существенным образом усложняющих ее применение.

В ходе проведенного исследования были проанализированы материалы 67 уголовных дел, рассмотренных судами Томской области

¹ См., напр.: Обобщение Саратовского областного суда судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 159.1–159.6 УК РФ, а также судебной практики по приведению приговоров в отношении лиц, осужденных за мошенничество по ст. 159 УК РФ, в соответствие с УК РФ в редакции Федерального закона от 29.11.2012 № 207-ФЗ // Официальный сайт Саратовского областного суда. URL: <http://oblsud.sar.sudrf.ru> (дата обращения: 30.12.2013).

в 2013–2015 гг., а также опубликованная в государственной автоматизированной системе РФ «Правосудие» практика судов Сибирского федерального округа – всего 102 приговора, вынесенных судами Кемеровской области (54), Красноярского края (35), Новосибирской области (13).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об отсутствии единообразной судебной практики по целому ряду вопросов, имеющих важнейшее значение для правильной квалификации деяний по ст. 159.2 УК РФ.

Изучение уголовных дел показало, что во всех случаях предметом преступного посягательства были денежные средства. Уголовные дела о преступлениях, связанных с хищением иного имущества, предназначенного для передачи физическим лицам в качестве мер социального обеспечения, судами не рассматривались.

В части определения предмета преступленного посягательства были выявлены следующие проблемы:

- более чем в 10% от общего числа проанализированных судебных решений судами в качестве предмета преступления были установлены денежные средства, выделяемые не в качестве социальных, а в качестве иных выплат (как правило, это субсидии на поддержку субъектов предпринимательской деятельности и сельхозпроизводителей);

- в ряде случаев в качестве предмета преступления судами признавались не денежные средства, составляющие социальную выплату, а документ, подтверждающий право лица на ее получение (во всех случаях – государственный сертификат на материнский капитал).

Ошибки в определении предмета преступления привели в первом случае к назначению несправедливого вследствие чрезмерной мягкости наказания ввиду необоснованной квалификации по ст. 159.2 УК РФ, а не по ст. 159 УК РФ, предусматривающей более строгое наказание, а во втором случае – к необоснованному, по нашему мнению, привлечению к уголовной ответственности, так как незаконное получение государственного сертификата на материнский капитал является приготовлением к преступлению (приисканием средств совершения преступления), исходя из размера материнского капитала, его хищение квалифицируется по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, а поскольку это – преступление средней тяжести, то в силу ч. 2

ст. 30 УК РФ уголовная ответственность за приготовление к такому преступлению не наступает.

При определении способа совершения преступления были выявлены, в частности, такие проблемы:

– часто органами предварительного расследования действия виновных квалифицировались как совершенные обоими указанными в диспозиции ч.1 ст. 159.2 УК РФ способами: и путем предоставления заведомо недостоверных сведений, и путем умолчания о фактах, влекущих прекращение выплат, хотя данные способы совершения преступления взаимоисключающие;

– у судов нет единого представления о содержании недостоверных сведений, предоставляемых виновными. Так, например, в одном из апелляционных постановлений Кемеровского областного суда¹ было мнение о том, что мошенничество при получении выплат имеет место только в случае предоставления недостоверных сведений относительно наличия оснований для получения социальной субсидии (материнского капитала), если виновным были предоставлены недостоверные сведения относительно целей расходования субсидии, то состав преступления отсутствует. В ряде иных судебных решений высказывалось противоположное мнение – лица, нецелевым образом расходовавшие материнский капитал, признавались виновными в совершении рассматриваемого преступления.

Вывод: по истечении трех лет, прошедших с момента введения в действие ст. 159.2 УК РФ, цели, указанные авторами законопроекта (повышение качества работы по выявлению и расследованию таких преступлений, правильной квалификации содеянного, более четкое отграничение уголовно наказуемых деяний от гражданско-правовых отношений²), не достигнуты. Причины происходящего кроются не только в недостаточной квалификации правоприменителей, но чаще всего в существенных ошибках юридической техники, допущенных при конструировании данной статьи УК РФ. Имеется насущная потребность если не в законодательном изменении ст. 159.2 УК РФ, то хотя бы в ее казуальном толковании.

¹ *Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 24.04.2015 № 22-1712-2015.*

² *Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».*

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Д.С. Куклин

В современной российской действительности активизировались такие виды хищения, как мошенничество в сфере трудовых правоотношений, маскируемые фиктивным трудовым договором.

Обман в следующем: заключается фиктивный трудовой договор с несуществующим работником или с работником, который не собирается вступать в фактические трудовые отношения, но при этом намерен получать заработную плату или иные выплаты, связанные с трудовыми отношениями. Издаётся приказ, составляется табель, идет начисление заработной платы. В итоге за невыполненную работу, обусловленную трудовым договором, начисляется заработная плата, которую фактически получает либо должностное лицо, заключившее фиктивный трудовой договор, либо иные лица. В результате работодатель несет имущественный ущерб.

Однако не все фиктивные трудовые отношения свидетельствуют о хищении. Нередко фиктивные трудовые отношения являются дисциплинарным проступком, который влечет не уголовную, а дисциплинарную ответственность. В некоторых случаях работник фактически не выполняет трудовую функцию по объективным причинам, в данном случае работник будет поступать правомерно и говорить, что он совершил правонарушение, нельзя. Например, работник не вышел на работу из-за болезни или же у работника нет фактического допуска к работе. В данном случае у работника нет умысла путем обмана совершить хищение.

Чтобы правильно квалифицировать деяние, совершенное работником или должностным лицом, необходимо определить критерии разграничения, в каком случае будет правомерное поведение, дисциплинарный проступок или же мошенничество.

Ключевым критерием в данном случае будет наличие общих признаков хищения. Должно иметь место хищение чужого имущества путем обмана. Фактически происходит противоправное безвозмездное изъятие или обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества с корыстной целью, при этом причиняется ущерб собственнику или иному владельцу имущества. Возможны случаи, когда имеет место фиктивный трудовой договор, но зарплата не перечисляется работнику, а идет на нужды работодателя, покупается

оргтехника и т.д. В таком случае нельзя говорить о хищении, так как нет ущерба и нет потерпевшего.

Также стоит отметить, что ключевым критерием является прямой умысел, т.е. субъект преступления стремится своими противоправными деяниями совершить хищение чужого имущества и осознает характер своих действий или бездействий и их общественно опасные последствия и хочет, чтобы они наступили. Неосторожное деяние в данных трудовых отношениях будет квалифицироваться как дисциплинарный проступок, так как не будет являться общественно опасным, поскольку нет умысла.

В итоге можно сделать вывод, что для квалификации деяния как мошенничества в сфере трудовых правоотношений необходимо наличие хищения чужого имущества, т.е. должен быть реальный ущерб, деяние совершается путем обмана или злоупотребления доверием – заключения фиктивного трудового договора, и обязателен прямой умысел.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

А.В. Черноусова

Объективная сторона уничтожения или повреждения имущества по неосторожности в ст. 168 УК РФ определяется как «уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иным источником повышенной опасности». Обязательными признаками объективной стороны этого состава преступления является способ совершения преступления – неосторожное обращение с огнем или иным источником повышенной опасности и крупный размер. Огонь и иной источник повышенной опасности следует отнести к средствам совершения преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ.

Практика применения ст. 168 УК РФ показывает, что правоприменители испытывают существенные трудности при толковании такого средства совершения преступления, как «иной источник повышенной опасности», поскольку в уголовном законодательстве не раскрывается содержание его определения.

Многие авторы в научных работах при описании объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ, пытаются раскрыть понятие «иной источник повышенной опасности» через понятие «источник повышенной опасности» так, как оно понимается в гражданском праве. В то же время возникает вопрос о целесообразности такого подхода в уголовном праве, без учета его четко выраженного правоохранительного и формализованного характера и социально-правовой природы преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ. Источник повышенной опасности относится к категории, которая используется в гражданском праве. В ГК РФ отсутствует понятие источника повышенной опасности. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» дано понятие источника повышенной опасности, признаки которого не раскрываются должным образом. В ГК РФ перечисляются лишь отдельные виды деятельности, создающие повышенную опасность. Однако в связи с постоянным развитием научного технического прогресса этот перечень видов деятельности не является исчерпывающим. В юридической литературе вопрос о содержательном наполнении понятия «источник повышенной опасности» является одним из наиболее дискуссионных. Так, выделяют три концепции («теория объекта», «теория деятельности», «теория движущихся вещей»), которые пытаются дать всеобъемлющее и охватывающее все основные признаки понятия «источник повышенной опасности». Существующая дискуссия в гражданском праве по этому вопросу позволяет сделать вывод, что понятие «источник повышенной опасности» остается неопределенным.

Поэтому использование при обрисовке объективной стороны состава преступления в ст. 168 УК РФ понятия, не имеющего однозначного толкования, может повлечь трудности при квалификации уничтожения или повреждения имущества по неосторожности, которое приведет к неправильному уяснению и применению уголовного закона. Как видим, использование в диспозиции ст. 168 УК РФ такого оценочного термина, как «источник повышенной опасности», который имеет разное смысловое наполнение в уголовном и гражданском законодательстве, вызывает трудности при квалификации этого преступления. На наш взгляд, направленность законодателя на то, чтобы заимствовать правовые понятия из одной отрасли права и

придавать им иной смысл в других отраслях права, лишена самостоятельности, поскольку вносит путаницу при толковании и эффективном применении норм.

Кроме того, понятие источника повышенной опасности не является общеправовым, которое используется и имеет одинаковое значение для всех отраслей права. Как уже ранее указывалось, оно относится к гражданско-правовой категории. В УК РФ понятие «источник повышенной опасности» в ст. 168 УК РФ придается иное смысловое значение. На наш взгляд, использование понятия «иной источник повышенной опасности» в ст. 168 УК РФ было сделано с целью обозначить, что это преступление может быть совершено с использованием предметов или веществ, которые могут создать реальную угрозу причинения вреда жизни, здоровья или имущественным интересам граждан.

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ О ХАЛАТНОСТИ

М.А. Тыняная

Федеральным законом от 13.07.2015 № 265-ФЗ в ст. 293 УК РФ внесены изменения; ч. 1 ст. 293 изложена в следующей редакции: «Халатность, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом *своих обязанностей* вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо *обязанностей по должности*, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Фактически законодатель предусмотрел два варианта поведения должностного лица в составе халатности: 1) неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе; 2) неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом обязанностей по должности. Однако при такой редакции уголовно-правовой нормы возникает вопрос: в чем отличие «своих обязанностей» должностного лица от «обязанностей по должности»?

К сожалению, законодатель достаточно ясно не объяснил, чем вызваны эти изменения. Видимо, они были обусловлены изменением понятия должностного лица. Согласно примечанию 1 к ст. 285 УК РФ (в ред. Федерального закона от 13.07.2015 № 265-ФЗ) должностными лицами являются в том числе и лица, выполняющие организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам РФ или муниципальным образованиям. Изменение понятия должностного лица в целом, полагаем, следует оценить положительно. Стоит согласиться с мнением авторов законопроекта, что правовая природа осуществляемых этими руководителями полномочий, порядок их назначения на должность позволяют говорить о целесообразности приравнивания таких лиц к должностным лицам¹. Вопрос о необходимости привлечения этих лиц к уголовной ответственности за халатность давно ставился в уголовно-правовой науке и практике².

Субъектами халатности, как отмечается в литературе, теперь могут быть лица, которые не являются государственными и муниципальными служащими, однако являются должностными лицами³. Надо сказать, что эти лица могли быть субъектами халатности и до указанных изменений. Не всякое должностное лицо является государственным или муниципальным служащим. В частности, должностными могут быть лица, выполняющие функции представителя власти, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные *по специальному полномочию*. По специальному пол-

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 394011-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в части усиления ответственности за преступления, связанные с ненадлежащим исполнением должностных обязанностей) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

² См., напр.: Мелихов С.Ю. Проблемы криминализации общей управленческой халатности в коммерческих и иных организациях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. 22 с.

³ Назаров О.В. О новых субъектах халатности, получения взятки и других преступлений главы 30 УК РФ // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

номочию функции должностного лица может исполнять лицо и не занимающее должность. Исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом (например, функции присяжного заседателя)¹. У таких должностных лиц нет «своих обязанностей», но есть «обязанности по должности».

Н. Егорова отмечает, что дополнение ч. 1 ст. 293 УК РФ указанием на «обязанности по должности» дает основание полагать, что тем самым криминализировано неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом не только сугубо должностных, но и вообще любых обязанностей по этой должности, включая профессиональные². С такими выводами сложно согласиться, они противостоят систематическому толкованию нормы о халатности, природе этого преступления.

Здесь уместно вспомнить текст ст. 172 УК РСФСР 1960 г., в котором халатность определялась как «невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом *своих обязанностей* вследствие небрежного или недобросовестного *к ним отношения*, причинившее существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан». Многие авторы предлагают вернуться к этой редакции закона. В частности, ввиду того, что она лучше отражает субъективные и объективные признаки халатности. Такая редакция закона, действительно, по сравнению с действующей представляется более ясной и логичной. Действующая редакция текста ст. 293 УК РФ создает существенные трудности в уяснении признаков халатности, сложна для восприятия.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

² Егорова Н. Новеллы Уголовного кодекса о должностных преступлениях // Законность 2016. № 2. С. 36.

Так, возникают сложности с определением формы вины халатности. Термины «небрежное и недобросовестное отношение к службе» неоднозначно толкуются в науке и практике уголовного права, однако некоторые авторы утверждают, что они указывают на форму вины халатности. При существующей редакции нормы допустим вывод, что халатность может быть совершена и умышленно.

Более верным решением, полагаем, было бы исключить из законодательного определения халатности термины «небрежное и недобросовестное отношение к службе», которые не позволяют с достаточной ясностью, точностью определить ни объективную, ни субъективную сторону халатности, и указать в тексте ч. 1 ст. 293, что общественно опасные последствия могут быть причинены только по неосторожности.

ПРИСВОЕНИЕ НАЙДЕННОГО: НУЖНА ЛИ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ?

В.А. Смирнов

Уголовный кодекс РФ 1996 г. не содержит специального состава присвоения найденного. Тем не менее в судебной и следственной практике регулярно возникают вопросы: как квалифицировать случаи обращения лицом в свою пользу потерянного чужого имущества? К сожалению, единства подходов не наблюдается, в результате чего существует потребность в продолжении исследований этой проблемы.

Анализ правоприменительной практики показывает, что российские органы предварительного расследования изначально давали квалификацию подобных случаев по ст. 158 УК РФ, что, конечно же, было неправильным. Еще в XIX в. и законодатель, и ученые-криминалисты противопоставляли кражу и присвоение находки, отмечая разницу в общественной опасности этих преступлений, а также в их объективной стороне (при присвоении находки отсутствует изъятие)¹. На таких же позициях основывалось и советское уголов-

¹ Судебные уставы Императора Александра II. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями с дополнениями по 1 января 1885 г. С приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената и с

ное право¹. В конечном итоге это нашло отражение и в современном уголовном праве России, – так, например, Московским областным судом в 2011 г. было разъяснено, что присвоение найденного не может расцениваться как хищение чужого имущества, а также что «по действующему законодательству лицо, утаившее находку либо не заявившее о ней, не несет уголовной ответственности»². Данное определение стало настолько знаковым, что многие сотрудники ОВД нашего региона считают обязательным ссылаться в постановлениях об отказе в возбуждении уголовных дел на него как на нормативно-правовой акт. К сожалению, такой подход получает все большее распространение, в результате чего невнимательные собственники, по сути, лишаются возможности защитить свои права.

Учитывая значимость проблемы, в уголовно-правовой литературе достаточно часто звучат призывы о необходимости криминализации указанного деяния. Мы же считаем, что действующее уголовное законодательство не нуждается в этом и вполне может «обойтись» текущим состоянием, а именно использовать потенциал ст. 330 УК РФ. В принципе такая возможность отмечается даже высшим судебным органом нашей страны – п. 7 постановления «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняет, что «не образуют состава кражи... противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например... в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по ст. 330 УК РФ...»³ При таком подходе основной проблемой, на наш взгляд, является обоснование того, что виновный в первую очередь посягает не на отношения собственности, а на отношения, обеспечивающие установленный в го-

разъяснением закона 18 мая 1882 о краже со взломом. Изд. Н.С. Таганцевым. 4-е изд., доп. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1885. С. 332–337.

¹ См., напр., ст. 163 и абз. 2 ст. 168 УК РСФСР 1926 г.; ст. 89 и 97, позже ст. 144 и 148.4 УК РСФСР 1960 г.

² *Бюллетень судебной практики Московского областного суда за второй квартал 2011 года*: утв. президиумом Мособлсуда 24.10.2011 [Электронный документ] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2016).

³ *О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое*: постан. Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 4.

сударстве порядок управления в сфере реализации личных прав граждан.

Мы считаем, что, присваивая находку, лицо относится к ней не как к чужому имуществу, а как к бесхозному (в данном случае мы ведем речь о ситуациях, когда вещь объективно для нашедшего представляется «ничьей» – случаи «находки» предметов, потерянных собственником на глазах находящего либо в обстановке, явно указывающей на забытый либо временно оставленный характер вещи, к этому не относятся), т.е. у него как раз и появляется предполагаемое право на данное имущество. Но чтобы оно стало реальным, необходимо соблюсти ту процедуру, которая установлена для находки в ГК РФ (ст. 227–229). Соответственно, нарушая установленные правила, лицо проявляет неуважительное отношение к законодательству, а именно к тем правилам, которые государство посчитало необходимым закрепить, чтобы обеспечить определенный порядок, режим обращения с найденным имуществом. В конечном итоге это нарушает положения Конституции РФ о том, что «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы» (ст. 15). Поэтому нам представляется, что в рассматриваемой ситуации первоочередной вред причиняется именно порядку управления.

Все приведенные рассуждения, безусловно, являются способом еще раз обратить внимание на существующую проблему и приглашением к продолжению дискуссии.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.А. Никитина

В 2009–2012 гг. произошла радикальная смена курса уголовной политики по противодействию преступности в сфере экономики.

Созданный ныне уголовно-правовой механизм дифференцированно призван не противодействовать, а управлять экономической преступностью. В самой стратегии противодействия преступлениям, совершаемым предпринимателями, специально заложены всякого

рода неясности и пробелы, которые можно истолковать в пользу преступника. Это проявляется в том, что:

- в правовом механизме разрешения споров о нарушении законодательства, регулирующем предпринимательскую или иную экономическую деятельность, приоритет отдан средствам гражданской юстиции;

- уголовное преследование официально признано субсидиарным средством обеспечения экономической безопасности страны;

- в технологии доказывания основания уголовной ответственности за преступления налоговой, экономической направленности предусмотрен элемент преюдиции, который не только препятствует «криминализации» гражданско-правовых споров, но и не позволяет устанавливать юридические факты, создает почву для злоупотреблений, позволяет избегать ответственности настоящим мошенникам.

Уголовная политика призвана обеспечить такой уровень правонарушаемости в сфере предпринимательской деятельности или иной экономической деятельности, который не носит разрушительного характера для народного хозяйства, является управляемым, контролируемым. Состояние экономической безопасности означает отсутствие реальной опасности базовым институтам рыночной экономики, народному хозяйству страны.

Без уголовного закона не было бы преступности. Преступность, ее уровень, структура – следствие определенной уголовной политики, проводимой государством. В уголовной политике выражается мера противоправности, приемлемая для данного общества, его экономической системы. Уголовная политика имеет цену, которую общество готово платить преступности и правоохранительной системе, противодействующей преступности. Уголовная политика не может быть разорительной для общества. В то же время дешевая уголовная политика дорого обходится обществу. Уголовная политика и, как ее производное, преступность отражают баланс интересов частного и публичного.

В настоящее время актуально переориентирование уголовной политики на решение новых задач в сфере обеспечения экономической безопасности (восстановление реального сектора экономики, деофшоризация, амнистия капитала и пр.).

Уголовная политика – концентрированное выражение экономики, она есть продолжение внутренней и внешней политики государ-

ства посредством использования уголовно-правовых средств. Уголовная политика государства в сфере экономики призвана защищать интересы собственников – предпринимателей, институт частной собственности, свободу предпринимательства. Но не от народа и не от правоохранителя, а от вора, мошенника – такого же предпринимателя, от коррупционера – чиновника. Преступники-предприниматели должны караться на равных со всеми прочими преступниками.

Целью уголовной политики по противодействию коррупции и связанной с ней организованной экономической преступности является обеспечение экономической безопасности. В настоящее время наибольшую угрозу экономической безопасности представляет коррупция, взаимосвязанная с организованной экономической преступностью. Это две стороны одного криминогенного явления, производного от фундаментальных качеств экономики, связи государства и бизнеса, сырьевой модели экономики и теневого, криминального происхождения института частной собственности, сформированного в ходе несправедливой приватизации.

Стратегически уголовная политика направлена на ликвидацию или смягчение этих факторов.

Следует усилить наказание за экономические преступления, прежде всего носящие организованный характер, приносящие вред народному хозяйству, большому числу граждан, экологии, связанные с коррупцией. Нужно вводить новые составы, с более жесткими наказаниями за такие разновидности мошенничества, как строительство финансовых пирамид, мошенничество в сфере долевого строительства. Налоговые преступления, все проявления незаконной экономической деятельности, принесшие значительный материальный вред населению, должны быть признаны не менее тяжкими преступлениями, чем коррупционные.

Необходимо в полной мере осуществить имплементацию в наше законодательство европейских и международно-правовых стандартов противодействия организованной экономической и коррупционной преступности.

СТАДИИ ВООРУЖЕННОГО МЯТЕЖА

А.В. Корнилов

В УК РСФСР 1960 г. к числу особо опасных государственных преступлений относился заговор с целью захвата власти, который рассматривался в ст. 64 в качестве одной из форм измены Родине¹.

М.В. Турецкий предлагал считать заговор с целью захвата власти оконченным «с момента осуществления деятельности по организации заговорщической группы»². Аналогичная точка зрения высказывалась А.А. Игнатьевым, который определял «заговор как объединение двух или более лиц для совместной деятельности с целью захвата власти» и считал его «оконченным с момента соглашения о совместной деятельности в целях захвата власти»³. Им было предложено выделить заговор с целью захвата власти в качестве самостоятельного состава преступления, не связывая его только с изменой Родине⁴. В современный период это два самостоятельных преступления, предусмотренных ст. 278 и 279 УК России. Примечание поощрительного характера к ст. 278 УК России содержится в ст. 275 УК России, что свидетельствует об исторической связи этих преступлений.

Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 279 УК России, охватывает организацию вооруженного мятежа либо активное участие в нем. Обязательным признаком этих действий будет применение насилия при достижении конечной преступной цели⁵.

В 2006 г. были внесены серьезные изменения в УК России в сфере борьбы с терроризмом. В связи с этим такие действия, как подго-

¹ Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

² Турецкий М.В. Особо опасные государственные преступления. М.: Изд-во МГУ, 1965. С. 51.

³ Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Карпушин М.П. Ответственность за государственные преступления / общ. ред. и введение Л.И. Баркова. М.: Юрид. лит., 1988. С. 40.

⁴ Там же.

⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под общ. ред. Н.А. Овчинникова. М., 2007. С. 786.

товка, вооружение, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в осуществление вооруженного мятежа, стали квалифицироваться по ст. 205.1 УК России в рамках усеченного¹ состава преступления на стадии приготовления. В 2014 г. организацию финансирования преступлений, предусмотренных ст. 278 и 279 УК России, законодатель предусмотрел в рамках усеченного состава преступления в ч. 4 ст. 205.1 УК России с максимальной санкцией в виде пожизненного лишения свободы.

При финансировании терроризма разграничиваются такие действия, как организация, подготовка или совершение преступлений, предусмотренных ст. 279 УК России (примечание 1 к ст. 205.1 УК России). Первоначальным моментом окончания финансирования организации вооруженного мятежа выступает сбор средств по ч. 1 ст. 205.1 УК России (в том числе и для последующего активного участия в вооруженном мятеже), а сам процесс такой организации финансирования является окончанным преступлением по ч. 4 ст. 205.1 УК России.

Применительно к вооруженному мятежу С.В. Дьяков и А.И. Коробеев указывают, что «действия организатора выражаются в разработке плана вооруженного выступления против властей, подготовке программных документов, призванных объединить людей, создании организационных структур для вооруженных действий и вовлечения (вербовки) в них граждан, руководстве вооруженным контингентом в ходе осуществления плана по свержению или насильственному изменению конституционного строя России либо отторжению части территории Российской Федерации и т.д.»²

По мнению С.В. Дьякова и А.И. Коробеева, «действия организатора признаются окончанным преступлением с момента совершения указанных практических действий, независимо от того, воплотились они в фактическом вооруженном выступлении против законных органов власти или оказались по каким-то причинам сорванными (не удалось объединить людей, деятельность пресекли правоохрани-

¹ Усеченные составы близки к формальным составам, их особенностью является то, что окончание указанного в них преступного деяния законом перенесено на более раннюю стадию его совершения. См.: *Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г.* Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: М., 2015. С. 42.

² *Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева.* СПб., 2008. Т. 5. С. 53–54.

тельные органы и т.д.)»¹. Что касается действий активных участников в вооруженном мятеже, то моментом окончания будет являться первое вооруженное выступление. В отношении пассивных участников вооруженного мятежа возможно привлечение их в качестве пособников через ч. 5 ст. 33 и ст. 279 УК России либо в качестве субъектов преступления по ст. 205.1 УК России, в определенных ситуациях возможно применить к ним ст. 31 УК России о добровольном отказе.

Таким образом, организация вооруженного мятежа по конструкции объективной стороны окончена на стадии приготовления в силу ее высокой степени общественной опасности, а момент окончания активного участия в вооруженном мятеже – первое вооруженное выступление мятежников, соответственно дача согласия вербовщику на участие в вооруженном мятеже будет образовывать приготовление (ч. 1 ст. 30 и ст. 279 УК России).

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д.А. Баянов

Понятие и виды преступлений в сфере предпринимательской деятельности наиболее целесообразно определять через формулирование объекта, на который они посягают.

В частности, Л.Л. Кругликов выделяет 6 групп преступлений в сфере экономической деятельности на основе группового объекта наряду с интересующей нас группой деяний, направленных против установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности: против интересов кредитора; против свободы товарного рынка; против установленного порядка обращения денег, ценных бумаг и валютных ценностей; против установленного порядка осуществления внешнеэкономической деятельности; против установленного порядка уплаты налогов и страховых взносов; против прав потребителей.

Отдельные ученые при классификации преступлений в сфере экономической деятельности в качестве критерия используют непо-

¹ *Полный курс уголовного права. С. 54.*

средственный объект (Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов, Б.В. Яценко). Так, Б.В. Яценко выделяет 4 группы посягательств среди составов, предусмотренных главой 22 УК РФ: в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; в денежно-кредитной сфере; в сфере финансовой деятельности государства; в сфере торговли и обслуживания населения.

Наиболее предпочтительной же видится позиция, которая уже высказывалась в научной литературе (в частности, А.А. Чугуновым), исходящая из того, что объект преступлений в сфере предпринимательской деятельности не является однородным, а, напротив, вбирает в себя два существенных компонента: установленный законодательством Российской Федерации порядок осуществления предпринимательской деятельности и свободу осуществления предпринимательской деятельности, ее независимость от воздействия извне.

В этой связи Б.В. Волженкин выделяет в самостоятельную группу преступления должностных лиц, нарушающие установленные Конституцией и федеральными законами гарантии осуществления экономической, в том числе предпринимательской деятельности, права и свободы ее участников (ст. 169 и 170 УК РФ), посягающие на порядок осуществления предпринимательской деятельности как бы «извне», со стороны тех лиц, которые обязаны обеспечивать и контролировать этот порядок. В то же время Б.В. Волженкиным также выделяется и вторая группа преступлений, совершаемых соответственно уже самими участниками предпринимательской деятельности, т.е. «изнутри».

Представляется возможным согласиться с мнением Б.В. Волженкина и А.А. Чугунова и в связи с этим сформулировать следующее определение преступлений в сфере предпринимательской деятельности: *это общественно опасные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом, посягающие на установленный законодательством порядок осуществления предпринимательской деятельности (посягают «изнутри») либо препятствующие ее свободному осуществлению (посягают «извне»).*

Основываясь на данной дефиниции, мы можем исчерпывающе определить круг преступлений в сфере предпринимательской деятельности, разделив их на две подгруппы:

1. *Преступления, посягающие на установленный законодательством Российской Федерации порядок осуществления предприни-*

матерской деятельности: ст. 171, 171.1, 171.2, 172, 173.1, 173.2, 195, 196, 197 УК РФ.

2. Преступления, препятствующие свободному осуществлению предпринимательской деятельности: ст. 169, 178, 180, 183.

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ЗНАЧИТЕЛЬНОМ (КРУПНОМ, ОСОБО КРУПНОМ) РАЗМЕРЕ

О.А. Беларёва

Для квалификации оконченного сбыта по чч.3, 4, 5 ст. 228.1 УК РФ как совершенного в значительном (крупном, особо крупном) размере необходимо, чтобы виновным были выполнены действия по передаче приобретателю (или приобретателям) наркотических средств, размер которых в соответствии с Постановлением Правительства РФ признан значительным (крупным, особо крупным). Данное правило должно распространяться как на сбыт, совершаемый однократно – одному приобретателю или лицу, представляющему нескольких приобретателей, так и на сбыт наркотических средств, совершаемый в форме продолжаемого преступления: лицо незаконно приобретает с целью сбыта наркотическое средство и сбывает его по частям в несколько приемов.

Достаточно типичной является ситуация, когда виновный незаконно приобретает наркотические средства с целью сбыта, часть из них сбывает, при покушении на сбыт второй части задерживается в рамках ОРМ, третья часть обнаруживается у него в незаконном хранении. В судебной-следственной практике встречаются следующие варианты уголовно-правовой оценки таких действий:

1. Содеянное в целом квалифицируется как одно преступление по ст. 228.1 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30.

2. Содеянное квалифицируется по совокупности оконченного сбыта наркотических средств, покушения на сбыт и приготовления к сбыту наркотических средств¹.

¹ В редакции п. 13.2 ППВС РФ № 14 от 30.06.2015 г. приобретение, хранение наркотических средств с целью сбыта, если сбыт не состоялся по независящим от лица обстоятельствам, следует квалифицировать как покушение на сбыт этих средств.

Существенно отличается квалификация незаконного сбыта наркотических средств, осуществляемого в несколько приемов, если устанавливается, что для каждого эпизода сбыта наркотическое средство приобретает отдельно и реализуется полностью. В таких случаях наблюдается единство уголовно-правовой оценки содеянного как совокупности доказанного количества сбытов наркотических средств.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 в п.13 ранее содержало рекомендацию о квалификации как покушения на сбыт наркотических средств в крупном или особо крупном размере, если умысел не был реализован полностью и размер фактически сбытого не составляет крупного или особо крупного. Однако новая редакция п. 13 ППВС РФ от 30.06.2015 такого разъяснения уже не содержит.

Значит ли это, что Пленум ВС РФ ориентирует суды на квалификацию сбыта наркотического средства в определенном размере как оконченного независимо от размера фактически реализованного по аналогии с квалификацией получения взятки в определенном размере?

Представляется, что рекомендация Пленума ВС РФ, содержащаяся в абз. 6 п. 13 постановления №14 от 15.06.2006 г. в редакции до 30.06.2015 г., была логичной, понятной, соответствовала правилам, разработанным теорией квалификации преступлений. Её исключение из ППВС РФ не способствует обеспечению правильного и единообразного применения уголовного закона.

При квалификации продолжаемого сбыта наркотических средств возможна ситуация, когда, приобретя для сбыта наркотическое средство в крупном или особо крупном размере, лицо реализует не весь объем, но размер того наркотического средства, которое было реализовано, составляет крупный или особо крупный. Представляется, что недоведение задуманного до конца в части реализации всего приобретенного для сбыта наркотического средства может влиять на квалификацию лишь при условии, что предполагаемый и фактически имевший место размер сбытого наркотического средства по-разному оцениваются законодателем – хотел сбыть в особо крупном размере, а сбыл только в крупном или значительном. В таких случаях содеянное следует квалифицировать по направленности умысла как покушение на преступление с наиболее отягчающим обстоятельством.

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ПРЕДПОСЫЛКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Г. Брагина

От того, каким образом осуществляются функции по поддержанию правопорядка, зависит качество жизни отдельных лиц и всего общества в целом¹. Опасность деяний, посягающих на законную деятельность сотрудников ОВД, заключается в том, что они исключают данных потерпевших из правоохранительных отношений, отстраняют от выполнения возложенных задач, наносят ощутимый удар по национальной безопасности, подрывают основы государственности и поддерживаемый порядок.

Деятельность сотрудников ОВД должна основываться на общеправовом принципе законности – одной из исходных, определяющих идей, составляющих нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права², в том числе уголовного. Законная деятельность предполагает, что сотрудник действовал в соответствии со своими полномочиями, с соблюдением установленного законом порядка³. Содеянное, ставшее реакцией на явно незаконные действия, исключает ответственность за преступление против государственной власти. Такое ограничение совершенно нормально. Устанавливая его, законодатель не позволяет применять специальные, нередко значительно более строгие по санкции, нормы к лицам, преступившим закон.

Учитывая специфику деятельности сотрудников ОВД, категорию граждан, с которыми им чаще всего приходится работать, мож-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22.09.1989 № 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка».

² Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2005.

³ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят 17.12.1979 Резолюцией 34/169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). URL: [//www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

но констатировать, что неукоснительное соблюдение норм российского права этой наиболее многочисленной группой российских правоохранителей становится определяющим обстоятельством, позволяющим исключить безнаказанность виновных. Проиллюстрируем этот тезис следующим. Судебная практика изобилует случаями, когда преступник оправдывает себя тем, что ошибся в личности потерпевшего, руководствовался эмоциями, не знал, что за совершенное его ожидает уголовная ответственность и пр., избирая тактикой своей защиты ложь. Между тем исследователями проблем правосознания и преступного поведения установлено, что общий объем осведомленности о праве у преступников выше законопослушных граждан, что объясняется их потребностью уклониться от ответственности за правонарушение¹. Так, например, поступила некая П. В судебном заседании она заявила, что оказала сопротивление, поскольку решила, что перед ней бандиты, переодетые в форму сотрудников полиции, угрожавшие ей изнасилованием. Законность действий потерпевших при задержании П. стала одним из обстоятельств, учтенных судом при вынесении приговора, а абсурдные доводы виновной в суде, попытки в ходе предварительного следствия привлечь потерпевших к уголовной ответственности за якобы совершенные ими преступления, предусмотренные ст. 285, 286 УК РФ, на решение суда влияния не оказали².

СТАТЬИ 175 . 326 УК РФ – КОНКУРЕНЦИЯ НОРМ ИЛИ ИДЕАЛЬНАЯ СОВОКУПНОСТЬ?

С.П. Опацкая

В юридической литературе, так же как и в судебной практике, не существует однозначного мнения относительно применения ст. 175 и 326 УК РФ за заранее не обещанный сбыт транспортного средства (автомобиля), заведомо добытого преступным путем, с поддельными регистрационно-учетными номерами.

¹ *Числов А.И.* Профессиональная правоохранительная деятельность (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010.

² *Архив* Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края за 2012 г. Д. № 1–577

Реализация уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших заранее не обещанный сбыт транспортного средства, заведомо добытого преступным путем, с поддельными регистрационно-учетными номерами окутана проблемами в квалификации деяний. Отсутствует единая позиция в применении норм ст. 175 и 326 УК РФ. Причиной тому служат разные подходы в разграничении приобретения/сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, и подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства.

Одни авторы и правоприменители считают, что при классификации данных действий возникает конкуренция норм (как общей и специальной). Другие, что имеет место быть идеальная совокупность п. «б» ч. 2 ст. 175 и 326 УК РФ. Сторонники идеальной совокупности аргументируют свои позиции тем, что квалифицировать действия за заранее не обещанный сбыт транспортного средства, заведомо добытого преступным путем, с поддельными регистрационно-учетными номерами – по одной из норм (ст. 175 или ст. 326 УК РФ) неправильно, так как данная квалификация не отражает того факта, что содеянное посягает на два различных объекта уголовно-правовой охраны (преступление, предусмотренное ст. 175 УК РФ, имеет непосредственный объект – отношения в сфере экономической деятельности (законный порядок совершения сделок), ст. 326 УК РФ – общественные отношения и интересы, обеспечивающие установленный законом порядок государственной регистрации, учета и идентификации транспортных средств).

Сторонники конкуренции норм строят свою аргументацию на том, что состав преступления, предусмотренного ст. 326 УК РФ, является нечто большим, чем комплекс формальных действий, описанных в диспозиции, и является законной альтернативой ст. 175 УК РФ.

Весьма интересно, что более «масштабное» преступление (в плане действий: приобретение автомобиля, добытого преступным путем, действия по подделке номеров (это специальное место/гараж, оборудование, знания...)), по ст. 326 УК РФ совершенное группой лиц или организованной группой, предусматривает ограничение свободы до 3 лет, а по ст. 175 УК РФ – до 5 лет, хотя оно менее «масштабное» и предусматривает преступный способ приобретения автомобиля и его сбыт.

Считаю, что заранее не обещанный сбыт автомобиля, заведомо добытого преступным путем, с поддельными регистрационно-учетными номерами – это частный случай, выведенный из ст. 175 УК РФ, поэтому совокупности норм ст. 175 и 326 УК РФ быть не может. Данная классификация противоречит принципу справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ), никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Статья 326 УК РФ полностью отражает преступление – заранее не обещанный сбыт транспортного средства, заведомо добытого преступным путем, с поддельными регистрационно-учетными номерами – в своей диспозиции.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ИЛИ УЧАСТИЕ В НЕМ

А.М. Матюшов

Нормы о соучастии появились давно, однако устойчивые групповые образования на протяжении длительного времени в отечественном законодательстве не выделялись¹.

Впервые понятие противозаконного сообщества было закреплено в ст. 347 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., затем Закон от 27 марта 1867 г. выделил виды противозаконных сообществ, подробно регламентировал ответственность их организаторов, руководителей и участников, а Закон от 4 июня 1874 г. установил цели деятельности таких сообществ.

Чем же была обусловлена столь активная законодотворческая деятельность? Криминализация организации противозаконного сообщества и участия в нем в основном была вызвана тем, что за рамки соучастия выходила общественно опасная деятельность террористических сообществ, аккумулировавших усилия многих лиц для совершения резонансных террористических преступлений. Первое террористическое сообщество «Ад» было создано членами кружка

¹ *Стариков Н.В.* Кто финансирует развал России?: от декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2010. С. 9–24.

«Иштуинцев». В приговоре от 24 сентября 1866 г. по делу Каракозова Верховный Уголовный Суд установил, что к сообществу «Ад» принадлежали 34 человека, имевшие целью осуществление систематического террора против законных властей. Судом член террористического сообщества Каракозов был осужден к смертной казни за покушение на императора.

Заметим, что распространению террористических идей во многом способствовал оправдательный вердикт суда присяжных по делу Засулич. В результате идеология, допускающая убийство в качестве нормального средства борьбы с властью для достижения политических и социальных целей, получила широкую поддержку в революционных кругах. В период с 1878 по 1881 г. было совершено 8 террористических актов в отношении высших лиц государства, в частности, были убиты харьковский генерал-губернатор Д.Н. Кропоткин, начальник жандармерии Н.В. Мезенцев и сам император Александр II.

Кроме того, нельзя не согласиться с Н.В. Стариковым, полагающим, что «источником финансирования террористических организаций того времени были спецслужбы соперничающих с Россией стран». Например, когда российские войска с февраля 1878 г. стояли на пороге Стамбула, в России появилась «Земля и воля», которая до этого, согласно справке Одесского жандармского управления, не имела строго определенной организации и ее появление не было обусловлено последствием явно очерченной системы действий»¹.

Таким образом, общественная опасность деятельности террористических сообществ того времени состояла в антигосударственной направленности их действий, конечной целью которых было уничтожение Российского государства. Завершая анализ социальной обусловленности, нельзя не заметить, что ответственность за жертвы терроризма во многом несло общество, так как оно в течение трех десятилетий героизировало убийц, оказывало им моральную поддержку. В частности, как отмечала член ЦК кадетской партии А.В. Тыркова-Вильямс, оппозиция, социалисты и либералы в единодушном порыве отказывались осудить террор, и в этом, по ее мнению, было что-то жуткое, нездоровое в поведении тогдашнего общества.

¹ Стариков Н.В. Указ. соч. С. 73.

К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШИХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

И.В. Лозинский

В течение 2015 г. охраняющие общественные отношения в сфере экономической деятельности нормы, составляющие главу 22 УК РФ, как и в предыдущие годы, подверглись значительным изменениям.

На основании Федерального закона РФ от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ изменениям подверглась ст. 178 УК РФ – указанная уголовно-правовая норма озаглавлена «Ограничение конкуренции», из её диспозиции исключена ответственность за «ограничение доступа на рынок». Также в новой редакции ст. 178 УК РФ законодатель существенно увеличил «крупный» и «особо крупный» размеры как дохода, извлекаемого в результате совершения запрещаемого ею преступления, так и причиняемого данным преступлением ущерба, что свидетельствует о некотором «сужении» её действия. На наш взгляд, обозначенное «сужение», с одной стороны, свидетельствует о частичной демократизации уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере, с другой – в результате его возник серьёзный пробел в данном законодательстве, поскольку вне зоны действия ст. 178 УК РФ оказалось «ограничение доступа на рынок», представляющее собой одно из средств устранения конкуренции. Таким образом, указанный уголовно-правовой запрет нуждается в дальнейшем совершенствовании.

На основании Федерального закона РФ от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ законодателем были внесены значительные изменения и в ст. 173.1–173.2 УК РФ, направленные на борьбу с фирмами-«однодневками». В частности, в новой редакции ст. 173.1 установлена ответственность и за «представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекших внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах». Кроме этого, в Примечании к новой редакции рассматриваемого уголовно-правового запрета законодателем даётся более точная дефиниция такого его элемента, как «подставные лица». В результате внесения изменений в ст. 173.2 УК РФ ответственность по указанной статье, в отличие от её предыдущей редакции, наступает, если деяния, указанные в её чч. 1–2, «совершены для внесения в единый го-

сударственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице». Таким образом, указанное «расширение» действия рассмотренных норм вполне обосновано.

На основании Федерального закона РФ от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ законодатель внёс изменения в ст. 187 УК РФ. В результате оказалось подробно раскрытым понятие «иные платёжные документы». По нашему мнению, несмотря на имеющее место «расширение» действия данной уголовно-правовой нормы, окажется устранённым пробел в действующем уголовном законодательстве, поскольку в ранее действующей её редакции указанное понятие толковалось правоприменителем по собственному усмотрению.

На основании Федерального закона РФ от 13 июля 2015 г. № 228-ФЗ были внесены значительные изменения и в ст. 170 УК РФ – в новой редакции ею предусмотрена ответственность за «регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом». Указанное «расширение» направлено на совершенствование уголовного законодательства в сфере борьбы с различными противоправными сделками с недвижимостью. Также на основании указанного Федерального закона глава 22 УК РФ была дополнена ст. 170.2, направленной на более эффективную борьбу с искажением данных учёта земельных участков.

Таким образом, дальнейшие тенденции развития главы 22 УК РФ достаточно противоречивы. С одной стороны, может возникнуть необходимость «расширения» указанной главы, с другой – «сужения» её, поскольку развитие экономики предполагает и декриминализацию некоторых деяний. На наш взгляд, в условиях демократизации Уголовного кодекса РФ должна преобладать тенденция именно «сужения» указанной главы.

НЕУВАЖЕНИЕ К СУДУ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Н.Б. Гулиева

Уголовный кодекс содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за частные случаи оскорбления в адрес специальных субъектов. Отдельная норма посвящена уголовно-

правовой охране чести, достоинства и репутации участников судопроизводства. Так, ст. 297 УК РФ предусматривает ответственность за неуважение к суду. К данной норме применяется расширительный приём ее толкования, поскольку под неуважением к суду законодатель подразумевает случаи оскорбления не только лиц, непосредственно отправляющих правосудие, но и оскорбление всех остальных участников судебного процесса. Всякое неуважение, проявленное в ходе судебного разбирательства к его участникам, предполагает непринятие лицом установленных правил ведения производства по делам, нарушение судебного порядка. Именно поэтому такое поведение расценивается как неуважение к суду в целом. Участники процесса, допустившие нарушение судебного порядка, выразившееся в оскорблении других участников или суда, привлекаются к уголовной ответственности за неуважение к суду. Законодатель не выделяет каких-либо специальных признаков субъекта данного преступления. Его принято считать общим. Однако определенные сложности в процессе квалификации возникают в тех случаях, когда преступление совершено самим обладателем особого статуса. Например, каким образом следует квалифицировать неуважение, проявленное в ходе судебного слушания к участникам процесса самим судьей или прокурором?

Некоторые ученые полагают, что общественная опасность клеветы и оскорбления, совершенных должностными лицами, значительно выше. В этой связи предлагается ввести квалифицирующий признак в специальные составы клеветы и оскорбления (ст. 297 и 298 УК РФ), предусматривающий совершение деяния должностным лицом¹.

Другие ученые, напротив, считают, что судья не может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ. Так, А.Н. Александров полагает, что случаи оскорбления судьей присяжного или арбитражного заседателя или кого-либо из участников судебного разбирательства, не могут быть

¹ *Сургай С.А.* Компаративный аспект уголовной ответственности за оскорбление судьи и клевету в отношении судьи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 12–13.

квалифицированы по ст. 297 УК РФ, а должны быть квалифицированы по ст. 286 УК РФ¹.

С одной стороны, законодатель охарактеризовывает субъекта исследуемого состава преступления (ст. 297 УК РФ) общими признаками (физическое лицо, вменяемость, возраст), безотносительно каких-либо ограничений. С другой стороны, оскорбление, совершенное должностным лицом, действительно является формой превышения должностных полномочий. Полагаем, что правильнее квалифицировать оскорбление, совершенное в судебном заседании судьей, как превышение должностных полномочий, поскольку наличие особого статуса должностного лица обязывает придерживаться определенных правил поведения при осуществлении своей профессиональной деятельности. Такое поведение образует самостоятельную форму превышения, а именно совершение должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

Е.В. Яковлева

В главе 32 «Преступления против порядка управления» законодатель в качестве предметов преступлений назвал следующие официальные документы: официальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей, паспорт или другой важный личный документ и удостоверение. Данное понятие не имеет единого законодательного определения или перечень его разновидностей, в связи с чем трактуется по-разному как в научной литературе, так и в практической деятельности. Рассмотрим данное утверждение на примере «важных личных документов».

¹ *Александров А.Н.* Оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, либо участника судебного разбирательства: уголовно-правовой и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 16.

«Важные личные документы» законодателем названы отдельно от официальных (ч. 2 ст. 325 УК РФ). Однако некоторые авторы и правоприменители отделяют важный личный документ от официальных документов и считают, что эти термины не соотносятся друг с другом. То есть важный личный документ, по их мнению, не является официальным.

Примером может служить комментарий законодательства Нижегородского областного суда. В нем указано, что осуждение лиц по чч. 1 и 2 ст. 327 УК РФ и по ч. 1 ст. 325 УК РФ по признаку официального документа неверно, если подделанный документ касается конкретного лица, нет нормативно установленного порядка его выдачи и принятия от имени органов законодательной, исполнительной и судебной власти, уголовная ответственность в таком случае может наступить только за его похищение (как важного личного документа) у гражданина – по ч. 2 ст. 325 УК РФ¹.

Указанная позиция правоприменителя, разграничивающая понятия «важный личный документ» и «официальный документ», представляется не соответствующей принципу справедливости, поскольку при таком толковании закона один из самых важных документов гражданина РФ – паспорт - не будет предметом составов преступлений, предусмотренных ст. 324 и чч. 1, 2 ст. 327 УК РФ. В то же время иные менее значимые документы таковыми являются. По нашему мнению, важные личные документы представляют собой разновидность официальных документов, которые содержат в себе сведения о личности правообладателя. С такой точкой зрения согласились 62% опрошенных нами судей федеральных и мировых судов². Признание же документа «важным» должно происходить на основе оценки фактических обстоятельств дела (в первую очередь установление степени важности документа для самого потерпевшего).

Аналогичные ситуации складываются и при отнесении документа к числу официальных либо официальных, предоставляющих пра-

¹ О возникающих проблемах квалификации преступлений в связи с отсутствием единой правоприменительной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации понятия «официальный документ» [Электронный ресурс]: Комментарий к законодательству Нижегородского областного суда. URL: <http://ptproc.ru/ru/38/news/?a=entry.show&nid=5> (дата обращения: 25.01.2016).

² Всего в ходе исследования было опрошено 206 судей федеральных и мировых судов.

ва или освобождающих от обязанностей, либо к числу удостоверений.

Резюмируя изложенное, отметим, что принятие руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по названному вопросу и, как следствие, единое понимание закона всеми субъектами правоприменения позволит избежать различного толкования закона и приведет к формированию единообразной судебной практики.

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

П.С. Данилов

Система преступлений против военной службы всегда отражала озабоченность отечественного государства проблемой безопасности. Корни этой системы лежат в истории ее развития, исследование которой позволяет понять закономерности генезиса данной системы преступлений, определить ее сущностные стороны, найти положительный опыт.

История развития системы преступлений против военной службы может быть разделена на три периода в зависимости от особенностей уголовного законодательства: дореволюционный, советский, современный. Советский период, в свою очередь, подразделяется на два этапа в зависимости от признаков, являющихся на своем этапе системообразующими.

Первый этап развития советской системы преступлений против военной службы (1917–1922 гг.) можно назвать периодом новообразования системы на основе соединения признаков объекта преступления, субъекта преступления и такого признака объективной стороны преступления, как время.

На данном этапе исследуемая система была установлена в Положении о Революционных Военных трибуналах 1919 г. и закрепляла «преступные деяния специального военного характера». Данная система представляла собой подсистемы, являвшиеся деяниями военнослужащих, лиц, к ним приравненных, и военнопленных, понижавшими уровень боеспособности Красной Армии во время боевых действий и наносящими вред советскому социалистическому строю и «завоеваниям Революции». Она включала подсистемы посяга-

тельств на порядок подчинения (неисполнение боевого приказа), порядок несения специальной караульной службы в районе боевых действий, общий порядок прохождения службы (злостное дезертирство, буйства и азартные игры в районе боевых действий), порядок обращения с военной собственностью, воинские изменнические преступления (переход на сторону неприятеля, добровольная сдача в плен, самовольное оставление поля сражения).

Второй этап развития советской системы преступлений против военной службы (1922–1996 гг.) можно назвать периодом совершенствования системы на основе признаков объекта и субъекта преступления.

На данном этапе система преступлений против военной службы получила наименование «воинских преступлений» и устанавливала подсистемы, являвшиеся деяниями военнослужащих и лиц, к ним приравненных, направленные против порядка несения военной службы. УК РСФСР 1922 г. и Положение о воинских преступлениях 1924 г. включали в нее подсистемы нарушений порядка подчиненности, общего порядка прохождения военной службы, порядка обращения с вверенным воинским имуществом, порядка несения специальных служб, законов и обычаев войны, воинских должностных преступлений и воинских изменнических преступлений. Положение о воинских преступлениях 1927 г. изначально также содержало нарушения порядка обращения с военной тайной, а с 1957 г. – нарушения порядка эксплуатации военных машин. Закон «Об уголовной ответственности за воинские преступления» 1958 г. воспроизводил существовавшие ранее подсистемы, но с 1983 г. был дополнен нарушениями порядка обращения с оружием.

Таким образом, система преступлений против военной службы в советском уголовном законодательстве зародилась как военно-революционная и трансформировалась в обладающую воинским характером, что выражалось в специфических признаках объекта и субъекта преступления. Исследуемая система совершенствовалась путем развития ее элементного содержания, т.е. включением новых подсистем, отвечающих ее системообразующим признакам. Следует обратить внимание на все подсистемы советской системы воинских преступлений, чтобы применить положительный опыт к современной системе преступлений против военной службы в России.

ЦЕЛИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

А.П. Скиба, Е.Н. Скорик

У отечественного законодателя до сих пор отсутствует системный подход к закреплению целей применения уголовных наказаний и других уголовно-правовых мер (условного осуждения, принудительных мер воспитательного воздействия (ПМВВ), принудительных мер медицинского характера (ПММХ) и конфискации имущества). Проблема уголовно-исполнительного и уголовно-правового регулирования целей уголовно-правовых мер вытекает, прежде всего, из того, что некоторые из этих мер не отражены в уголовно-исполнительном законодательстве (ПМВВ, ПММХ (только их отдельные аспекты закреплены в ст. 18 УИК РФ) и конфискации имущества).

В результате такого подхода между наказаниями и условным осуждением, с одной стороны, и другими уголовно-правовыми мерами – с другой, получается некий «разрыв» в обеспечении системного правового регулирования.

В УК РФ цели применения (хотя не всегда они обозначены как «цели») определены в отношении наказаний, условного осуждения, ПМВВ и ПММХ. Цели применения конфискации имущества законодатель в УК не закрепляет, и с определенной долей условности к ним можно отнести возмещение причиненного ущерба.

В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ, наказание применяется в трех целях: 1) восстановления социальной справедливости; 2) исправления осужденного; 3) предупреждения совершения новых преступлений. Исправление лица как условная цель также упоминается в чч. 1, 3 и 5 ст. 73, ч. 1 ст. 74, ч. 1 ст. 90 и ч. 2 ст. 92 УК РФ в контексте применения условного осуждения и ПМВВ.

Вызывает вопросы отсутствие нормативного закрепления предупреждения совершения новых преступлений в качестве цели применения ПМВВ. Между тем некоторые ПМВВ как раз и ориентированы в большей степени на предупреждение совершения новых преступлений (в частности, предупреждение), а не на исправление несовершеннолетнего.

Целями же применения ПММХ являются: 1) излечение лиц или 2) улучшение их психического состояния, а также 3) предупреждение совершения ими новых деяний (ст. 98 УК РФ).

Таким образом, судя по положениям УК РФ, нет ни одной цели, которая бы относилась ко всем уголовно-правовым мерам, применяемым к лицу, совершившему преступление (деяние); общее же количество этих целей достигает пяти: 1) восстановление социальной справедливости (возмещение причиненного ущерба); 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений (деяний); 4) излечение лица; 5) улучшение психического состояния лица.

Исходя из того, что уголовно-исполнительное законодательство регулирует вопросы исполнения наказаний и условного осуждения, по логике, по меньшей мере хотя бы первые три цели из вышеназванных должны быть закреплены в УИК РФ. В то же время в ст. 1 УИК РФ определены всего лишь две из них: 1) исправление осужденных и 2) предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Таким образом, очевидна необходимость обеспечения системного подхода к уголовно-правовому и уголовно-исполнительному регулированию целей применения всех уголовно-правовых мер, закрепленных в уголовном законодательстве.

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В.А. Уткин

Проведённая в сентябре 2015 г. корректировка Концепции развития УИС Российской Федерации определялась целым рядом обстоятельств. Некоторые из них как недостатки системного свойства были очевидны уже в период принятия Концепции в 2010 г. Другие возникли в силу кризисных социально-экономических условий последующих периодов. Наконец, не секрет, что третья группа обстоятельств непосредственно связана со сменой руководства ФСИН России.

Как известно, основным вектором предыдущей версии Концепции была её направленность на всеобщую «тюрьмизацию» путём

замены системы существующих исправительных учреждений тюрьмами (их предполагалось создать свыше четырехсот), причём без увеличения бюджетного финансирования. Это само по себе уже вызвало обоснованные упреки в утопичности, в особенности в части перспектив широкого строительства тюрем, отвечающих международным стандартам.

В новой редакции Концепции раздел 2 исключён. Однако достаточно определённого ответа на вопрос, каким же в концептуальном плане предполагается дальнейшее развитие системы исправительных учреждений России, новая версия данного документа не даёт, ограничиваясь констатацией необходимости «создания условий для постепенного снижения количества осуждённых, содержащихся в исправительных учреждениях».

К сожалению, авторы новой редакции Концепции не воспользовались возможностью обновить её социологическую базу. В итоге в ней, например, прогнозируется значительный (до 200 тыс. чел.) рост осуждённых к наказаниям, не связанным с лишением свободы, что отнюдь не подтверждается тенденциями судебной практики за истекшее пятилетие.

Нельзя не приветствовать отказ новой версии Концепции от деления осуждённых на «исправимых» и «неисправимых» (способных и неспособных к ресоциализации). Это, безусловно, усиливает её гуманистический потенциал.

Примечательно появление в Концепции подраздела об обеспечении прав и законных интересов осуждённых и лиц, содержащихся под стражей, что особенно актуально в связи с появлением в мае 2015 г. новой версии Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными («Правил Манделы»).

В принципиальном плане следует также отметить перенос акцентов с «обеспечения постепенной адаптации осуждённых...» на «проведение мероприятий, направленных на подготовку осуждённого к освобождению и последующей адаптации в обществе». На наш взгляд, это не случайно и вполне обоснованно, ибо уголовно-исполнительная система едва ли должна непосредственно заниматься вопросами трудового и бытового устройства осуждённых после освобождения. Как представляется, отмеченный перенос акцентов служит весомым дополнительным аргументом против предлагаемого некоторыми авторами расширения предмета уголовно-исполнительного законодательства.

Вместе с тем ряд важных аспектов развития уголовно-исполнительной системы отражён в Концепции неполно и даже противоречиво. Например, вопрос о самостоятельных организациях осуждённых фактически был снят с «повестки дня» в декабре 2011 г., когда ст. 111 УИК РФ была отменена. Однако в Концепции одновременно провозглашается «разработка новых подходов к формированию самостоятельных организаций...».

Аналогичное происходит со «службой пробации». В одной части Концепции содержится тезис о необходимости оптимизации структуры уголовно-исполнительных инспекций, создания новых инспекций и организации в отдалённых районах их «опорных пунктов». В другой её части предусмотрено создание специальной «службы пробации». Но ведь служба пробации, по мысли сторонников её внедрения, должна прийти на замену уголовно-исполнительных инспекциям (в необходимости чего, впрочем, мы не убеждены). Во всяком случае упомянутые и иные противоречия Концепции должны быть скорректированы и устранены в планах её реализации и их практическом осуществлении.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ СИСТЕМЫ: «ПИСАННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» ЗАРУБЕЖНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ РЕФРЕН?

П.В. Тепляшин

Исследуя европейские пенитенциарные системы, нельзя не отметить весьма актуальные и вместе с тем критические слова В.В. Лунеева: «Особо доказательной считается «писанная реальность» зарубежного происхождения. Как будто там все идеально. Как будто там нет серьезных криминологических проблем. Как будто в так называемых цивилизованных странах все одинаково, а не «по-своему»¹. Так, изучая статистические и фактологические данные, размещенные на сайтах международных исследовательских организаций, официальные отчеты различных правозащитных межгосударственных структур, можно прийти к выводу о наличии

¹ Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 12.

большого или меньшего объема нареканий в отношении функционирования пенитенциарных систем практически каждого европейского государства.

Целям научной репрезентативности и исследовательской объективности такой информации может служить перекрестное сравнение различных сведений о фактическом состоянии условий содержания осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде тюремного заключения. В частности, к таким источникам можно отнести: 1) отчеты представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ); 2) доклады Верховного комиссара по правам человека Совета Европы; 3) Национальные доклады Государственного департамента США по правам человека; 4) материалы Европейского суда по правам человека; 5) Доклады рабочей группы по универсальному периодическому обзору Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН; 6) информацию Обсерватории европейских тюрем; 7) отчеты Европейского центра мониторинга наркотиков и наркомагии (EMCDDA); 8) данные Института по вопросам преступности и правосудия исследований ООН (ЮНИКРИ); 9) сведения Европейского института по предупреждению преступности и борьбе с ней; 10) доклады представителей Конференции директоров тюремной администрации и служб пробации (CDAP); 11) сведения Европейского регионального комитета Всемирной организации здравоохранения; 12) отчеты различных региональных организаций (например, годовые отчеты Конференции кантональных директоров Швейцарии); 13) периодические доклады государств на Заключительные замечания Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания; 14) самоанализы соответствующих министерств юстиции государств (например, официально публикуемые самоанализы Министерства юстиции Люксембурга); 15) результаты Ежегодного сборника уголовной статистики Совета Европы; 16) данные Международного центра тюремных исследований.

Анализ информации, полученной из вышеуказанных источников, позволяет констатировать в большинстве случаев систематические факты нарушения международных стандартов в области обращения с осужденными в государствах Европы, что должно, во-первых, развеивать идеологический рефрен о европейском пенитенциарном благополучии и исключительно образцовых моделях ис-

полнения наказаний; во-вторых, формировать более адекватное представление о действительном состоянии функционирования исправительных учреждений зарубежных государств. Представляется, что вне концептуального понимания значимости такого вывода отечественная модель обращения с осужденными рискует остаться во власти стихийных процессов слепого заимствования зарубежных и международных пенитенциарных стандартов, практик и эталонов, сплошных верификаций и экспериментов без необходимых смысловых ориентиров и исторически апробированных форм правового регулирования уголовно-исполнительных отношений.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПРИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ: ЗАЩИТА ПРАВ И (ИЛИ) УЧАСТИЕ?

Н.В. Ольховик

Действующее уголовно-исполнительное законодательство России (ст. 23 УИК РФ), устанавливая правовые основы участия общественных объединений в осуществлении общественного контроля за обеспечением прав человека, а также содействия общественных объединений работе учреждений и органов, исполняющих наказания, не упоминает общественные советы при Федеральной службе исполнения наказаний (далее – ФСИН России) и ее территориальных органах вообще. В то же время в структуре ФСИН России функционируют Общественный совет по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), а также общественные советы при ее территориальных органах. Общественный совет при ФСИН России является постоянно действующим совещательно-консультативным органом. В отличие от существовавшего до 2007 г. Общественного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации, основной целью Совета при ФСИН России (в соответствии с Положением, утвержденным Приказом ФСИН России от 01.10.2013 № 542), является привлечение общественности не только к участию в решении задач, стоящих перед УИС, но и к защите прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых

в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах.

Сравнение компетенции Общественного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации (до 2007 г.) и Общественного Совета при ФСИН России показывает, что только одно направление работы осталось без каких-либо изменений: распространение положительного опыта работы учреждений и органов УИС в решении вопросов по защите прав и законных интересов работников УИС, осужденных, лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах. Два направления деятельности Совета были расширены содержательно. Так, Совет вправе информировать не только общественность, но и средства массовой информации о деятельности ФСИН России для формирования у населения объективного представления об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания, а также содействовать в получении образования не только осужденными и социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, но и несовершеннолетними, содержащимися под стражей.

Появилось одно новое направление работы Совета: содействовать налаживанию взаимоотношений ФСИН России с руководством производственных объединений, корпораций, фирм для получения заказов в целях развития производства в учреждениях ФСИН России и тем самым совершенствования трудовой адаптации осужденных и их профессиональной подготовки. Была закреплена еще одна форма его работы – создание по вопросам, отнесенным к компетенции Совета, комиссий и рабочих групп. В то же время два направления работы Общественного совета были сужены. Так, взаимодействие с органами государственной власти по защите прав и законных интересов сотрудников, осужденных, лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах, сводится Положением к участию в обсуждении с органами государственной власти вопросов совершенствования нормативной правовой базы по соблюдению прав и законных интересов работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах. Задача создания условий для соблюдения прав и законных интересов сотрудников, осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в

следственных изоляторах, сведена к участию в публичном обсуждении нормативных правовых актов и иных документов, разрабатываемых ФСИН России.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И НЕОБХОДИМОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ ЕГО ПРИНЦИПОВ

С.В. Чубраков

Вопрос о том, принципы какого правового явления в уголовно-исполнительной сфере необходимо изучать и нормативно закреплять, не так прост. В качестве их в литературе предлагалось и уголовно-исполнительное право, и уголовно-исполнительное законодательство, и деятельность органов по исполнению уголовных наказаний, и уголовно-исполнительное регулирование, и уголовно-исполнительная политика, и пр.

Выявление принципов таких правовых явлений, как отрасль уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительное законодательство, с учетом положений системного подхода (где принцип определяется как системообразующее отношение, устанавливаемое между элементами объекта и создающее сам этот объект), позволило нам прийти к выводам о том, что их принципы имеют тождественный характер с принципами иных отраслей права и отраслей законодательства, не раскрывают сущностных аспектов и специфики всего процесса целенаправленной регламентации со стороны государства соответствующих отношений в сфере исполнения мер уголовной ответственности, показывая в большей части типичные для всего права технико-юридические моменты.

Сложившаяся ситуация ориентирует на поиск иной правовой категории с целью дальнейшего установления ее принципов, которая позволит комплексно проследить все основные особенности формирования (создания) и применения (реализации) уголовно-исполнительных правовых предписаний, а также рассмотреть все наиболее значимые элементы в данной сфере через ее призму. То есть требует выявления, установления такой категории (объекта, системы), которая бы охватывала (в той или иной степени) все необходимые для анализа правовые явления.

В теории права одни предлагают рассматривать в качестве такой правовой воздействие, другие – правовое регулирование, третьи – механизм правового регулирования, четвертые полагают, что это правовая система, и т.д.

Мы присоединяемся к позиции тех авторов, которые считают, что именно правовое регулирование выступает той категорией (вещью, системой), которая наиболее полно охватывает все сущностные стороны целенаправленного воздействия права на интересующие конкретное государство и общество отношения по следующим причинам.

Правовое воздействие, при понимании его как любого воздействия права на общественную жизнь, не справляется с задачей четкой характеристики требуемого процесса осознанного и желаемого влияния права на соответствующий объект, поскольку включает в себя и те стороны воздействия права (например, духовное, культурное, идеологическое и т.д.), которые не вскрывают искомой специфики, необходимой для учета при создании модели «эффективного» регулирования требуемых отношений. Это понятие действительно более широкое, нежели правовое регулирование.

Механизм же правового регулирования как правовое явление и соответствующая ему категория характеризует, в свою очередь, уже процесс целенаправленного воздействия государства на интересующие его отношения, но с точки зрения необходимых для этого элементов (средств). Поэтому, полагаем, фактически он может быть раскрыт при системной характеристике самого правового регулирования как отдельной системы, направленной на поставленные цели и состоящей из совокупности иных элементов, которые могут быть названы в совокупности механизмом.

Категория «правовая система» также не способна решить задачу адекватной характеристики процесса осознанного создания и реализации правовых предписаний, поскольку состоит, по мнению целого ряда исследователей, из таких основных компонентов, как правотворчество, реализация права (правоприменение) и правосознание. Именно включение последнего компонента в ее содержание расширяет пределы исследования в ненужную для обозначенных целей сторону, слабо поддающуюся точному описанию.

Все это говорит о целесообразности системного рассмотрения первоначально именно правовой формы политики государства – правового регулирования, и лишь при необходимости – обращения

уже к анализу таких правовых явлений, как политика государства и деятельность его органов.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ОСУЖДЁННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

С.М. Савушкин

Вопрос о классификации осужденных к лишению свободы имеет важное значение для эффективного осуществления уголовно-исполнительной политики. От решения этого вопроса зависит классификация исправительных учреждений, построение различных условий содержания осужденных, перевод их с одних условий на другие, а также изоляция одних групп осужденных от других.

А.Л. Ременсон отмечал, что пенология должна давать научно обоснованные рекомендации об установлении наиболее оптимальных отличий условий содержания заключенных от условий жизни народа, дифференцируя эти рекомендации в зависимости от категорий осужденных и степени их исправления¹.

Это актуально в свете предлагаемой в перспективе передачи функции определения вида режима от суда к комиссиям уголовно-исполнительной системы². Известно, что согласно ИТК РСФСР 1924 г. в полномочия распределительной комиссии входило:

1) распределение приговоренных к лишению свободы по местам заключения и перевод их из одного исправительно-трудового учреждения в другое в пределах губернии; 2) перевод заключенных второй и третьей категории из одного разряда в другой; 3) ходатайство перед судом о продлении срока заключения в отношении несовершеннолетних заключенных, не обнаруживших достаточного исправления к концу отбытия ими срока назначенной судом меры социальной защиты; 4) ходатайство перед соответствующими органами об отмене или замене содержания под стражей тех трудящихся, в от-

¹ *Ременсон А.Л.* Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. 59 с.

² *Уткин В.А.* Некоторые проблемы системы уголовных наказаний и их применения // Вестник Кузбасского института. 2014. № 2(19). С. 9–11.

ношении которых, по мнению распределительной комиссии, могут быть применены другие меры исправительно-трудового воздействия или пресечения; 5) условное и безусловное досрочное освобождение заключенных; 6) зачет двух дней работ за три дня срока лишения свободы; 7) возбуждение вопросов и ходатайств об устройстве новых исправительно-трудовых учреждений или о реорганизации и усовершенствовании уже существующих.

Данный исторический опыт представляет особый интерес и возможно его научное рассмотрение для внедрения в практику на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы.

О НЕОБХОДИМОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С НЕКОТОРЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ОСУЖДЕННЫХ В КАРАНТИННЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Е.Е. Новиков

Работа в карантинных отделениях учреждений должна быть направлена на изучение *личностных характеристик* вновь прибывших осужденных – это обязательное условие, необходимое для успешного определения объема первоначального исправительного воздействия и профилактики противоправного поведения, оптимального выбора путей позитивного влияния, изменения личности осужденного в условиях исправительного учреждения (далее – ИУ). Одна из основных проблем работы – это выявление и изучение личностных особенностей *в сжатые сроки* (до 15 суток) – различных групп осужденных, в том числе лиц с суицидальным поведением, страдающих алкоголизмом, наркоманией и ВИЧ-инфицированных, которые, исходя из специфики их личности, являются особыми категориями.

Значимость работы с суицидентами в карантине подтверждают следующие данные: в первый день пребывания осужденных в ИУ совершается около 1,4% самоубийств; в первые два дня – 2,1%;

три – 5,5%; семь дней – 9,6%; 14 – 12,3%; в первый месяц – 13,7%, за три – 20,5%, шесть месяцев – 34,2 %, за первый год – 47,9 %¹.

Не менее острый вопрос, стоящий перед сотрудниками ИУ, касается воздействия на алко- и наркозависимых осужденных в карантинных отделениях.

При проведении работы в карантине сотрудникам учреждения следует также уделять особое внимание ВИЧ-инфицированным осужденным. Так, следует учитывать, что практически каждый второй ВИЧ-инфицированный (45,5 %²) узнал о своем заболевании в период нахождения в СИЗО. Эта часть осужденных заслуживает особого внимания, так как социально-психологические последствия факта обнаружения заболевания усугубляются нахождением в местах лишения свободы. У ВИЧ-инфицированных достаточно высокий образовательный и интеллектуальный уровни. Вместе с тем в первые дни нахождения в ИУ они в большей степени становятся уязвимыми, поскольку сильнее переживают («горе от ума») утрату свободы, могут впадать в депрессивное состояние, что отражается на их поведении.

К сожалению, практика показывает, что зачастую работа с осужденными в карантинных отделениях осуществляется формально, что может привести к отрицательному поведению вновь прибывших в период отбывания основного срока наказания.

ВЛИЯНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОСУЖДЕННЫХ К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ НА ВЫБОР МЕР ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

З.Р. Рахматулин

Отдельные характеристики личности осужденных к ограничению свободы могут давать представление о наиболее оптимальном перечне мер воздействия, которые можно к ним применять в период отбывания наказания. В связи с этим рассмотрим отдельные из них.

¹ *Пенитенциарная* криминология: учеб. / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2009. 564 с.

² Там же.

Основная часть осужденных к ограничению свободы – это мужчины (89,31%) в возрасте от 30 до 39 лет. Отсутствие постоянного места работы или учебы для осужденных к рассматриваемому наказанию не редкость; так, по нашим подсчетам, почти 52,3% осужденных не работали и не учились. Большинство из них (83,7%) в брачных отношениях не состоят. Следовательно, большинство осужденных являются лицами мужского пола, нигде не работают или не учатся и не состоят в брачных отношениях. Целесообразно их сравнение с лицами, совершившими преступления в период отбывания ограничения свободы, поскольку вид совершенного преступления и личностные характеристики дадут ответ на вопрос, каких мер воздействия оказалось недостаточно.

Большинство рецидивистов (лиц, которые совершили преступление в период отбывания ограничения свободы) представлены лицами мужского пола. 50% в возрасте от 18 до 30 лет. Меньше оказалось лиц, состоящих в брачных отношениях, – 16,5%. Образовательный уровень также оказался ниже: 17% имели среднее образование, 1,2% – среднетехническое, 89% лиц нигде не работали и не учились¹.

По данным Н.В. Ольховика, повторная преступность на 90% представлена преступлениями против собственности².

Улучшить вышерассмотренные характеристики позволят изменения, внесенные в Уголовный кодекс РФ в части порядка назначения ограничения свободы. Как верно полагает В.А. Уткин, перечень мер, внесенные в ч. 1 ст. 53 УК РФ необходимо сделать исчерпывающим³, при этом следует дополнить его обязанностями: обратиться к врачу и при необходимости пройти курс лечения от алкоголизма, токсикомании, психического заболевания, загладить (устранить причиненный вред), поступить на учебу (учиться), устроиться на работу (трудиться), не употреблять спиртные и иные одурманивающие вещества.

Добавить ч. 1¹, изложив ее следующим образом: в период отбывания наказания с момента постановки осужденного на учет могут быть возложены ограничения и обязанности, предусмотренные ч. 1

¹ *Ольховик Н.В.* Рецидивная преступность осужденных к ограничению свободы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 152.

² Там же. С. 151.

³ *Уткин В.А.* Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984. С. 172.

настоящей статьи, а также иные, в том числе повторно пройти курс лечения от алкоголизма, токсикомании, наркомании, отчитываться перед представителями учебного заведения или рабочего коллектива о своем поведении в период отбывания наказания, не нарушать требования трудовой или учебной дисциплины.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

О.Н. Уваров

Общеизвестно, что осужденный, имеющий основное место работы, отбывает исправительные работы по основному месту работы. Осужденный же, не имеющий основного места работы, отбывает исправительные работы в местах, определяемых органами местного самоуправления, расположенных в районе места его жительства и согласованных с уголовно-исполнительными инспекциями.

Исполнение исправительных работ, когда осужденный имеет основное место работы, практически не вызывает затруднений. Иначе обстоит дело, если осужденный не имеет основного места работы. В этом случае для организации исполнения наказания в виде исправительных работ должны быть решены как минимум две основные задачи:

- подобраны предприятия и организации, где исправительные работы могут отбываться;
- организована возможность трудоустройства осужденных к исправительным работам на этих предприятиях и в организациях.

Решение первого вопроса определяется исчерпывающим (достаточным) перечнем предприятий и организаций любой формы собственности, не имеющих специальных требований к работникам и расположенных в административных границах соответствующего муниципального образования.

Решение же второго вопроса возможно лишь при наличии вакансий для осужденных к исправительным работам на соответствующих предприятиях и в организациях.

При этом результаты решения задач, связанных с организацией исполнения исправительных работ, варьируются в зависимости от территориального расположения уголовно-исполнительной инспек-

ции и ее филиалов. В регионах (районах) с довольно развитой промышленностью, требующей большого количества работников, фактически имеются благоприятные условия для организации исполнения исправительных работ. Там, где крупные промышленные либо аграрные предприятия отсутствуют, такие условия практически минимальны.

В качестве путей создания достаточных условий для исполнения исправительных работ в некоторых регионах рассматривается квотирование рабочих мест для осужденных к исправительным работам, применение пониженной налоговой ставки при исчислении налога на прибыль организаций, в которых работают осужденные к исправительным работам. Такие подходы, безусловно, создают определенную благоприятную почву для исполнения исправительных работ, однако в тех муниципальных образованиях, где сеть предприятий и организаций слаба, проблема остается не решенной. Иными словами, в нынешних условиях такие возможности организации исполнения наказания в виде исправительных работ представляются исчерпывающими.

Ранее, до внесения изменений 2003 г., ч. 4 ст. 40 УИК РФ было предписано, что осужденный, не имеющий работы, обязан был трудоустроиться самостоятельно либо встать на учет в органах службы занятости, при этом он не вправе был отказаться от предложенной органами службы занятости работы или переквалификации. В этом случае проблема отсутствия мест отбывания исправительных работ была бы решена.

ТРУД ОСУЖДЁННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В НОВОЙ РЕДАКЦИИ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УИС ДО 2020 г.

И.С. Мирусин

Концепция развития УИС Российской Федерации до 2020 г. (далее – Концепция) претерпела существенные перемены после изменений, внесенных Распоряжением Правительства РФ от 23.09.2015 № 1877-р. Во-первых, в сфере труда осужденных наблюдается отказ от нововведений, предложенных Концепцией 2010 г.: от разработки

новых принципов привлечения осужденных к труду в тюрьмах, установления специального налогового режима для учреждений, создания дополнительных рабочих мест и развития (обновления) производственной и социальной сферы и др. Взамен предлагается «проработать возможности» внедрения новых организационно-правовых форм организации производства, увеличения заработной платы, приведения условий осуществления производственной деятельности в учреждениях УИС к условиям производственной деятельности в иных организациях. Положения, требующие дополнительного финансирования, были исключены в условиях снижения уровня производства и экономического кризиса.

Во-вторых, в обновлённой Концепции взят курс на обеспечение системы уже *существующих* гарантий прав осужденных: на условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда; на отдых, включая ограничение рабочего времени, оплачиваемый ежегодный отпуск; на оплату труда в полном размере заработка не ниже установленного минимального размера оплаты труда, в том числе для целей выплат компенсации вреда потерпевшим и государству; *на сохранение за осужденным рабочего места в период его временной нетрудоспособности (правило трудового законодательства, применяемое субсидиарно)*. Развитие подобного направления соответствует Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, Европейским тюремным правилам 2006 г.

В-третьих, значимым направлением выдвинута проработка вопроса об исключении обязательности труда осужденных к лишению свободы. Указанная проблема носит дискуссионный характер. С одной стороны, обеспечение обязательности труда – особенность условий и режима отбывания наказания (ст.103 УИК РФ, например), которая отличает труд свободных работников от труда осужденных. С другой – международные стандарты отходят от принципа обязательности труда. Согласно п. 26 Европейских тюремных правил 2006 г. «труд в местах заключения следует рассматривать как позитивный элемент внутреннего режима и никогда не применять в качестве наказания; администрация пенитенциарного заключения *должна стремиться* предоставить достаточно полезной работой». В сравнении с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными, которые закрепляли обязательность труда, обнов-

ленная Концепция, как и Европейские тюремные правила, направлена на исключение обязательности труда.

В-четвертых, в новой Концепции выдвинуто направление проработки модели индивидуально-трудовой деятельности осужденных. Подобная возможность уже существовала, но была отменена в 2004 г.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В.В. Бочкарев

Как известно, основу правового статуса лица составляют права, обязанности и запреты. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации предусматривается, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. В то же время непосредственное содержание правового статуса осужденных к лишению свободы предусматривается Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (ПВР ИУ).

Для усиления контроля за деятельностью исправительных учреждений ч. 11 ПВР ИУ определяет, что осужденные имеют право обращаться с предложениями, заявлениями, ходатайствами и жалобами к администрации учреждения, в вышестоящие органы уголовно-исполнительной системы и иные органы по защите прав и свобод человека. Указанные обращения осужденных не должны подвергаться цензуре, что в целом выполняется. В то же время некоторые обращения по самым различным вопросам, поступающие Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, администрация учреждений вскрывает и изучает¹.

Если говорить непосредственно о цензуре корреспонденции, то ч. 2 ст. 91 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации предусматривает, что получаемые и отправляемые осужденными письма, почтовые карточки и телеграммы подвергаются цензуре со стороны администрации исправительных учреждений. Анализ

¹ *Потемкина А.Т.* Ресоциализация отбывших уголовное наказание как социально-правовая проблема // Проблемы социальной реабилитации отбывших уголовные наказания: сб. науч. тр. М., 1992. С. 173–174.

данной нормы показывает, что цензура корреспонденции недостаточно определена в законе.

Передача запрещенной информации за пределы исправительных учреждений может осуществляться не только с помощью писем, но и телефонных переговоров, которые закреплены ст. 92 УИК РФ. Однако не понятно, что будет относиться к запрещенной информации, более того, ПВР ИУ не закрепляют, что делать, если осужденный разговаривает на эти темы.

Не менее важной мерой является обязанность осужденных на соблюдение ими правил личной гигиены. Но с реализацией данной меры могут возникнуть определенные затруднения. Дело в том, что эти правила очень многообразны и в условиях исправительных учреждений не всегда могут быть в полном объеме осуществлены.

Среди обязанностей осужденных особое место занимает порядок передвижения осужденных в пределах учреждения, который осуществляется только строем. Представляется, что требование о проведении с осужденными строевых занятий должно быть закреплено в ПВР ИУ, так как оно обеспечивает выполнение правовой обязанности осужденных передвижение строем.

Некоторые авторы и практические работники высказывают мысль о необходимости закрепления разрешительного правового регулирования, что в целом значительно ограничит права и свободы осужденных, мы такой позиции не придерживаемся, поскольку все ограничения и запреты осужденных должны быть рациональными¹.

И в заключение необходимо указать на то, что все ограничения осужденных к лишению свободы должны найти свое отражение на более высоком уровне, уровне Уголовно-исполнительного кодекса, что позволит четко обозначить его правовой статус, а также обеспечить исправительное и профилактическое воздействие, не прибегая при этом к излишним правовым ограничениям.

¹ Антипов А.Н., Голик Н.М., Кудряшов О.В., Первозванский В.Б. Лимиты и запреты в уголовно-исполнительном законодательстве России: постановка проблемы // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3. С. 57–63.

БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ЛАГЕРЯХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ГУПР НКВД РСФСР НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920-х гг.

Е.Г. Михеенков

В начале 1920-х гг. лагеря принудительных работ столкнулись с рядом проблем и, прежде всего, с обеспечением питания заключенных, их вещевым довольствием и медицинским обеспечением. Недостаточность питания заключенных отчасти объяснялась увеличением их численности, тогда как количество выделяемых пайков рассчитывалось в прежнем объеме. Так, на 900 заключенных Новониколаевского лагеря было выделено лишь 380 пайков¹, т.е. один паек приходился в среднем на трех заключенных. На решении проблемы питания заключенных негативно сказывалось и распоряжение ГУПР НКВД РСФСР с 1 января 1922 г. о переходе лагерей на самофинансирование, что в условиях галопирующей инфляции, отсутствия подсобных хозяйств нередко приводило к негативным последствиям. Кроме того, продукты в передачах заключенным должны были поступать в их «общий котел», что создавало дополнительную напряженность в отношениях среди них.

Следует отметить, что во исполнение Постановления ВЦИК от 12 декабря 1921 г. лагеря были «разгружены» от нетрудоспособных заключенных. Последним пребывание в лагере заменялось высылкой или ссылкой².

Другой проблемой, так и не решенной руководством подотделов принудительных работ Сибири, становится обеспечение заключенных вещевым довольствием. Так, все на обращения к торговораспорядительным организациям Сибири получали лаконичный ответ: «Распределение мануфактуры приостановлено ввиду запрета центра». Это приводило к тому, что часть заключенных не использовалась на работах в холодное время года из-за банального отсутствия теплой одежды.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 872. С. 70.

² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справочник. М.: Звенья, 1998. С. 14.

Повсеместное превышение лимита наполняемости лагерей, физическая истощенность заключенных приводили к распространению эпидемических заболеваний и прежде всего тифа. Так, в Томском лагере принудработ осенью 1921 г. порог заболеваемости заключенных достиг 35%. По официальной статистике, в декабре 1921 г. в Томском лагере умерло 24 заключенных из 247 содержащихся, т.е. каждый десятый¹.

Не способствовала сохранению здоровья заключенных и ветхость жилых бараков лагерей принудительных работ. Так, в Бийском лагере принудработ в жилых бараках температура зимой опускалась до минус 10 градусов, прежде всего из-за недостатка топлива и ветхости зданий². К сожалению, подобная ситуация была далеко не единичной.

В конце 1922 г. лагеря принудработ ликвидируются (как не предусмотренные УК РСФСР 1922 г.). Однако в Западной Сибири этот процесс затянулся: отдельные лагеря продолжали функционировать вплоть до 1924 г.

Таким образом, бытовые условия отбывания наказаний в лагерях принудительных работ нельзя назвать гуманными: содержащиеся в них заключенные буквально были поставлены на грань выживания, что отражало характер карательной политики в отношении противников Советской власти в период «военного коммунизма».

Созданием лагерей принудительных работ с подчинением ГУПР НКВД РСФСР в Советском государстве была апробирована модель милитаризованной, централизованной системы, основанной на экстенсивном использовании массового подневольного труда. При этом уже в 1920-х гг. труд заключенных являлся экономически рентабельным для государства, что предопределило развитие лагерной системы отбывания наказаний в 1930-х гг.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 872. Л. 21–24.

² ГАНО. Ф.Р.1. Оп. 1. Д. 717. Л. 2.

ФАКТОРЫ РИСКА РЕЦИДИВА В ВОСПРИЯТИИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

С.О. Уваров

Предупреждение новых преступлений со стороны стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях – главная их задача. Между тем повторная преступность среди осужденных без лишения свободы остается актуальной проблемой. Только по официальным данным ФСИН России, доля лиц, снятых с учета уголовно-исполнительных инспекций в связи с осуждением за новые преступления, с 2003 до 2014 г. возросла в два раза (с 1,6 до 3,2%). В этой связи вполне обоснованной является постановка вопроса о так называемых «факторах риска», т.е., об условиях, которые наиболее способствуют нарушению осужденным режима отбывания наказания, совершению им новых преступлений. Криминологический прогноз, осуществляемый сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций в отношении осужденного при постановке его на учет, позволяет лучше выявить такие факторы.

В целях оценки значимости этих факторов самими сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций автором был проведен анкетный опрос 70 сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Цель его определялась выявлением условий, способствующих нарушению осужденными режима. В соответствии с мнением самих сотрудников устанавливалась своеобразная «градация» «факторов риска» по степени их влияния на последующее поведение осужденных. Исследование проводилось в четырех группах респондентов: сотрудники с высшим юридическим образованием; сотрудники со стажем работы в уголовно-исполнительной системе более пяти лет; сотрудники с высшим образованием неюридической специализации; сотрудники с опытом работы до пяти лет.

Результаты показали, что среди сотрудников уголовно-исполнительной инспекции 92% респондентов выделяют в качестве наиболее опасных факторов риска наличие наркотической или алкогольной зависимости у осужденных, а также их низкий образовательный уровень (неполное среднее образование или отсутствие образования). Большинство их составляют сотрудники с высшим юридическим образованием, а также со стажем работы в уголовно-исполнительной системе более пяти лет.

86% респондентов указали в качестве наиболее опасных факторов риска отсутствие постоянной занятости осужденных, отсутствие у них пригодных жилищных условий, наличие у них судимости. Большинство респондентов этой группы составляют сотрудники с высшим образованием неюридической специализации.

77% респондентов указали в качестве наиболее значимых факторов риска отсутствие у осужденного семьи, наличие у него прошлой судимости, наличие судимости у кого-то из членов семьи, отрицательный характер взаимоотношений с группой по кругу интересов. Среди них преобладают сотрудники со стажем работы до пяти лет.

Таким образом, факторы, которые выделяют сотрудники уголовно-исполнительных инспекций в качестве наиболее опасных, в целом соответствуют действующей методике индивидуального криминологического прогнозирования осужденных «Портрет». Более полный ответ об её актуальности могут составить лишь подробные данные о рецидивной преступности конкретных осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Д.А. Ольховик

С 2011 г. количество назначенных судами наказаний, не связанных с изоляцией от общества, принципиальным образом не изменилось. Необходим стимул, способный повлиять на сокращение числа наказаний в виде лишения свободы за счет увеличения доли и эффективности наказаний, не связанных с изоляцией осужденного. Один из способов повлиять на существующее положение – эффективность в работе инспекций, которая будет зависеть не только от подготовки кадров и обеспеченности ими, но и от правовой регламентации статуса сотрудников, наравне с четким определением направлений их деятельности (в том числе за счет расширения функций инспекций).

Необходимость научного исследования сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (далее – инспекций) предопределена наличием ряда причин. К их числу относятся: 1) отсутствие четкой

регламентации правового механизма в деятельности сотрудников инспекций; 2) наличие положений о персонале в ранее действовавшем законодательстве (Раздел VI. Персонал учреждений и органов, исполняющих наказание и осуществляющих контроль за условно осужденными и условно освобожденными. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 г. в ред. Закона РФ от 12.06.1992 г.; 3) невозможность безоговорочного применения положений, в которых получили свое закрепление функции сотрудников иных органов, так как деятельность сотрудников инспекций имеет специфику; 4) наличие международных документов, предусматривающих функции служб пробации и их сотрудников.

Функции государственных органов принято рассматривать как «основные направления деятельности», «определенную работу», «круг деятельности»¹.

Функции уголовно-исполнительных инспекций должны непосредственно отражать как внешнее, так и внутреннее содержание их деятельности, направленное на решение поставленных перед ними задач. Как видно из перечня, получившего свое закрепление в Положении об уголовно-исполнительных инспекциях² (далее – Положение), задачи уголовно-исполнительных инспекций связаны только с управляющим воздействием на объекты внешней среды. В этом перечне отсутствуют задачи внутреннего управления, связанные с упорядочением системы и организацией ее функционирования.

В зависимости от содержания выделяют следующие функции:

1) функции, направленные на реализацию непениitenciарного режима или режима испытания³:

- направленные на обеспечение реализации содержания наказания. Они, в свою очередь, могут быть и обеспечительными;

¹ Федотов А.В. Функция государственного органа: к вопросу интерпретации. М., 2009. С. 2.

² Постановление Правительства РФ от 16.06.1997 № 729 (ред. от 23.04.2012) «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 25. С. 2947.

³ Ольховик Н.В. Режим испытания при условном осуждении. Томск, 2005. С. 180.

- направленные на реализацию воспитательно-предупредительного воздействия (проведение с осужденными воспитательной работы);

2) обеспечительные.

В зависимости от их отраслевой принадлежности можно выделить уголовно-правовые, уголовно-исполнительные, административные функции; в зависимости от субъекта: функции сотрудников; функции органов, организаций и учреждений, которые участвуют в исполнении наказания.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЖИМА В ЛЕЧЕБНЫХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В.В. Ким

Назначение лечебных учреждений уголовно-исполнительной системы может быть представлено в виде двух компонентов: пенитенциарного и лечебного.

Лечебный аспект назначения данных исправительных учреждений привнесен в исправительную систему извне и определяется многими параметрами, не свойственными уголовно-исполнительной системе: общим состоянием здравоохранения в стране; существующими методиками лечения заболеваний, общественными интересами в достижении эффекта выздоровления осужденных, особенно с инфекционными заболеваниями, и т.д.

Режим, установленный в лечебных учреждениях, несколько отличается от режима, установленного в иных местах лишения свободы, статус больного является первичным по отношению к статусу осужденного и приговорённого к лишению свободы. Отсюда вытекают особенности, вызванные обязанностью лица, добровольно согласившегося на оказание ему квалифицированной медицинской помощи. Курс лечения и реабилитации подразумевает прохождение курса физиотерапии и медикаментозного лечения, главной обязанностью лица, находящегося в лечебном учреждении, является безусловное соблюдение всех назначений лечащего врача¹.

¹ *Комарова Л.В.* Правовое регулирование исполнения наказания в лечебных исправительных учреждениях: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2001.

На территории всех лечебных учреждений соблюдаются правила пребывания, установленные начальником учреждения и начальником медико-санитарной части УФСИН России по субъекту Федерации. Данные правила включают в себя обязанности и запреты, установленные для проходящих курс лечения. Существуют и специальные запреты, например, такие как запрет находиться в амбулаторно-поликлиническом отделении вне графика посещения без разрешения медицинского работника, запрет на уклонение от исполнения обязательного лечения.

Применение к осужденным в ЛПУ мер взыскания в виде водворения в штрафной изолятор или перевод в помещения камерного типа осужденных, содержащихся в лечебных учреждениях, вызывает много трудностей.

На практике встречаются случаи, когда осужденные, зная, что взыскания в виде водворения в ШИЗО или перевода в ПКТ к ним не применимы согласно ч. 4 ст. 117 УИК РФ, совершают нарушения, оставаясь практически безнаказанными. В подобной ситуации обычно администрация ИУ как бы «не замечает» это нарушение, ограничиваясь беседой. В других случаях осужденному объявляется выговор (не влекущий серьезных дополнительных правоограничений для него) либо его условно водворяют в ШИЗО (где он по медицинским противопоказаниям содержаться не может, и остается в отряде), но это учитывается в его личном деле в качестве взыскания¹

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КОНТРОЛЬ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

А.Ф. Любарский

Составной частью контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, является международный контроль. Его следует рассматривать как деятельность уполномо-

¹ *Перемолотова Л.Ю.*, Специально-криминологическая профилактика преступлений осужденных к лишению свободы, больных туберкулезом / Л.Ю. Перемолотова, В.В. Ким // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4. С. 94.

моченных органов международного сообщества по установлению соответствия исполнения уголовных наказаний международно-правовым стандартам и корректирование выявленных отклонений при помощи правовых средств. Правовой основой данного контроля являются положения ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации, согласно которым «каждый гражданин вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты»¹. В отличие от внутригосударственного контроля, международный контроль в сфере исполнения уголовных наказаний осуществляется с учетом требований ст. 3, ч. 4 ст. 12 УИК РФ² и на основании ратифицированных Российской Федерацией международных договоров, заключенных с иностранными государствами либо с международной организацией в письменной форме.

Основными международно-правовыми актами о правах человека, согласно которым проводится международный контроль, являются Международный пакт о гражданских политических правах от 16.12.1966 г., Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 14.11.1950 г., Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26.11.1987 г. В соответствии с этими актами субъектами международного контроля являются межгосударственные органы: Комитет по правам человека ООН, Комитет ООН против пыток, Европейский суд по правам человека, Европейский комитет по предупреждению пыток.

Среди существующих форм международного контроля следует особо выделить такую форму контроля, как посещения учреждений и органов, исполняющих наказания. Ее значимость предопределяется тем, что члены Европейского комитета по предупреждению пыток посещают любые места, где содержатся лица, лишенные свободы. Они обладают доступом на территорию государства и правом передвижения без ограничения, получения информации о местах содержания лишенных свободы лиц. Также они вправе беседовать с

¹ *Собрание* законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Там же. 1997. № 2. Ст. 198 (с послед. изм. и доп.).

лицами, отбывающими наказание, наедине, использовать имеющую информацию, доводить ее до сведения компетентных органов посещаемого государства и на основании этого вырабатывать рекомендации по улучшению защиты лишенных свободы лиц. Посещение учреждений субъектами международного контроля закреплено в п. 3 абз. 4 ст. 38 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5473 – 1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»¹. В то же время в УИК РФ норма о посещении мест лишения свободы отсутствует. В связи с этим считаем необходимым дополнить ст. 24 УИК РФ пунктом о посещении исправительных учреждений представителями межгосударственных органов по защите прав и свобод осужденных.

ВЛИЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА НА ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А.А. Пропостин

С целью определения влияния административного надзора на поднадзорных лиц нами исследовались две группы освобожденных: до введения его в действие (освобожденные с 2007 по 2010 г.) и после введения его в действие (вторая половина 2011 и 2012 гг.). Исследованию подвергались как уголовно-правовые, так и уголовно-исполнительные признаки личности освобожденных, проверялся их рецидив после освобождения. В результате мы пришли к следующим основным выводам.

Постепенитенциарный административный надзор не оказал существенного положительного влияния на уровень ненасильственных тайных корыстных имущественных преступлений (ст. 158, 159–159.6 УК РФ), умышленных ненасильственных посягательств на общественную безопасность, общественный порядок, порядок управления и правосудие / здоровье населения (ст. 222, 226, 228, 230, 314.1, 319, 325 УК РФ). Вместе с тем, хотя его установление и не сказалось на снижении уровня насильственных открытых коры-

¹ *Ведомости* Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1316 (с послед. изм. и доп.).

стных имущественных преступлений (ст. 161–163 УК РФ), он оказал существенное положительное влияние на структуру этой группы, снизив в ней количество наиболее опасных деяний, предусмотренных ст. 162 и 163 УК РФ. Весьма ощутимое положительное воздействие административный надзор оказал на уровень и структуру умышленных насильственных посягательств на жизнь и здоровье (ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119 УК РФ). Прежде всего такое положительное влияние связано с тем, что большинство таких преступлений совершалось в состоянии алкогольного опьянения. Как показали наши исследования, именно на лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, административный надзор оказал в целом положительное воздействие.

Установление административного надзора существенным образом не повлияло на категорию преступлений, которые являются основанием его установления, совершаемых после освобождения из мест лишения свободы. Так, доля тяжких преступлений увеличилась, а особо тяжких сократилась ненамного. Значительное влияние административный надзор оказал на преступления средней тяжести, доля которых существенно сократилась.

По результатам проведенного исследования отмечено в условиях административного надзора снижение уровня рецидива среди таких освобожденных в 2011–2012 гг., которые характеризовались отрицательно, признавались злостными нарушителями порядка отбывания наказания, а также отбывавшими наказание в облегченных условиях. На другие категории осужденных, отбывавших лишение свободы, угроза установления и само установление постпенитенциарного административного надзора существенного влияния не оказали.

В этой связи полагаем, что основания установления административного надзора необходимо пересмотреть. Во-первых, не следует ставить их в зависимость от вида рецидива. Во-вторых, при установлении надзора важно учитывать не только уголовно-правовую, но и уголовно-исполнительную характеристику осужденного. В связи с этим целесообразно рассматривать его в качестве одного из факторов прогрессивной системы. В частности, к осужденным, отбывавшим наказание в облегченных условиях, административный надзор не должен применяться по заявлению администрации исправительного учреждения.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗЛОСТНОСТЬ» В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

Т.Г. Антонов

В действующих нормах Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) часто используется понятие «злостность». Так, применительно к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, наиболее распространенный термин – «злостное уклонение» (ст. 30 и 32, ч. 3 ст. 46, ч. 4 ст. 58 УИК РФ). При регламентации исполнения лишения свободы законодатель также использует термины «злостное нарушение» и «злостный нарушитель» (ст. 116 УИК РФ). Если проанализировать нормы, касающиеся контроля за условно осужденными, а также за осужденными, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания, можно увидеть, что в данном случае в законе описывается поведение осужденного, которое можно назвать злостным, однако при этом используются иные формулировки. В первом случае – это «систематическое нарушение» или «систематическое неисполнение» (ч. 5 ст. 190 УИК РФ), во втором – продолжение уклонения от исполнения определенной обязанности (ч. 2 ст. 178, ч. 6 ст. 178.1 УИК РФ).

Проанализировав указанные нормы, можно сказать, что понятие «злостность» является одним из ключевых понятий уголовно-исполнительного законодательства в сфере правового регулирования применения мер воздействия к осужденным (как к наказанию в виде лишения свободы, так и к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества).

В правоприменительной практике выявлено большое количество частных проблем, связанных с его юридическим закреплением. Обратимся к нормам раздела II УИК РФ, регулирующего порядок исполнения альтернативных лишению свободы наказаний. Применению мер воздействия к осужденным и закреплению злостного уклонения от отбывания наказания посвящены отдельные статьи, однако они охватывают не все виды противоправного поведения осужденных. Например, если осужденный к обязательным работам не приступил к работе в срок, указанный в направлении уголовно-исполнительной инспекции (далее – инспекция), не явился по вызову инспекции, его поведение не подпадает под нормы ст. 30 УИК РФ и к осужденному нельзя применить никаких мер воздействия, кроме

предупреждения, которое, по сути, не играет никакой роли. Еще один пример: ст. 58 УИК РФ в качестве злостного уклонения закрепляет лишь отказ осужденного от применения технических средств надзора и контроля, однако в данном случае никак не отражено поведение, связанное с нарушением эксплуатации указанных средств. Что касается лишения свободы, то здесь достаточно проблемно определение статуса злостного нарушителя, а точнее, его временных рамок. В УИК РФ описан порядок признания осужденного злостным нарушителем, однако не сказано, когда и в каком порядке данный статус прекращается, учитывая, что сроки лишения свободы могут быть достаточно длительными, а поведение осужденного может измениться в процессе исполнения наказания.

На наш взгляд, частные изменения отдельных норм хотя и необходимы, но не решат общей проблемы. Выходом из этой ситуации может стать изменение подхода в самом правовом регулировании путём закрепления в Общей части УИК РФ понятий «злостное уклонение», «злостный нарушитель», определения порядка наложения и снятия этого статуса. При этом, безусловно, сами нарушения порядка и условий отбывания наказания должны быть закреплены в нормах Особенной части и подзаконных нормативных актах применительно к отдельным наказаниям.

К ВОПРОСУ О МЕРАХ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЯЕМЫХ К ОСУЖДЕННЫМ, ОТБЫВАЮЩИМ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А.А. Павленко

По официальным данным МВД России, за последние семь лет количество зарегистрированных случаев педофилии увеличилось в 30 раз. Предполагалось, что совокупность мер, введенных Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ, позволит переломить ситуацию с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, но на практике этого не произошло. Проведенный нами анализ действующего законодательства в данной области выявил целый ряд правовых пробелов и, как следствие, отсутствие комплексной системы, препятствующей совершению обозначенных

преступлений. Прежде всего, это относится к правовому регулированию мер медицинского характера, применяемых к лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Основной причиной неэффективности борьбы с подобными деяниями является необходимость наличия специального субъекта всех мер предупреждения – лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией). На практике этот диагноз выносятся крайне редко, чему способствует отсутствие единой позиции психиатров по данному заболеванию. Росписью в бессилии, на наш взгляд, выглядит и обязанность администрации ИУ предложить осужденному за обозначенные преступления пройти освидетельствование комиссией врачей-психиатров для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него педофилии перед освобождением (ч. 4 ст. 18 УИК РФ). Очевидно, что указанное согласие осужденного маловероятно, так как оно может повлечь для него крайне неблагоприятные юридические последствия – медицинское подтверждение наличия педофилии и применение назначенных по результатам освидетельствования мер медицинского характера, предельная продолжительность которых не определена. Более того, уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения, от применения к нему принудительных мер медицинского характера после отбытия наказания влечет уголовную ответственность на основании ч. 3 ст. 314 УК РФ.

В этой связи предлагаем отказаться от де-факто приоритета психиатров в определении объема правоограничений, применяемых к осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, и считать специальным субъектом предупредительного воздействия на педофилов любое лицо, совершившее подобное деяние. За психиатрами в этом случае останется определение вменяемости субъекта и конкретное наполнение мероприятий принудительных мер медицинского характера.

Подобный подход соответствует и международным стандартам. Так, в Рекомендациях Совета Европы «В отношении опасных преступников»¹ таковыми признаются лица, осужденные за совершение

¹ *Рекомендация № CM/Rec(2014)3 Комитета министров Совета Европы «В отношении опасных преступников»* (Принята 19.02.2014 на 1192-ом заседании заместителей министров) // СПС «КонсультантПлюс».

особо тяжкого сексуального преступления и которые имеют высокий риск повторного совершения подобных преступлений (п. 1.а). В отношении таких лиц допускаются превентивное заключение, в том числе и сверх срока, предусмотренного наказанием (пп. 16–22), и превентивный надзор, в том числе и бессрочный (пп. 23–25).

Осуществление перечисленных мер, вкупе с созданием структурированной базы данных педофилов, позволит эффективно противодействовать преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ОСУЖДЕННОГО ЗЛОСТНЫМ НАРУШИТЕЛЕМ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Е.А. Каданева

Осужденные, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, составляют немногочисленную, но криминогенно опасную группу. Придание осужденному данного статуса является крайней мерой, но при этом достаточно строгой, влекущей правовые последствия, заключающиеся в определенных правоограничениях осужденного. В связи с этим возникает необходимость их строгой регламентации на уровне федерального законодательства.

Исходя из положений ч. 1 ст. 116 УИК РФ, злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания представляет собой либо единичный проступок, либо злостным признаётся повторное совершение в течение года любых по степени тяжести нарушений, если за каждый из них осужденный подвергался взысканию в виде водворения в штрафной изолятор.

Второе положение не лишено недостатков, поскольку в нём законодатель не учитывает тяжести нарушения, а основывается на строгости мер взыскания, однако это не одно и то же.

В силу ч. 4 ст. 116 УИК РФ осуждённый признаётся злостным нарушителем постановлением начальника исправительного учреждения одновременно с наложением взыскания в виде водворения в штрафной изолятор (далее – ШИЗО), помещение камерного типа

(далее – ПКТ), одиночные камеры (далее – ОК), единые помещения камерного типа (далее – ЕПКТ).

Необходимо выделить следующие последствия признания осужденного злостным нарушителем:

1. Применение к осужденному дисциплинарного взыскания в виде водворения в ШИЗО (п. «в» ч. 1 ст. 15 УИК РФ), перевод осужденных, содержащихся в исправительных колониях общего и строгого режимов, в ПКТ, а в исправительных колониях особого режима – в ОК (пп. «г», «е» ч. 1 ст. 15 УИК РФ), перевод в ЕПКТ (п. «д» ч. 1 ст. 15 УИК РФ).

При этом следует отметить, что наложение вышеуказанных дисциплинарных взысканий является не только правовым последствием признания осужденного злостным нарушителем, но и необходимым условием в силу положений ч. 3 ст. 116 УИК РФ. В этом усматривается противоречивость указанных норм.

2. Перевод осужденных с обычных условий в строгие (ч. 3 ст. 120, ч. 3 ст. 122 УИК РФ), с облегченных – в обычные или строгие (ч. 4 ст. 120, ч. 4 ст. 122 УИК РФ). Один юридический факт может повлечь два правовых последствия в виде назначения дисциплинарного взыскания и перевода осужденного на более строгие условия отбывания наказания. Данное обстоятельство фактически означает двойную ответственность за одно и то же правонарушение.

3. Изменение вида исправительного учреждения, а именно: перевод осужденного из колонии-поселения в исправительную колонию (пп. «а», «б» ч. 4 ст. 78 УИК РФ) и перевод из колонии общего, строгого, особого режимов в тюрьму (п. «в» ч. 4 ст. 78 УИК РФ).

Помимо законодательных последствий признания осужденного злостным нарушителем отбывания наказания, исходя из правоприменительной практики, следует выделить следующие: неприменение условно-досрочного освобождения, обычное неприменение амнистии, запрет выполнять вне места лишения свободы работы без охраны и сопровождения и др.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ УИС

Д.Г. Девяшин

По данным ФСИН России, с 2011 г. по настоящее время при сохраняющейся тенденции к уменьшению численности осужденных ухудшается их криминогенная характеристика, все чаще образуются группировки отрицательной направленности, негативное влияние которых на других осужденных становится все более открытым и дерзким. В этой связи проблема обеспечения личной безопасности сотрудников УИС (а также членов их семей) весьма актуальна.

На наш взгляд, личная безопасность сотрудника УИС – это состояние, позволяющее ему сохранить неприкосновенность чести, достоинства, жизни и здоровья при эффективном выполнении своих профессиональных обязанностей с помощью правовых, организационных, материально-технических, тактических и психологических мер.

В соответствии со ст. 32, 33 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» персонал, а также члены семей персонала находятся под защитой государства. В интересах обеспечения личной безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы и членов их семей не допускается обнародование в средствах массовой информации сведений о месте жительства сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Федеральный орган управления уголовно-исполнительной системы обязан обеспечивать сотрудников уголовно-исполнительной системы оружием и специальными средствами индивидуальной защиты для постоянного ношения.

На сотрудников УИС в полной мере распространяются нормы главы 8 Уголовного кодекса РФ («Необходимая оборона») и другие обстоятельства, исключающие преступность деяния), Уголовно-исполнительного кодекса, который наделяет сотрудников УИС правом применения мер безопасности: физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, Федерального закона от 28 декабря 2010 г. «О безопасности», Федерального закона от 20 апреля 1995 г. «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и др.

Непростая криминогенная обстановка в исправительных учреждениях на фоне сокращения штатной численности сотрудников ИУ требует совершенствования системы обеспечения их личной безопасности в правовой, организационной и материально-технической сферах.

На наш взгляд, для этого необходимо юридическое оформление и закрепление категорий «личная безопасность сотрудника УИС и гарантии ее реализации», «гарантии безопасности вооруженного сотрудника УИС» как неотъемлемых элементов правового статуса сотрудника УИС.

Давно пора внести серьезные изменения и дополнения в главу V Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», добавив основания применения мер безопасности, расширить перечень специальных средств (например: травматическое нелетальное огнестрельное оружие, электрошокер, электризуемые ограждения, средства сковывания и другие средства ограничения подвижности и т.п.)

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ РЕЖИМА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В.Б. Дворцов

В современный период все больше внимания уделяется вопросам формирования готовности курсантов образовательных организаций ФСИН России к обеспечению режима в исправительных учреждениях. Высшее специальное образование в первую очередь ориентировано на формирование личностных и профессиональных качеств, умений и навыков будущего сотрудника УИС. В связи с этим подготовка сотрудников исправительных учреждений должна осуществляться в соответствии с практической составляющей их служебной деятельности и современными квалификационными требованиями.

Готовность курсантов образовательных организаций ФСИН России к обеспечению режима в исправительных учреждениях представляет собой интегративное качество, определяемое, с одной стороны, психологи-

ческими параметрами состояния готовности, а с другой – профессиональными и специальными компетенциями.

Однако для обеспечения взаимосвязи общего и специального обучения в процессе формирования готовности курсантов к осуществлению дальнейшей служебной деятельности необходима эффективная система ее формирования с учетом специальных компонентов и показателей. Подобная система представляет собой модель формирования готовности курсантов к обеспечению режима в исправительных учреждениях.

Содержательно модель формирования готовности к обеспечению режима в исправительных учреждениях включает в себя совокупность общих и специальных учебных дисциплин и обозначает центральную роль последних. Именно специальные дисциплины включают в себя все компоненты готовности к обеспечению режима в исправительных учреждениях. В их содержание включаются вопросы профессиональной деятельности сотрудника исправительного учреждения, в том числе и по обеспечению режима.

Структурно модель формирования готовности курсантов к обеспечению режима в исправительных учреждениях включает в себя несколько блоков: целевой, содержательный, обеспечительный и результативный.

Эффективность реализации рассматриваемой модели обусловливается соблюдением следующих требований:

- реализацией образовательного процесса в активной и интерактивной формах, стимулирующих активность и профессиональную заинтересованность курсантов;
- расширенным использованием методов моделирования профессиональной деятельности;
- организацией научно-исследовательской деятельности курсантов, связанной с дальнейшим выполнением профессиональных функций.

Механизм реализации модели формирования готовности курсантов к обеспечению режима в исправительных учреждениях представляет собой создание единой учебно-производственной площадки, включающей в себя все направления учебно-воспитательного процесса, такие как учебная работа, внеаудиторная учебная практика, научно-исследовательская и самостоятельная работа курсантов. Действие механизма реализации рассматриваемой модели распространяется на все курсы обучения и расширяется в своем содержа-

тельном компоненте в зависимости от срока обучения, имеющихся знаний, умений и навыков курсантов.

Таким образом, рассматриваемая модель формирования готовности курсантов к обеспечению режима в исправительных учреждениях представляет собой эффективную динамичную систему современной подготовки сотрудников УИС, обладающих высоким уровнем готовности к профессиональной деятельности в новых реалиях служебной деятельности.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НУЖДАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

Л.М. Прокументов

В последние годы наблюдается тенденция «размывания» охранительного потенциала главы 20 УК РФ. Это выразилось в следующем. Ряд составов преступлений против несовершеннолетних были выведены из названной главы. В частности, в соответствии с Федеральным законом № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. из неё были исключены два состава преступления против несовершеннолетних. Это вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией (в пользу ст. 240 УК РФ «Вовлечение в занятие проституцией») и полностью исключена ст. 152 «Торговля несовершеннолетними». Вместе с этим в Уголовный кодекс РФ была введена новая статья 127.1 «Торговля людьми», изначальная формулировка диспозиции которой оказалась неудачной, поскольку в ней указывалась специальная цель – «эксплуатация». А акты купли – продажи несовершеннолетних при отсутствии указанной цели были фактически декриминализованы. И только Федеральный закон № 218-ФЗ от 25 ноября 2008 г. устранил данный пробел.

Некоторые новые нормы, объектом охраны которых является нормальное развитие несовершеннолетних, не включены в главу 20 УК РФ (например, ст. 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с полиграфическими изображениями несовершеннолетних» или ст. 240.1 «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего»). Вместе с тем в главе 20 УК РФ появилась ст. 151.1, пре-

дусматривающая уголовную ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции.

Возникает вопрос: почему статьи, имеющие один объект уголовно-правовой охраны – «нормальное развитие несовершеннолетних», находятся в разных главах УК РФ? Представляется, что данное обстоятельство обусловлено прежде всего тем, что уголовное законодательство воспринимается в отрыве от государственной политики в интересах детей, которая должна предопределять единые общегосударственные подходы к несовершеннолетним, в том числе и в уголовном праве.

Очевидно, что не только расположение конкретной нормы в Особенной части УК РФ определяет степень правовой охраны соответствующих общественных отношений, но и её содержание, предусмотренная в ней ответственность и др. И всё же очевидной является связь технико-юридического совершенства уголовного закона и эффективности его практического применения. «Размытые» по главам УК РФ нормы, устанавливающие повышенную (в квалифицированных составах) ответственность за преступления против несовершеннолетних, сложно объединяются в единый институт или систему охраны несовершеннолетних, поскольку имеют ряд проблем и противоречий.

Считая, что именно объект преступления является наиболее логичным и практически значимым критерием классификации и систематизации уголовно-правовых норм, понимая под объектом преступлений против несовершеннолетних общественные отношения, связанные с их нормальным физическим, психическим, социальным развитием, полагаем, что в главе 20 УК РФ следует разместить все нормы, которые специально направлены на защиту интересов несовершеннолетних. В этой же главе должны быть нормы о преступлениях, включающие в себя специфическую систему квалифицирующих обстоятельств (продуманную и целесообразно унифицированную), свойственных именно преступлениям против несовершеннолетних, несмотря на наличие аналогичных норм, предусматривающих ответственность за сходные преступления против взрослых, в других статьях УК РФ.

Преступления, предусмотренные в статьях главы 20 УК РФ, имеют приоритетный объект – нормальное физическое, психическое, социальное развитие несовершеннолетних. И объединение в одной главе будет способствовать получению целостной информации, в

том числе и статистической, о посягательствах на несовершеннолетних, а также более чёткому определению специализированного направления деятельности правоохранительных органов и судов в охране несовершеннолетних.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

М.А. Сутурин

О предупреждении (профилактике, борьбе, превенции) преступности несовершеннолетних, о необходимости минимизации и нейтрализации детерминационного комплекса данного негативного явления говорится достаточно давно. На страницах специальной, в том числе монографической, литературы можно встретить весьма обширный и разносторонний спектр подходов отечественных и зарубежных авторов в попытке представить собственные, нередко, по нашему субъективному мнению, не в полной мере отвечающие принципу научной обоснованности, суждения относительно алгоритмов и механизмов противодействия преступности лиц, не достигших совершеннолетия. Можно по-разному оценивать содержательную составляющую различных точек зрения на эту проблему, однако сам факт их наличия и достаточной количественной представленности свидетельствует о не теряющей своей актуальности и в известной степени «популярности» темы преступного, правонарушающего поведения несовершеннолетних. Подобного рода ситуация вполне объективна, поскольку общепризнанным и неоспоримым является тезис, что именно преступность несовершеннолетних должна находиться в центре внимания как специалистов, так и государства и общества. В поддержку вышеуказанного тезиса достаточно привести лишь два из великого множества аргументов. Во-первых, несовершеннолетние, совершающие преступления, являются «питательной базой», «будущим» всей взрослой рецидивной, организованной и т.д. преступности. Во-вторых, именно правонарушающее, преступное поведение несовершеннолетних в известной степени выступает своеобразным индикатором социального благополучия / неблагополучия жизни конкретного социума. В связи с

вышесказанным переоценить значимость вопросов именно предупреждения преступности несовершеннолетних представляется невозможным.

Остановимся на некоторых особенностях организационно-содержательной составляющей предупреждения преступности несовершеннолетних. А именно поставим в качестве вопроса для возможного дальнейшего обсуждения вопрос о влиянии в процессе предупредительно-профилактической деятельности элементов всепроникающей и слабо сдерживаемой преступной субкультуры на несовершеннолетних, выступающих объектом этой самой предупредительно-профилактической деятельности. Рассматриваемую проблематику необходимо исследовать и раскрыть в нескольких аспектах. Во-первых, вести речь об элементах прикосновенности несовершеннолетних правонарушителей (в широком смысле) к преступной субкультуре в процессе организации и реализации предупредительных (в том числе и формально закрепленных) мер. Например, нередко несовершеннолетний правонарушитель в силу формальных оснований вступает в длительный или краткосрочный контакт с представителями правоохранительных органов. Не секрет, что определенная часть сотрудников (особенно низового звена) по речевым и поведенческим стереотипам нередко сложно отличима от представителей преступной субкультуры. Во-вторых, отметить проблему, связанную с излишним гипертрофированным позиционированием преступной субкультуры и, на наш взгляд, абсолютно излишним и необоснованным как с научной точки зрения, так и с точки зрения здравого смысла насыщением законопослушной части подрастающего поколения информацией о наличии этой самой субкультуры, о ее особенностях. Но на практике нередко получается известный обратный эффект: «хотелось как лучше, а получилось, как всегда».

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Е.А. Писаревская

В настоящее время перечень субъектов профилактики преступности несовершеннолетних, преступного и иного правонарушающего поведения несовершеннолетних определен в ст. 4 Федерального

закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹.

Первое, на что следует обратить внимание при прочтении перечня субъектов профилактики. Согласно ст. 11 вышеуказанного федерального закона во главе всей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних стоят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Однако при этом федеральный закон, регламентирующий деятельность данных комиссий, до сих пор не принят.

Второе, заслуживающее внимания обстоятельство. Акцент в перечне, несомненно, обоснованно сделан на субъектах ранней профилактики преступности несовершеннолетних.

Третье обстоятельство. Перечень субъектов, включенных в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г., корректировался три раза за время существования закона. Изменения были проведены в двух направлениях: 1) простое переименование субъектов профилактики; 2) расширение изначального перечня субъектов за счет включения в него учреждений уголовно-исполнительной системы.

Четвертое обстоятельство. В перечне указанных субъектов вообще не обозначена прокуратура. Несомненно, наличие широкого понимания субъектов профилактики позволяет нам отнести прокуратуру к данным субъектам. Однако полагаем, что «координатор» борьбы с преступностью заслуживает отдельного упоминания в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. и раскрытия основных направлений его деятельности применительно к профилактике в главе 2 указанного закона. Признаем, что ч. 3 ст. 10 рассматриваемого закона содержит указание на то, что «прокурорский надзор за соблюдением законов органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляется Генеральным прокурором Российской Федерации и подчиненными ему прокурорами в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»². Однако участие

¹ *Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»* (ред. от 23.11.2015) // КонсультантПлюс: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. Режим доступа: Компьютер. сеть НФИ КемГУ, свободный.

² Там же.

прокуратуры в профилактике не ограничивается только ее надзорными функциями.

Пятое обстоятельство. Среди основных задач деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних обозначена задача «обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних»¹. При этом Уполномоченный по правам ребенка, который выступает в качестве ключевого субъекта данной деятельности, также упоминается только в ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. Возникает вопрос о недооценке законодателем значимости данного субъекта профилактической деятельности.

Шестой момент касается невключения в вышеуказанный перечень судов в качестве субъектов профилактики. Данный вопрос приобретает особую актуальность на современном этапе в контексте применения судами ювенальных технологий и технологий восстановительного правосудия, а в некоторых регионах и фактической постановкой судов во главе всей системы субъектов профилактики преступности несовершеннолетних при организации профилактической работы с осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы. В связи с этим умолчание профилактической роли суда в тексте Федерального закона от 24 июня 1999 г. вызывает некоторые сомнения.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ИМУЩЕСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ»

К.Ю. Логинова

Изучение статистических данных разных лет показало, что совокупность запрещенных уголовным законом общественно опасных деяний, совершаемых несовершеннолетними, в подавляющем большинстве представлена преступлениями против собственности, предусмотр-

¹ *Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»* (ред. от 23.11.2015) // КонсультантПлюс: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. Режим доступа: Компьютер. сеть НФИ КемГУ, свободный.

ренными главой 21 УК РФ, доля которых в структуре общей преступности несовершеннолетних в разные годы составляла от 68,1 до 91,5%. При формулировании понятия целостного социально-правового массового явления, основу которого составляет совокупность деяний, содержащих признаки преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, а также несовершеннолетних лиц, совершающих такие деяния, среди исследователей нет единства мнений. Наиболее часто в литературе встречаются три термина: «преступления против собственности», «корыстная преступность», «имущественная преступность».

Оценивая термин «преступления против собственности», с позиции формальной логики не сложно прийти к заключению, что он по смысловой и семантической природе своей является уголовно-правовым и более применим для обозначения преступных посягательств в науке уголовного права, а не к обозначению криминологического понятия вида преступности.

Термин «корыстная преступность» представляется чрезмерно широким. Авторы, оперирующие этим термином, включают в понятие «корыстная преступность» не только преступления против собственности, но и иные корыстные преступления (против личности, общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти). Объединение множества разнообъектных преступлений в одну совокупность «размывает» границы единого понятия «корыстная преступность», его наполнение становится пространым, утрачивается единообразие в понимании содержания.

Смыслоопределяющим критерием для обозначения вида преступности несовершеннолетних, образуемого преступлениями против собственности, должен являться не характер мотивации (корыстной), субъективно определяемый каждым исследователем, а объективные, законом уголовным установленные объект и предмет преступных посягательств. Сам термин «имущественная преступность» неразрывно связан с понятием «имущество», которое, как известно, является предметом преступлений против собственности, предусмотренных главой 21 УК РФ. В свою очередь, отношения собственности, а именно правомочия владения, пользования, распоряжения принадлежащим собственнику имуществом, являются родовым и одновременно непосредственным объектом преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ. Именно эти отношения принадлежности имущества собственнику и нарушаются преступлением про-

тив собственности или, иначе говоря, имущественным преступлением. Для обозначения вида преступности, образуемого имущественными преступлениями, которые нарушают права владения, пользования и распоряжения собственника своим имуществом, либо иным способом причиняют (или могут причинить) собственнику имущественный ущерб, имеющими предметом посягательства чужое имущество, а также лицами, совершающими эти преступления, наиболее применим термин «имущественная преступность».

Имущественная преступность несовершеннолетних – это исторически непреходящее, статистически устойчивое, негативное социально-правовое, относительно массовое явление, образуемое статистически устойчивой совокупностью преступлений против собственности, предусмотренных главой 21 УК РФ, нарушающих права владения, пользования и распоряжения собственника своим имуществом, совершаемых лицами в возрасте 14–17 лет, на определенной территории, за определенный период времени.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ

К.В. Попов

В последнее десятилетие обеспечение благополучного и защищенного детства стало одним из основных национальных приоритетов России. Обусловлено такое выделение задач государством, пожалуй, прежде всего статистическими данными и яркими сигнальными посылами, выраженными проявлениями в обществе и семье. Пожалуй, по большей части статистические данные в целом связаны с несвоевременным выполнением или же вообще невыполнением своих прямых задач, например, органами опеки или комиссией по делам несовершеннолетних. Но стоит ли целиком рассматривать проблему в ключе надлежащего или ненадлежащего «сотрудника»? Существует ряд примеров, когда проявление на первый взгляд своевременного реагирования и чрезмерного беспокойства со стороны органов опеки приводило к негативным, а иногда и трагическим последствиям для детей. Так, в 2011 г. в Краснодарском крае у семьи Тонких были отобраны оба ребенка при якобы имеющейся непосредственной угрозе жизни и здоровью детей. Представители орга-

нов опеки при посещении семьи не обнаружили должного количества продуктов питания в наличии, и отец семьи не смог документально подтвердить, что аванс на работе задерживают. Каких-либо других признаков, указывающих на опасность для детей (ссадины, следы побоев, недоедание), не было установлено. Однако представителям органа опеки этого было достаточно, чтобы отобрать на время детей. Впоследствии при невыясненных обстоятельствах дети погибли.

С другой стороны, правоохранительным органам, органам опеки бывает доподлинно известно о непростой ситуации в семье и имеющихся сигналах, однако кроме профилактических бесед представители власти ничего не предпринимают. Вопрос: почему? В ряде случаев утверждается, что отсутствует правовое основание для вмешательства в семью. Следует напомнить, что при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится. Именно при таких обстоятельствах в России было зафиксировано первое официальное обращение ребенка в правоохранительные органы. В 2005 г. в Аркадакском районе Саратовской области шестилетний ребенок написал заявление на своих родителей с просьбой защитить его. Обстоятельства подтвердились и, более того, сотрудники правоохранительных органов в последующем заявили, что сигналы об инцидентах в семье уже были, просто отсутствовало основание для принятия мер реагирования.

Очевидно, что при таких обстоятельствах органы опеки не только по-разному понимают наличие угрозы для ребенка, но и по-разному трактуют закон и свои полномочия. Таким образом, необходимо четко определить, какие действия со стороны органов опеки приводят к наилучшей защите прав и интересов ребенка. Ответ на такой вопрос, пожалуй, содержится не только в толковании закона и правоприменительной практике органами опеки в регионах, но и в содержании такого закона. В посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации ставились задачи по разработке современной и эффективной государственной политики в области детства. Целый комплекс проблем и направления их решения фундаментально были закреплены в утвержденной Указом Президента Российской Федерации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». Однако эти

фундаментальные понятия и направления работы следует конкретизировать в деталях, установить критерии оценки опасной ситуации для ребенка, придерживаться стандартов, ввести определенные требования для сотрудников организаций, работающих с детьми, вести контроль за такой работой, предусмотреть персональную ответственность для сотрудников органов опеки.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

О.В. Филиппова

По данным уголовной статистики, в Российской Федерации продолжает сохраняться высокий уровень преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, наркосодержащих растений. По данным ФКУ «ГИАЦ МВД», в 2015 г. из 2 388, 5 тыс. зарегистрированных на территории РФ преступлений свыше 237 тыс. приходилось на наркопреступления (удельный вес около 10,0%). Количество выявленных лиц, совершивших наркопреступления, также значительно: в 2015 г. их было выявлено 121 557; удельный вес наркопреступников среди всех выявленных лиц составил 11–12%.

В последние годы среди наркопреступников растет число лиц, ранее совершавших преступления. Так, по данным Управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ по Республике Бурятия, в 2015 г. из 1988 выявленных на территории республики наркопреступников 1 357 ранее совершали преступления (удельный вес – 68,2%). За последние пять лет доля ранее совершавших преступления выросла в 2 раза. Указанное свидетельствует об ухудшении качественных характеристик наркопреступности, повышении степени ее профессионализма.

При изучении рецидивной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков авторы по-разному подходят к ее определению. Одни ученые включают в данное понятие наркопреступления ранее

судимых лиц¹. Однако при таком подходе упускается из внимания преступное поведение лиц, ранее совершивших преступления, но освобожденных от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям. Другие же считают, что рецидивная преступность в сфере незаконного оборота наркотиков охватывает также случаи совершения преступления, связанного с наркотиками, лицами, освобожденными от уголовной ответственности и наказания, а также повторное совершение преступления при условии, что наказание за первое преступление к нему не применялось по разным причинам². При этом исследователи имеют в виду общий рецидив, т.е. совершение наркопреступлений лицами, которые ранее совершали любые преступления, не обязательно связанные с наркотиками³.

Отмечая повышенную рецидивоопасность наркопреступников, а также специфику преступного поведения в сфере незаконного оборота наркотиков, считаем, что специальный рецидив наркопреступлений, т.е. рецидив со стороны тех, кто ранее совершал однородные (тождественные) преступления, требует самостоятельного изучения. Если, по данным за 2010 г., в Бурятии специальный рецидив среди наркопреступников составлял 0,3%, то в 2015 г. – 19,5%.

Статистические сведения показывают, что структура первичной и рецидивной наркопреступности в Бурятии практически не отличается: более 80% приходится на незаконные приобретение и хранение наркотиков без цели сбыта и только 10,3% – на сбыт. Таким образом, в поле зрения правоохранительных органов фактически попадают одни и те же лица, незаконно приобретающие и хранящие наркотические средства. При этом очевидно, что выявление и привлечение к уголовной ответственности сбытчиков имеют больший эффект для сдерживания наркоманийной преступности. Потому правоохранительным органам следует сосредоточить усилия на выявлении наркосбыта.

¹ Родионов А.И. Некоторые особенности преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, совершаемых рецидивистами // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2. С. 19.

² Забродская Т. Криминологическая характеристика лиц, совершающих рецидивные преступления в сфере незаконного оборота наркотиков // *Legea si viata*. 2013. С. 53–54.

³ Родионов А.И. Указ. соч.

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

О.В. Моргун

В понятие «личность преступника» включаются криминологически значимые свойства, т.е. такие особенности, которые в совокупности с другими факторами обусловили совершение преступления¹.

Данные статистики ГУ МВД России по Красноярскому краю свидетельствуют об общей тенденции снижения числа выявленных лиц, совершивших преступления в сфере обеспечения финансовой безопасности: за период 2010–2014 гг. данный показатель сократился с 1 717 до 1 038 человек.

Субъектами около трети преступлений данной категории являются лица женского пола, что несколько отличает личность преступника, совершившего преступление в финансовой сфере, от личности «общеуголовного» преступника, где доля женщин колеблется примерно от 10 до 25% в зависимости от категории преступлений.

Возрастная характеристика лиц, совершающих преступления в финансовой сфере, также имеет свою специфику. В финансовой сфере «активный» возраст совершения преступления намного выше: чаще всего такие преступления совершают лица 30–49 лет, на втором месте – лица от 50 лет и старше, на третьем месте – от 25 до 29 лет, на четвертом – лица моложе 25 лет. Указанная тенденция обусловлена объективной стороной данных преступлений, для совершения которых необходимы более высокий уровень знаний, определенное положение в обществе, опыт.

В отличие от «общеуголовных» преступников, доля лиц, совершающих преступления в финансовой сфере, имеющих высшее образование, в среднем достигает чуть больше 32% (за исключением 2014 г., когда их доля снизилась до 25,7%). Увеличивается к 2014 г. (с 34,9 до 45,3%) доля лиц, имеющих среднее профессиональное образование. Что же касается лиц, имеющих начальное, основное общее или полное общее образование, то их совместная доля колебалась в районе 20% (за исключением 2014 г., когда она увеличилась

¹ *Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. С. 274.*

почти до 24,6%, т.е. почти четверти от всех лиц, совершающих преступления в финансовой сфере).

За период с 2010 по 2014 г. доля предпринимателей без образования юридического лица и служащих стабильно уменьшается (с 14,1 до 6,5%), тогда как возрастает доля наемных работников (с 36,9 до 49,6%) и, хоть и незначительно, доля лиц без постоянных источников доходов (почти до трети всех преступлений в финансовой сфере – 31,9%). Такой социальный состав лиц, совершающих преступления в финансовой сфере, отличается от социального состава лиц, совершающих «общеуголовные» преступления, в которых доля лиц без постоянного источника дохода доходит до 50%.

Преступления в финансовой сфере довольно редко совершаются в составе групп по предварительному сговору – 9% и менее, еще реже встречается совершение таких преступлений в составе группы лиц (не более 2,6%) либо организованной группы (не более 3%), максимальная активность которых наблюдалась в 2012–2013 гг.

Нужно отметить, что среди лиц, совершающих преступления в финансовой сфере, довольно низкий (по сравнению с «общеуголовными» преступлениями) процент лиц, ранее совершавших преступления, хотя повышение доли таких лиц в 2012–2014 гг. с 13,2 до 28,8% не может не настораживать. В то же время доля ранее судимых лиц довольно стабильна – не более 10,8% (в 2012 г.).

Подводя итог анализу личности преступника, совершающего преступления в финансовой сфере, можно выделить наиболее распространенный его тип. Это мужчина старше 30 лет, имеющий высшее либо среднее профессиональное образование, работающий по найму либо служащий, совершивший преступление в отсутствие соучастия, ранее преступлений не совершавший.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

О.А. Янов

При противодействии коррупции государство пришло к необходимости привлечения общества как независимой и беспристрастной третьей стороны. Всё больше авторов и политических деятелей го-

ворят об общественном контроле гражданского общества над государством через общественный контроль, общественные советы, публичные слушания и т.д. Тем не менее гражданского общества в России в данный момент нет – отсутствует качественное состояние большого количества граждан, способных быть независимыми от государства, но взаимодействовать с ним. Однако следует отметить, что говорить о полном отсутствии контроля со стороны граждан также некорректно. Некоторые граждане и их группы регулярно проводят проверки в различных областях деятельности государства, от публичных закупок до доходов отдельных чиновников. Такой контроль в ходе дискуссии на Гражданском форуме в г. Красноярске, на наш взгляд, удачно был назван гражданским. К его субъектам можно отнести: журналистов, отдельные неравнодушные разрозненные группы граждан и политические образования. Отсюда в России можно говорить о гражданском контроле отдельных граждан и их организаций, но ещё рано говорить об общественном контроле (субъектами которых, кстати, ни граждане, ни их объединения согласно ФЗ «Об основах общественного контроля» не являются).

Гражданский контроль сталкивается со следующими группами препятствий:

1. Получение информации о должном – даже на стадии формирования представления о том, как орган должен работать, *de jure* у заинтересованных лиц возникает проблема в том, что отсутствует доступ к значительной части внутренней документации, регламентирующей каждодневную деятельность органа. Не публикуются целевые показатели. Федеральные законы и постановления правительства не являются достаточной нормативной базой, так как внутренние акты порой значительно дополняют и конкретизируют их. То есть не понятно, к чему и как должен двигаться государственный орган.

2. Получение информации о сущем – далее возникает проблема в понимании действительной деятельности и её результатов (*de facto*). Отчётная информация органа, как правило, недоступна для публики, отчётность представляется существенно агрегированной и заранее сведённой по некоторым показателям, что не даёт возможности углубиться в статистическую отчётность и глубоко разобраться в ней. Годовая отчётность не позволяет вести актуальный контроль.

3. Компетентность в соотнесении – мы понимаем контроль как соотнесение должного и сущего и принятие действий для устрани-

ния дельты. Но соотнесение не является механической и даже арифметической операцией, для её осуществления требуется определённый уровень компетенций и понимания представленной информации. На данный момент получение такой компетенции существенно ограничено несколькими направлениями подготовки в вузах, что значительно снижает потенциальное количество субъектов гражданского и общественного контроля.

В настоящее время главным способом решения этих проблем нам видится массовое образование с целью повышения общего уровня компетенции граждан с тем, чтобы они могли начинать самостоятельное воздействие на органы государственной власти. Такой проект наиболее реален на базе существующих вузов ввиду того, что они обладают всей необходимой инфраструктурой для его выполнения, как-то: специалисты, аудитории, источники общественного оповещения.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Р.А. Семенюк

Поиск причин любого криминального насилия, в том числе и насильственных преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, ориентируется на личность и социальную среду¹. Исходя из этого, отметим, что на общем социальном уровне причинами и условиями, способствующими совершению насильственных преступлений в состоянии опьянения, являются следующие группы криминогенных факторов:

1) социальная нестабильность, особенности алкогольной политики, допускающей реализацию низкокачественного дешевого алкоголя, опасного для жизни и здоровья людей; отсутствие возможности принудительного лечения лиц, больных алкоголизмом или наркоманией; 2) экономическая нестабильность: низкий уровень отечественного производства и трудовой активности населения, неспособность части населения обеспечить свои основные жизненные по-

¹ *Абельцев С.Н.* Криминологическое изучение насилия и защита личности от насильственных преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 11.

требности; 3) неблагоприятная социально-психологическая ситуация: безнравственность, деградация части населения, выражающаяся в асоциальных или антиобщественных взглядах, установках; падение моральных принципов, уровня культуры; наличие стрессовых ситуаций; 4) семейная ситуация: большое количество разводов, неблагополучных семей и детей; 5) низкий уровень здоровья населения: рост заболеваемости и смертности от потребления алкоголя или наркотиков и др.

Особенно актуальными остаются такие проблемы, как инфляционные процессы, низкая покупательная способность населения, незаконная миграция, материальное неравенство, безработица и недостаточный уровень заработной платы, недовольство своим социальным статусом, отсутствие личных перспектив, социальные конфликты, неустроенность в жизни, «кризис» морали, высокий уровень влияния криминальной субкультуры, вовлечение и наследственная предрасположенность к злоупотреблению алкоголем, потреблению наркотиков, а также дефекты семейного, школьного и досугового воспитания и образования.

Согласно собранным экспертами данным, доля смертей, связанных с алкоголем, составляет почти 30% у мужчин и 17% у женщин. Всего, таким образом, Россия теряет до полумиллиона человек в год. Мы согласны с мнением о том, что снизить потребление алкоголя в России можно отчасти за счет восстановления учреждений закрытого типа для алкоголиков с обязательным принудительным лечением алкоголизма.

Эксперты Минздрава России подчеркивают, что подавляющее большинство смертей от внешних причин происходит в состоянии алкогольного опьянения. Наиболее высокая смертность приходится на регионы с высоким уровнем распространенности хронического алкоголизма и алкогольных психозов¹.

Результаты проведенного нами исследования показали, что лица, больные алкоголизмом или наркоманией, сами не желают проходить курс лечения. Действующие правовые меры воздействия не обеспечивают их эффективного лечения и, соответственно, успешное предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в со-

¹ Минздрав объяснил рост смертности алкоголизацией населения [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М.]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 13.12.2015).

стоянии опьянения. Поэтому мы убеждены в том, что без принудительной изоляции больных алкоголизмом либо наркоманией невозможна эффективная профилактика данного типа преступлений.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО

Л.Ю. Перемолотова

Актуальность проблемы изучения личности осужденного не вызывает сомнений, подтверждением чему служит факт стабильного уровня преступности, увеличение количества преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы. В местах лишения свободы содержатся наиболее опасные преступники – осужденные, которые совершили преступления, наказание за которые предусматривает изоляцию от общества.

Нестабильная криминальная ситуация в России не лучшим образом влияет на криминогенные процессы, происходящие внутри исправительных учреждений: свыше 60% осужденных к лишению свободы – это лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, около 25% отбывают наказание за убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, около 20% – за разбой и грабеж, около 50% осужденных отбывают наказание во второй и более раз. Очевидно, что концентрация такого контингента на небольшой территории в течение ряда лет сама по себе уже криминогенна. Преступность осужденных существует как обособленный вид преступности – пенитенциарной. И хотя российская пенитенциарная преступность занимает незначительное место в структуре всей преступности в стране, но по своим характеристикам и значению вызывает оправданный научный интерес. Она базируется на комплексе причин и условий, а также особенностях личности пенитенциарного преступника. В этой связи центральное звено пенитенциарной преступности – осужденный – требует пристального научного внимания.

Личность осужденного есть разновидность личности вообще и личности пенитенциарного преступника в частности. Поэтому личность осужденного невозможно исследовать вне личности преступника: ей присущи основные черты, характеризующие личность пре-

ступника. В то же время личность осужденного отличается от личности преступника, так как она включает в себя не только наиболее характерные и типичные свойства, но еще и те особенности, которые она приобретает в новом правовом статусе и новых социальных условиях исправительного учреждения. Таких особенностей множество, но, обобщив их, можно выделить криминологические, правовые и психологические особенности личности осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы. И если личность преступника исследуется главным образом для того, чтобы понять причины, природу и механизмы преступного поведения, то личность осужденного изучается, чтобы верно определить пути и средства эффективного воспитательного воздействия на него, а также не допустить совершения осужденным новых преступлений, в том числе в период отбывания наказания.

Исправительные учреждения – особая среда обитания, имеющая специфические условия. Длительное нахождение осужденного в таких условиях оказывает значительное влияние на его личность, происходит корректировка или изменение социальных и психологических свойств личности осужденного. Причем личность осужденного в процессе отбывания наказания может меняться как в позитивном плане, так и в сторону стойких прежних и новых негативных криминогенных установок. В местах лишения свободы меняются социальные роли осужденного, а также те его психологические особенности, которые не носят фундаментального характера.

Знание криминологических особенностей личности осужденных позволяет с высокой степенью вероятности определить лиц, склонных к совершению преступлений, разработать меры по их предупреждению и определить средства правового индивидуально-профилактического воздействия на конкретного осужденного. Учет типичных признаков лиц, потенциально способных совершить преступление, позволяет выделить категории осужденных, нуждающихся в специальном профилактическом воздействии с целью недопущения совершения ими преступлений. Изучение личности осужденного позволяет судить о результатах его исправления, а следовательно, о возможности представления осужденного к условно-досрочному и условному освобождению, помилованию, к замене неотбытой части лишения свободы более мягким наказанием.

Таким образом, выявление и исследование криминологических, правовых и психологических особенностей, характеризующих личность осужденного, а также их учет при исполнении наказания в виде лишения свободы имеет важное научное и практическое значение.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ФАКТОРНОГО ПОДХОДА В РАЗВИТИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ф.В. Грушин

Одним из актуальных вопросов в настоящее время как в теории права, так и в отраслевых юридических науках является анализ всевозможных причин и условий, определяющих развитие и функционирование системы права. Применяя факторный подход к оценке правовых явлений, возможно выявить сущность права, повысить эффективность правотворчества и в конечном счете реализации правовых норм.

Факторный подход в гораздо большей степени анализируется в трудах ученых по философии и общей теории права. В то же время идеи детерминизма все чаще звучат и в отраслевых юридических науках, поскольку исследование системы отрасли права на этой методологической основе способствует познанию ее внутреннего содержания, образующих ее структурных элементов, их взаимосвязи и взаимозависимости, выявлению внутренних противоречий и, следовательно, созданию условий для эффективной модернизации конкретной отрасли права.

В теории уголовно-исполнительного права проблема факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного законодательства и права, является довольно двойкой. С одной стороны, любой специалист, разбирающийся в проблемах исполнения наказания, без труда назовет такие основные факторы, как экономические, политические и социальные. С другой стороны, самостоятельные исследования системы факторов, влияющих на развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-

исполнительного права и законодательства, практически отсутствуют. Отдельные аспекты теории факторов рассматривали такие ученые, как С.М. Зубарев, А.И. Зубков, А.Е. Наташев, В.И. Селиверстов, В.А. Уткин, И.В. Шмаров, В.Е. Южанин и ряд других.

На наш взгляд, система факторов данной сферы заслуживает гораздо большего внимания по следующим причинам:

Во-первых, любые изменения, имеющие место в уголовно-исполнительном законодательстве, как, впрочем, и в любом другом, происходят под влиянием тех или иных факторов. Следовательно, комплексный системный анализ данных факторов позволит выявить закономерности, причины, особенности и недостатки развития действующего уголовно-исполнительного законодательства и в конечном итоге повысить эффективность исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Во-вторых, сведение всех факторов к банальным экономическим, политическим и социальным в корне неверно, так как упрощает существующую систему и не позволяет получить должного эффекта от ее анализа. Например, в рамках экономических факторов можно выделить такие группы факторов, как состояние экономики, экономико-географические факторы, уровень жизни населения и некоторые другие. При этом каждая группа факторов, в свою очередь, состоит из нескольких факторов. Так, экономико-географические факторы можно разделить как минимум на: фактор масштаба территории, фактор структуры территории, климатический фактор, природноресурсный фактор. Совокупность этих факторов образует определенную систему.

В-третьих, как показывает проводимое исследование, в большинстве случаев на внесение (или невнесение) конкретных изменений в уголовно-исполнительное законодательство влияет не отдельный фактор, а системная совокупность самых различных факторов.

В-четвертых, принятие тех или иных правовых новелл, без учета существующих в настоящий момент факторов, может привести к негативным последствиям.

Например, появление в свое время таких уголовных наказаний, как арест, ограничение свободы (в редакции 1997 г.), принудительные работы, было осуществлено без учета как минимум экономических факторов. В результате арест висит мертвым грузом в УК РФ и УИК РФ с 1996 г., принудительные работы – с 2011 г., а ограниче-

ние свободы в первоначальном виде так и не было введено в действие.

Таким образом, основываясь на существующих реалиях, система факторов, влияющая на развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного права и законодательства, требует дальнейшего комплексного изучения и всестороннего анализа.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПРАВОСОЗНАНИЕ – НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ, ПРЕДОТВРАЩАЮЩИЙ СУДЕБНЫЕ ОШИБКИ

Т.А. Беккер

Перманентными являются дебаты относительно проблемы формирования внутреннего убеждения судьи, его содержания, факторов, на него влияющих, истинности их отражения в сознании судьи.

Интересно, что действующий уголовно-процессуальный закон исключил из механизма объективной оценки доказательств категорию «правосознание», а взамен правоприменителю предлагается руководствоваться «законом и совестью» (ст. 17 УПК РФ), что ставит под сомнение адекватность критерия, служащего правильности формирования внутреннего убеждения¹, а также его объективность. Кроме того, возникает ряд вопросов: что законодатель подразумевает под внутренним убеждением судьи; являются ли закон и совесть компонентами внутреннего убеждения; что понимается под нравственной категорией «совесть» и как она отражается на убеждении судьи?

В данном контексте нам импонирует мнение Е.А. Карякина о том, что закон определяет и регулирует лишь внешнюю деятельность суда, в то время как внутренняя мыслительная деятельность подчиняется логическим законам, не покидающим пределов уголовно-процессуального доказывания², при этом их нарушение делает мышление путанным, неясным и ошибочным, что непременно ведет

¹ *Азаров В.А.* Оценка качества доказательств как элемент судебного контроля // Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сб. науч. работ / Омский государственный университет. Юридический факультет. Омск: ОмГУ, 2003. Вып. 7. С. 11–12; *Баженов А.И.* К вопросу о природе внутреннего убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве // Черные дыры в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 118.

² *Карякин Е.А.* Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 45.

к судебной ошибке¹. Закон – это последняя стадия обличия сформированного внутреннего убеждения судьи в его формальный вид. Категоричность знаний судьи в достижении объективной истины является основой внутреннего убеждения, в противном случае, формально укладывая доказательственную базу в рамки закона, не выстроив логической цепочки, должной мотивации и не оценив объективно обстоятельства дела, судья неизбежно совершит ошибку.

Между тем учеными отмечено, что многие судебные ошибки рождены недостатками судейского правосознания, изъянами в их образовании, пренебрежением к необходимости постоянного совершенствования профессиональной квалификации. Иногда из-за недостаточно тщательного изучения обстоятельств дела, поверхностного подхода, переоценки эмоциональных впечатлений у судьи складывается ложное представление о значении отдельных доказательств, что ведет к принятию необоснованного решения, где истина не может считаться найденной². В таком случае именно компетентность, опытность, правильность оценки доказательств, их отражения в сознании судьи служат серьезной предпосылкой формирования адекватного внутреннего убеждения, которое, в свою очередь, выступит методом достижения объективной истины.

В связи с этим не стоит заменять категорию правосознания совестью и законом, поскольку это лишь затрудняет достижение целей правосудия, препятствуя установлению объективной истины по делу, и, что самое важное, закладывает основания для судебной ошибки, выраженной в вынесении незаконного и несправедливого приговора, определения, постановления.

¹ Казгериева Э.В. Логические ошибки судебного правоприменения // Российский судья. 2005. № 12. С. 9.

² Амосов С. Формирование внутреннего убеждения // Правосудие в Восточной Сибири. 2003. № 4 (12) [Электронный ресурс] (дата обращения: 04.06.2014); Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. I. С. 342; Шабанов П.Н. Внутреннее убеждение судьи // Вестник ВГУ. Сер. «Право». 2010. № 1. С. 130.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ В РЕШЕНИЯХ ЕСПЧ

Х.А. Каландаришвили

В своих решениях Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский суд), в отличие от национальной судебной системы, широко пользуется арсеналом приемов, выработанных юридической техникой. Уже сегодня можно говорить о сложившейся самостоятельной системе презумпций, наибольший интерес из которых представляют следующие: презумпция факта, презумпция доказывания, презумпция в пользу свободы и презумпция невиновности. Сферу действия презумпции факта образуют доказанные и установленные национальным судом обстоятельства уголовного дела. Европейский суд по своей инициативе не производит замещения оценке фактов, сделанной национальным судом. Механизм повторной оценки, замена выводов внутригосударственного правосудия на международном уровне представляет в настоящее время определенный исследовательский интерес. Несмотря на то, что Европейский суд не связан выводами национального суда, при нормальном течении дела он требует от сторон представления убедительных и законных доказательств, опровергающих первоначальные выводы. В общем виде презумпция факта схожа по своему действию с презумпцией истинности вступившего в законную силу приговора суда, сформулировать которую можно следующим образом: выводы национального суда относительно обстоятельств уголовного дела являются истинными для Европейского суда до тех пор, пока не представлены достоверные доказательства обратного¹.

Следующим приемом доказывания в арсенале ЕСПЧ следует признать презумпцию в пользу освобождения. Как неоднократно указывал Европейский суд, п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «не дает судебным органам возможности выбора между доставкой обвиняемого к судье в течение разумного срока или его освобождением до суда». Суть презумпции в пользу освобождения заключается в возможности временного освобожде-

¹ *Постановление* ЕСПЧ от 19.07.2011 «Дело Кондратишко и другие (Kondratishko and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 3937/03) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2012. № 4.

ния обвиняемого, как только его содержание под стражей перестает быть обоснованным¹. Если же национальный закон содержит презумпцию в пользу сохранения меры пресечения, то существование конкретных фактов, превалирующих над принципом уважения личной свободы, должно быть убедительно продемонстрировано в процессуальном решении. В общем виде презумпцию в пользу освобождения можно сформулировать таким образом: обвиняемый по уголовному делу может быть ограничен в праве на личную свободу до тех пор, пока его содержание под стражей согласуется с реально существующим публичным интересом. Мера пресечения в виде заключения под стражу не может носить карательный характер.

Как представляется, использование различных презумпций в решениях Европейского суда глубоко логично и непосредственно отражается в тексте самих постановлений ЕСПЧ, это «инструменты» правоприменителя, стандартизирующие и стабилизирующие процесс доказывания.

СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ

Е.Н. Петухов

Процессуальный статус каждой вовлеченной в уголовное судопроизводство личности характеризуется наличием у нее прав и обязанностей.

Правовое государство, для построения которого в России уже немало сделано, заинтересовано как в соблюдении прав этой личности, так и в надлежащем исполнении возложенных на нее обязанностей.

Законопослушание и существование презумпции добросовестности лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, безусловно, позволяют государству надеяться на добровольное испол-

¹ Постановление ЕСПЧ от 12.06.2008 «Дело Власов против Российской Федерации» (Vlasov v. Russia), (жалоба № 78146/01) // Российская хроника Европейского суда. Приложение к Бюллетеню Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2009. № 2. С. 45–66.

нение этими лицами возложенных на них уголовно-процессуальных обязанностей. Условием реализации этой надежды выступает обязанность государства точно и ясно сформулировать такие обязанности в законе. Полагаем также, что разъяснение их содержания и призыв к исполнению со стороны лиц, ведущих уголовный процесс, должны определённым образом гарантировать их надлежащее исполнение.

Однако для подкрепления указанного убеждения государство предусматривает на законодательном уровне систему правовых средств, которые и выступают как основные гарантии ожидаемого результата.

В связи с ограниченностью объема статьи не будем изобретать велосипед и воспользуемся перечнем правовых средств, обеспечивающих выполнение обязанностей участниками уголовного процесса, который предложил еще 40 лет тому назад профессор В.М. Корнуков¹. В нашем случае приведем круг правовых средств, применение которых должно обеспечивать надлежащее исполнение уголовно-процессуальных обязанностей подозреваемым.

К ним, на наш взгляд, должны относиться:

1) меры уголовно-процессуальной ответственности – замена избранной меры пресечения на более строгую, применение принудительного привода, наложение денежного взыскания, обращения внесенных сумм в виде залога в доход государства, удаление из зала судебного заседания при избрании меры пресечения (продление срока задержания, заключение под стражу, рассмотрение жалоб и др.);

2) меры уголовной ответственности – если препятствует расследованию (фальсификация доказательств, запугивание, подкуп, воспрепятствование явке участников уголовного судопроизводства к органам предварительного расследования, в суд и понуждение их к даче ложных показаний, а эксперта, специалиста – к даче ложного заключения). Также должны быть предусмотрены такие меры и за ложные показания, если он добровольно согласился на допрос;

3) благоприятные последствия – отмену (или изменение на более мягкую) меры процессуального принуждения, а в дальнейшем по делу полное или частичное освобождение от наказания;

¹ Корнуков В.М. Правовые средства, обеспечивающие выполнение обязанностей участниками уголовного процесса // Вопросы уголовного процесса: межвузов. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. Вып. 1. С. 43–50.

4) неблагоприятные последствия (в виде лишения определенных прав) – лишение права общаться с родственниками (в ходе задержания), лишение права ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, приостановление права на управление автомобилем, лишение права выезда за территорию населенного пункта, где осуществляется расследование, и т.д.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В.В. Ясельская

В соответствии с п. 3 ст. 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Реализация этого принципа создает максимально благоприятные условия для отыскания истины и вынесения справедливого приговора. В УПК РФ состязательность впервые закреплена как принцип уголовного процесса в целом, а не только стадии судебного разбирательства (ст. 15 УПК РФ). Основа состязательности должна закладываться еще на стадии предварительного расследования, когда собирается основной объем доказательств. В суд стороны должны прийти уже равными, каждый с набором своих доказательств, соответственно обвинительных и оправдательных.

Однако принцип состязательности на стадии предварительного расследования реализуется не в полной мере. Так, состязательность предполагает наличие трех субъектов: обвинения, защиты и органа, разрешающего уголовное дело, не заинтересованного в победе той или иной стороны, т.е. суда. На стадии предварительного расследования есть стороны для состязания, но нет необходимой для состязательности составляющей – арбитра в споре. Так, следовательно, обладая правом прекращения уголовных дел, разрешения ходатайств, заявленных участниками уголовного процесса, наряду с уголовным преследованием реализуют также и функцию разрешения дела. Нет также и процессуального равенства сторон в досудебном производстве. Собираение доказательств – прерогатива должностных лиц, осуществляющих производство по делу, возможность же использования данных, полученных защитником, тоже всецело зависит от усмотре-

ния следователя – участника со стороны обвинения. Ходатайства, направленные на получение оправдательных доказательств, защитник адресует своему процессуальному противнику. На практике следователи зачастую отказывают в удовлетворении подобных ходатайств по своему усмотрению. Поэтому защитники все реже заявляют ходатайства в ходе расследования, приберегая их для суда, о чем отмечается в юридической литературе¹. Между тем существует опасность утраты или искажения важной для защиты информации. Все это приводит к нарушению принципа состязательности и на стадии судебного разбирательства. Прокурор поддерживает обвинение на основании материала, полученного следователем, а удел защитника – искать изъяны в работе следователя.

Одним из возможных путей реформирования предварительного расследования на началах состязательности является создание института следственных судей в России. В поддержку этой идеи высказались многие видные юристы и общественные деятели. Так, Т.Г. Морщакова и М.Ю. Барщевский считают, что следственные судьи именно как представители судебной, а не обвинительной власти должны быть в стадии расследования арбитрами между сторонами обвинения и защиты. Это может обеспечить и действительную состязательность, и устранение обвинительного уклона, и большую объективность при применении мер пресечения, рассмотрении жалоб и ходатайств стороны защиты в ходе досудебного производства².

Как верно отмечает А.В. Смирнов, в досудебном производстве отсутствует текущий судебный контроль за доказыванием, а доказательства формируются только одной из сторон в процессе, а именно обвинителем, заинтересованным в исходе дела³. Ограничены возможности защитника и на обжалование в судебном порядке решений следователя об отказе в удовлетворении ходатайств, это воз-

¹ *Симанчева Л.В.* Проблемы реализации процессуального равенства сторон в состязательном процессе России // Право на защиту в судебном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сб. ст. по материалам международной научно-практической конференции, Томск, 20–22 сентября 2007 г. Томск, 2007. С. 64.

² *Барщевский М.Ю., Морщакова Т.Г.* Сверим правописание // Российская газета. Федеральный выпуск. 2013. 24 сент. № 6189. С. 1.

³ *Смирнов А.В.* Институт следственных судей – конституционное требование? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 9.

можно лишь в тех случаях, когда такой отказ способен причинить ущерб конституционным правам и свободам участникам уголовного судопроизводства либо затруднить их доступ к правосудию. Конечно, полномочия по рассмотрению жалоб на отказ в удовлетворении ходатайств защитников о собирании оправдательных доказательств есть у прокурора, однако необходимо иметь в виду, что прокурор, как и следователь, является органом уголовного преследования, процессуальным оппонентом защитника, поэтому результат рассмотрения такой жалобы вполне предсказуем.

Думается, что без расширения полномочий судьи на предварительном расследовании невозможно будет реализовать требования Конституции РФ о состязательном построении судопроизводства. Положительной чертой предлагаемого нововведения является предоставление стороне защиты равных возможностей в доказывании. Это позволит решить давно назревшие проблемы: преобразования сведений, полученных защитником в доказательства, пассивности адвокатов – защитников. Считаем, что установление судебного порядка разрешения ходатайств на стадии предварительного расследования будет стимулировать сторону защиты к активной познавательной деятельности, направленной на получение оправдательных доказательств.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТНОЙ РЕЧИ

Т.А. Алексеева

Использование аудиозаписывающих устройств при производстве коммуникативных следственных действий, как отмечал еще профессор Н.Т. Ведерников¹, позволяет сохранить показания допрашиваемого в первоначальном виде. Однако использование аудиозаписи на этом не ограничивается. В статье рассматривается возможность визуализации и инструментального анализа устной речи.

В процессе исследования были использованы компьютерные программы Quick Audio. Sion Software Ltd. (Версия продукта 2.0.0) и Adobe Audition. Adobe Systems®, Incorporated. (Версия продукта 3.0.1) со стандартными функциями анализа аудиозаписей путем измерения и графической визуализации элементов речи. Программы доступны для использования, и некоторые из них относятся к открытому программному обеспечению.

Экспериментально были определены следующие элементы и их параметры: громкость (определяется по шкале «громко (60–80 дБ) – средняя громкость (40–60 дБ) – тихо (до 40 дБ)»); темп («быстрый (от 100 и больше слов в минуту) – средний (от 60 до 100 слов в минуту) – медленный (до 60 слов в минуту)»); стабильность («стабильно – нестабильно»); интонация («равномерная – неравномерная», измеряется в герцах); речевые паузы («короткие, средние, длинные», измеряются в секундах); диапазон («широкий – узкий»).

В процессе исследования была выявлена зависимость между психологическим типом и определенной совокупностью элементов устной речи. Анализ речи допрашиваемого поможет следователю сделать вывод о типологических особенностях лица² и получить до-

¹ *Ведерников Н.Т.* Избранные труды. Томск, 2014. Т. 2. С. 104–108.

² *Ахмедшин Р.Л., Алексеева Т.А.* Проблемы криминалистической типологизации личности // Алтайский юридический вестник. 2014. № 7. С. 91–93.

полнительную ориентирующую информацию¹. Использование данного подхода позволит формализовать и придать объективный характер такому субъективному понятию, как устная речь, наглядно продемонстрировать особенности устной речи допрашиваемого. Кроме того, инструментальная визуализация расширяет экспертные возможности диагностического исследования устной речи, открывая возможность для дальнейшего изучения.

Важно отметить, что инструментальный анализ при помощи указанных программ позволяет следователю без привлечения специалистов получить информацию об особенностях устной речи допрашиваемого (например, проанализировать аудиозапись разговора лица перед допросом и скорректировать проведение следственного действия в зависимости от типологических особенностей допрашиваемого). Применение инструментального анализа речи возможно и в криминалистической регистрации при создании соответствующих криминалистических баз данных².

Недостатком использования этого подхода может являться получение неточных данных в связи с некачественной аудиозаписью. Однако эту проблему можно частично решить путем содержательного анализа устной речи³.

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е.А. Ануфриева

Создание криминалистических методик расследования коррупционных преступлений осложнено спецификой коррупционных преступлений, а также проблемами, связанными с их раскрытием и рас-

¹ Юань В.Л. Систематизация источников информации о личности допрашиваемого на этапе подготовки к допросу // Сб. материалов криминалистических чтений. 2015. № 11. С. 70-72.

² Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Юань В.Л. Полноструктурная модель механизма отражения личности в следах преступления // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 197-203.

³ Алексеева Т.А. Криминалистическая структура устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 167-170.

следованием. Проанализируем основные из них. При построении новой криминалистической методики раскрытия и расследования коррупционных преступлений каждый исследователь сталкивается со следующими проблемными моментами:

1. В российском законодательстве¹ отсутствует четкое и исчерпывающее определение понятия «коррупция», равно как и исчерпывающий перечень преступлений, относящихся к категории коррупционных.

2. С учетом высокой латентности коррупционных преступлений, особенно в отдельных сферах (например, в сфере розничной торговли и др.), в распоряжении исследователя имеется крайне бедная база материалов судебно-следственной практики.

3. Особенности личности участников коррупционных отношений, способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений, механизм слеодообразования обусловлены обстановкой совершения преступления, т.е. конкретной сферой деятельности, в которой было совершено коррупционное преступление (например, сфера деятельности правоохранительных или таможенных органов)².

4. Основу доказательственной базы по делам данной категории составляют материалы оперативно-розыскной деятельности.

5. На федеральном уровне отсутствует цельная законодательная база, касающаяся взаимодействия следователя Следственного комитета России с иными органами и учреждениями в ходе раскрытия и расследования коррупционных (и иных) преступлений.

¹ *Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О противодействии коррупции» // Российская газета 30.12.2008. № 266.; Перечень № 23 Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 31.12.2014 № 744/11/3 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=174552>.*

² *Ануфриева Е.А. Особенности методики предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014; Гармаев Ю.П. Должностные преступления в таможенных органах. М.: Юрлитинформ, 2002. 175 с.; Халиков А.Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005. 238 с.*

Полагаем, ученые-криминалисты должны сосредоточить свои усилия на разработке комплексного подхода к формированию частных криминалистических методик расследования коррупционных преступлений путем выработки системы общих принципов создания и использования таких методик. При этом хотим подчеркнуть, что речь не идет о формировании общей методики расследования коррупционных преступлений. Учитывая все многообразие коррупционных проявлений в различных сферах общественной деятельности, можно уверенно сказать, что создание такой методики невозможно и вряд ли оправдано как с точки зрения практики раскрытия и расследования преступлений данной категории, так и с точки зрения теории криминалистической науки. Однако, поскольку все криминалистические методики расследования коррупционных преступлений обладают общими закономерностями, полагаем возможным формировать такие методики на основе единых общих положений.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ И МУНИЦИПАЛЬНЫМ ЗАКАЗАМ

Н.А. Ануфриева

В последние годы в России наблюдается тенденция динамичного развития строительных работ, осуществляемых по государственным и муниципальным заказам. Помимо значительной общественной пользы строительства объектов по государственным и муниципальным заказам, выделение на них многомиллионных сумм бюджетных денежных средств часто сопровождается совершением преступлений коррупционной направленности¹.

Подготовка, совершение, сокрытие таких преступлений, а также их последующее выявление, раскрытие и расследование характеризуются общими криминалистически значимыми признаками, кото-

¹ *Веренич И.В.* Использование специальных знаний в процессе расследования преступлений, совершенных в сфере строительства, эксплуатации зданий и сооружений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 27 с.

рые отличают их от коррупционных преступлений, совершаемых в иных общественных сферах¹. Среди основных таких признаков можно назвать следующие:

1. Обстановка совершения коррупционных преступлений при производстве строительных работ по государственным и муниципальным заказам определяется особенностями функционирования присущих этой сфере жизнедеятельности обстоятельств, отражающих его пространственно-временную специфику. Существенное влияние на нее оказывают и нормы законодательства, регулирующие строительную отрасль, а также порядок проведения государственных и муниципальных закупок.

2. Для механизма слеодообразования преступлений рассматриваемой категории характерны различные виды следов. Среди материальных следов можно выделить некоторого рода документацию, отражающую планирование, ход и результаты строительства (рабочие чертежи, проектно-сметная документация и т.д.), бухгалтерские документы (накладные, платежные поручения и т.д.). Важными материальными следами таких преступлений будут являться и сами строительные объекты, а также следы проведения строительных и ремонтных работ, различные строительные материалы и пр. Кроме того, для данной группы преступлений характерны специфические электронно-цифровые следы, а именно сведения, полученные с ресурсов электронных торговых площадок, создаваемых для размещения государственных заказов и проведения открытых аукционов в электронной форме.

3. Расследование рассматриваемых преступлений всегда связано с необходимостью привлечения специалиста в области строительства.

4. Отличительной особенностью преступлений коррупционной направленности, совершаемых при производстве строительных работ по государственным и муниципальным заказам, является участие в коррупционной сделке юридического лица, а не физического.

В соответствии с изложенным полагаем, что, учитывая потребности правоприменительной практики и затронутую выше специфику раскрытия и расследования коррупционных преступлений, со-

¹ *Задерако С.В.* Особенности расследования корыстных преступлений в сфере строительства, связанных с фальсификацией проектно-сметной и отчетной документации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2013. 27 с.

вершаемых при производстве строительных работ по государственным и муниципальным заказам, перед криминалистикой сегодня стоит задача разработки частной криминалистической методики расследования таких преступлений. Рекомендации, созданные в рамках такой методики, позволят повысить эффективность деятельности органов предварительного следствия и суда по решению задач уголовного судопроизводства в области противодействия преступности данного вида.

ПРОБЛЕМА ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОПТИМИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Р.Л. Ахмедшин

В современном информационном обществе, перенасыщенном информацией, в том числе и о тактике расследования, единственным фактором, объясняющим невысокий уровень использования тактико-криминалистического инструментария в процессе расследования преступлений, является нежелание его использовать. К сожалению, проблема нежелания использовать тактические приемы не просто не исследована, но даже и не заявлена криминалистическим сообществом.

В процессе анкетирования и интервьюирования, проводимого среди студентов очной, заочной и вечерней форм обучения в Юридическом институте Томского государственного университета, было выявлено радикальное преобладание в структуре личности студентов эпилептоидной акцентуации. Исследование проводилось с помощью характерологического опросника Леонгарда–Шмишека. Было исследовано 1 500 человек. У 1 104 человек была выявлена эпилептоидная акцентуация как ведущая акцентуация, у 216 – как одна из главных.

Для представителей эпилептоидной акцентуации характерна пунктуальность и даже избыточная регламентированность, однако холерическая составляющая их личности предопределяет существование компенсационного механизма. Речь идет о предельно выраженной степени индивидуализма, который характеризуется сиюминутной аналитической составляющей. Представители рассматривае-

мого психотипа столь же рьяно склонны к соблюдению инструкций, как и к неприятию дисциплины и порядка в нормативно нерегулируемых сферах, в том числе профессиональной.

Именно необязательность использования тактических рекомендаций и предопределяет нежелание их использовать, как следствие убежденности субъекта в собственном высоком профессиональном уровне. Убежденность же в способности самостоятельного решения тактических проблем и есть компенсация за излишнюю склонность к регламентированности и существованию в иерархических системах, характерную для лиц эпилептоидного типа.

Избыточно эмоциональная оценка сказанного может предопределить убежденность, что представители эпилептоидной акцентуации имеют слишком значительный комплекс профессионально несовместимых с расследованием личностных характеристик. Это совершенно не так. Индивидуализм, готовность к принятию решения в ситуации конфликта, неосознаваемая агрессивность, склонность к подавлению оппонентов – черты, характерные для эпилептоидов, – предельно эффективно реализуются в ситуации проведения коммуникативных следственных действий. К сожалению, этого нельзя сказать о поисковых следственных действиях.

Способом противодействия нежеланию использовать тактико-криминалистический инструментарий представителями эпилептоидной акцентуации выступает повышение уровня регламентирования использования тактических приемов. Напомним, что в целом представители эпилептоидного типа, как наиболее распространенного среди работников следствия и дознания, в очень значительной степени склонны к избыточной регламентированности.

Вероятно, ведомственные инструкции, пусть и в рекомендательном виде ориентирующие работников правоохранительных органов на использование тактических приемов, при проведении поисковых следственных действий будут способствовать повышению субъективной ценности тактических приемов у указанных лиц. Естественно, эти рекомендации не должны содержать общих советов и декларативных положений.

ПРИЧИННОСТЬ В ФИЛОСОФИИ, ЮРИДИЧЕСКИХ НАУКАХ И В КРИМИНАЛИСТИКЕ

А.В. Батраков

Причинность представляется философией как взаимная связь явлений, в возникновении и развитии которых одно служит причиной, а другое – следствием. Причинность – генетическая связь между отдельными состояниями видов и форм материи в процессах ее движения и развития. Генетическая связь – это разновидность отношения, при котором причина с необходимостью порождает следствие. Существует многообразие других видов отношений, не являющихся генетической связью, не обладающих свойствами причинной зависимости (функциональная связь, связь сосуществования). В генетической связи причина не просто предшествует следствию во времени, а порождает, обуславливает его возникновение. Причинные отношения обладают пространственной и временной непрерывностью. Если причина и следствие разделены в пространстве, то между ними разворачивается непрерывная причинная цепь связанных событий. На генетической связи основываются более сложные виды отношений, образующие причинные комплексы. Философия принимает во внимание все, включая самые малые факты, влияющие на событие.

Генетическую связь событий можно перенести на математическую модель описания функции, которая широко используется естественными науками. Функция – это отношение между двумя множествами, при котором каждому элементу из первого множества соответствует не более одного элемента из второго. Если представить, что элементами первого множества являются показатели времени (ось X), то по оси Y всегда можно найти одно-единственное состояние материального объекта в пространстве.

Философия старается обобщить достижения всех наук и имеет свою динамику по мере их развития. Философия является наукой о всеобщих закономерностях, которым подчиняется как бытие человека (природа и общество), так и человеческое мышление, процесс познания. Широкое использование философских категорий в рамках других наук имеет огромное не только теоретическое, но и методологическое значение. Широко используются другими науками философские законы, важную роль играет философский мировоззрен-

ческий аспект. Стоит рассмотреть, как подходят к проблеме причинности некоторые юридические науки.

В уголовном праве проблемы причинности представляют собой преимущественно решение вопроса о связи между деянием и последствиями, для квалификации не представляют интереса все звенья причинного ряда. В криминологии затрагивается немного другой аспект, она занимается в общей форме исследованием вопросов о причинах преступности в целом, причинах отдельных категорий преступлений и об обстоятельствах, способствующих «срабатыванию» этих причин, т.е. совершению преступления. Уголовно-процессуальный аспект проблемы причинности заключается в исследовании связей между доказательствами и предметом доказывания.

Криминалистика ставит своей целью исследование ситуационных признаков явлений, позволяющих сделать вывод о наличии или отсутствии причинной связи, раскрыть процесс отражения, позволяющего проследить причинную обусловленность и зависимость результата отражения – «отпечатка» исследуемого явления, от отражаемого объекта – преступления, со всеми его внутренними и внешними связями. Криминалистический подход – это использование представлений о причинности в исследовании содержательной стороны механизма события и умелое отграничение генетической связи от иных видов связи в ходе расследования.

В целом можно говорить о тенденции приближения понимания причинности в юридических науках к пониманию ее философией, и на этом пути именно криминалистика делает в настоящее время значимые шаги.

РАЗЪЯСНЕНИЕ УЧАСТНИКАМ ДОПРОСА ПОРЯДКА ЕГО ПРОИЗВОДСТВА

А.И. Баянов

Статья 189 УПК РФ устанавливает общие правила проведения допроса. Перед допросом (согласно ч. 1 ст. 189 УПК РФ) следователь обязан выполнить требования, предусмотренные ч. 5 ст. 164 УПК РФ. К числу требований, указанных в ч. 5 ст. 164 УПК РФ, относятся обязанность разъяснить участникам уголовного судопроиз-

водства, привлекаемым к допросу, их права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Далее ч. 4 ст. 166 УПК РФ обязывает в протоколе следственного действия, в том числе и допроса, описывать происходящие действия в том порядке, в котором они производились. Таким образом, порядок допроса относится к числу основополагающих правовых характеристик, которые призваны обеспечить права и законные интересы его участников.

Анализ содержания текстов статей УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что понятие «порядок допроса» характеризуется перечнем и последовательностью выполнения отдельных процессуальных действий в процессе подготовки и производства следственного действия. Процессуальный порядок подготовки и производства допроса предусмотрен в нормах уголовно-процессуального закона.

Показания в процессе допроса могут передаваться посредством следующих форм: свободный рассказ допрашиваемого; ответы на поставленные вопросы; объяснение по поводу предъявленных доказательств; замечания о дополнении, уточнении показаний, изложенных в протоколе. При определении порядка допроса по существу дела основным вопросом является выбор формы получения показаний, с которой должен начаться допрос. Допрос по существу дела может начаться с изложения показаний в форме свободного рассказа или с ответов на поставленные вопросы. Право выбора формы изложения показаний остается за допрашивающим лицом, так как ему предоставлена свобода выбора тактики допроса (ч. 2 ст. 189 УПК РФ). Ранее действующий УПК РСФСР предписывал начинать допрос по существу дела с выслушивания показаний обвиняемого (подозреваемого), «рассказа свидетеля и потерпевшего», а затем ставить перед ними вопросы (ст. 123, 150, 161 УПК РСФСР). В действующем УПК РФ указанные нормативные предписания отсутствуют, поэтому выбор формы начала изложения показаний следует отнести к числу рекомендаций криминалистики.

Выборочный анализ протоколов допроса свидетельствует о том, что при разъяснении участникам допроса их прав и ответственности требования закона выполняются в полном объеме. Однако порядок допроса, как правило, вообще не разъясняется, или в текстах протоколов встречаются очень краткие записи: «порядок допроса разъяснен». Какие положения были разъяснены, в каком объеме и в каких пределах, понять невозможно. Такая практика, на наш взгляд, не

только не соответствует положениям закона, но и требует изменения.

Анализ положений отдельных статей УПК РФ, регулирующих общие правила производства отдельных следственных действий и допроса соответственно, дает основания выделить несколько групп правовых предписаний и рекомендаций криминалистики, составляющих порядок производства допроса, которые должны разьясняться перед началом следственного действия:

а) положения, касающиеся последовательности осуществления процессуальных действий при реализации каждым участником допроса своих прав и законных интересов;

б) положения, касающиеся последовательности реализации отдельных форм получения показаний, обеспечивающих общую структуру допроса;

в) положения, обеспечивающие последовательность реализации отдельных действий при ознакомлении с протоколом допроса.

ПРОБЛЕМА ДОКАЗЫВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПЕРЕПИСКИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

В.Ю. Белицкий, Е.П. Рябушкин

Современные цифровые системы передачи данных охватывают практически все сферы социальной структуры. Доступность информационных ресурсов, высокая скорость обработки данных – всё это и многое другое способствует интеграции информационных технологий в жизнедеятельность человека. Цифровые устройства активно используют и правонарушители на всех этапах преступной деятельности. При этом речь идет не только о преступлениях в сфере компьютерной информации, но и об иных преступных деяниях, в которых используются цифровые устройства коммуникации: интернет-мошенничество, приобретение и сбыт наркотических средств и психотропных веществ с помощью сети Интернет и др.

Использование преступниками цифровых устройств общения обуславливает необходимость решения ряда проблем доказывания. Одной из них является документирование факта электронной переписки подозреваемого (обвиняемого) или, скажем так, на стадии возбуждения уголовного дела – «заподозренного лица». Сложность

состоит в том, что лица для сокрытия факта совершения преступления или своего участия в нем удаляют сообщения со своего технического устройства получения и передачи данных.

Обозначенная проблема может быть решена путем производства различных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Наиболее результативными из них являются проведение на стадии предварительной проверки наведения справок и снятие информации с технических каналов связи, а на стадии предварительного расследования – получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Результатом проведения данных мероприятий является получение от организации, осуществляющей услуги связи (провайдера), информации об электронном сообщении: время его отправки и получения; IP-адрес отправителя и получателя; содержание сообщения; уникальный Мас-код компьютера, с которого было прочтено сообщение; адрес, с которого происходил выход в Интернет; Мас-адрес WiFi; мобильный телефон и место, откуда пользователь выходил в Интернет, и некоторые другие сведения.

Приведенный способ установления факта электронной переписки применяется в правоприменительной деятельности, но Мас-код компьютера, как правило, провайдером не предоставляется по причине отсутствия необходимого оборудования, что обуславливает сложности в идентификации технического средства, с которого происходила переписка и, соответственно, установлении лиц, её осуществляющих.

Предлагаемым для обсуждения путем решения проблемы доказывания электронной переписки является возможность использования специального программного продукта, имеющего уникальную цифровую подпись, прикрепляемого к любым сообщениям, передаваемым по электронным каналам связи и оставляющим свою копию на материальных носителях (жестких дисках) при получении и прочтении письма. Назовем данный продукт «цифровой маркер». Он является программой, которая при открытии сообщения автоматически производит запись информации на машинный носитель пользователя.

Данный способ позволит идентифицировать оборудование, с которого происходила переписка, и доказать факт совершения преступления по схеме «от лица – к преступлению». При изъятии в ходе предварительного расследования используемого преступником обо-

рудования и обнаружения на его жестком диске «цифрового маркера» может быть доказан факт получения и прочтения конкретного электронного письма с прикрепленным «цифровым маркером» лица, который имеет доступ к данному оборудованию.

НЕКОТОРЫЕ АНАМНЕСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ЛЕЧЕНИИ В ОТДЕЛЕНИЯХ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ТИПА

Е.Б. Беседина, В.В. Остробородов, А.И. Хмыз

В настоящее время значительное количество преступлений, направленных против здоровья и жизни человека, против личности и собственности, совершаются на фоне различных психических заболеваний, как остро возникших под влиянием экзогенных травмирующих факторов, так и хронических, имеющих длительный анамнестический период.

Из числа находящихся в Алтайской краевой клинической психиатрической больнице (АККПБ) им. Ю.К. Эрдмана на принудительном лечении в отделении специализированного типа 52% пациентов – это лица, больные шизофренией, которые представляют наибольшую социальную опасность из всех лиц, страдающих психическими расстройствами. Остальную часть составляют пациенты с умственной отсталостью, органическими поражениями головного мозга, расстройствами личности, эпилепсией.

Цель нашей работы – выявить особенности анамнестических данных лиц, страдающих шизофренией, находящихся на принудительном лечении в отделении специализированного типа АККПБ им. Ю.К. Эрдмана.

Нами проведено обследование пациентов и их медицинской документации с диагнозом «параноидная шизофрения». Из них эпизодический тип течения – 31%, непрерывно-прогредиентный – 69%. Аффективно-бредовый синдром имел место у 69% пациентов, психопатоподобный дефект личности – у 23% больных.

Средний возраст пациентов составил 37 ± 9 лет (разброс возрастов – от 27 до 55 лет).

При анализе анамнеза заболевания было установлено, что 54% больных впервые попали в поле зрения психиатров возрасте до

18 лет, 23% – от 19 до 30 лет, 15% – от 30 до 40 лет и 7% – старше 40 лет, что не противоречит литературным данным. 69% обследуемых получали стационарное лечение в психиатрических больницах 4 и более раз до принудительного лечения.

Важным моментом, на наш взгляд, является наследственная предрасположенность к психическим расстройствам, которая составила в нашей группе 23%. Необходимо отметить, что отягощена наследственность была по линии отца больного.

В анамнезе данной группы больных имел место такой интересный факт – 61,5% пациентов были рождены от вторых родов, а дети от первых родов в их семьях были психически здоровы. 23% больных страдали венерическими заболеваниями, которые могли повлиять на развитие и прогрессирование психического расстройства. У 23% пациентов имеются данные о перенесенной ранее черепно-мозговой травме. 84,5% больных страдают алкоголизмом и общественно опасные деяния чаще всего совершали в состоянии алкогольного опьянения.

Таким образом, выявлены следующие закономерности: у всех обследуемых лиц, находящихся на принудительном лечении в отделении специализированного типа, выставлен диагноз «параноидная шизофрения» с преобладанием типа течения по непрерывно-прогредиентному варианту.

Из особенностей анамнестических данных хотелось бы отметить, что среди обследуемых преобладают лица от 25 до 50 лет с началом заболевания в возрасте до 18 лет. Большая часть пациентов были рождены от вторых родов, а дети от первых родов в их семьях были психически здоровы.

На наш взгляд, лица, имеющие такие особенности анамнеза, но не совершавшие общественно опасные деяния, должны быть под особым контролем не только у участковых психиатров, но и у участковых уполномоченных полиции.

ФЕНОМЕН НЕЗАВЕРШЁННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.Н. Боков

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый криминалистикой в последние десятилетия, достижения ряда других наук, которые смогли бы сыграть немалую роль в совершенствовании расследования преступлений, их положения в нашей стране всё ещё используются явно недостаточно. Это в полной мере относится и к использованию психологических знаний, так как в структуре любого преступления по вполне понятным причинам первостепенное значение имеют психологические механизмы.

Феномен незавершённых действий был впервые описан в начале двадцатого века в школе немецкого психолога Курта Левина в рамках его теории поля. Очень подробно этот феномен изучила одна из учениц К. Левина Б.В. Зейгарник; в честь её феномен незавершённых действий имеет ещё и название феномена Зейгарник. Суть его заключается в том, что любое незавершённое (прерванное) в силу тех или иных причин действие запоминается гораздо полнее и прочнее, нежели другие действия.

Феномен незавершённых действий изучался многими зарубежными и отечественными исследователями, ему посвящено большое число публикаций на многих европейских языках (хотя и следует отметить, что окончательного понимания его механизмов на сегодняшний день нет). Важно, что в дальнейших исследованиях было установлено, что незавершённые действия не только лучше, дольше, прочнее запоминаются, но и оказывают существенное влияние на эмоциональное состояние человека. Всё это показывает несомненную актуальность исследования феномена незавершённых действий в рамках криминалистики.

Прежде всего, любое преступление может быть рассмотрено с позиций незавершённости с той точки зрения, что лицо, совершившее его, заранее никак не может знать, будет ли оно изобличено или нет. При этом каждый человек при сохранности способности к реализации осознанно-волевого поведения, даже с минимальным уровнем правосознания, знает, что противозаконные деяния наказуемы. В частности, с большой долей уверенности можно предполагать, что в механизмах большинства (если не всех) серийных насильственных

преступлений феномен незавершённых действий занимает одно из ведущих мест. С его действием связано и то, что преступники подробно запоминают ситуации преступлений, и то, что они имеют необыкновенную тенденцию возвращаться на место преступления и (что связано именно с возвращением) совершать новые эпизоды в достаточной пространственной близости от предыдущих.

Несомненно перспективным представляется исследование феномена незавершённых действий в рамках допроса, так как уже из самой сущности данного феномена следует его серьёзное влияние на объём и качество показаний допрашиваемых.

Наконец, в рамках организации профессиональной деятельности самого следователя также целесообразно проведение научных исследований, так как малообоснованная передача ведения дел от одного сотрудника к другому произвольно (разумеется, при наличии у следователя соответствующего личностного смысла к расследованию) будет снижать эффективность любой последующей деятельности следователя.

Феномен незавершённых действий подлежит дальнейшему серьёзному изучению в рамках криминалистической науки с учетом комплексного подхода к раскрытию и расследованию преступлений и оптимизации и повышению эффективности следственной деятельности.

ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ СТЕПЕНИ ТЯЖЕСТИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

И.В. Васильев, А.Г. Горелкин, С.М. Морозов

Правовое регулирование судебно-медицинской экспертизы (СМЭ) и порядка определения тяжести вреда здоровью в постсоветский период претерпело существенные изменения. Утвержденный порядок определения степени тяжести вреда здоровью (Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека») предполагает его использование не только в уголовном и административном судопроизводстве, но и в гражданском процессе. При этом отчетливо проявляется противоречие духу и букве граж-

данского законодательства, основанного на принципе полного возмещения вреда здоровью, т.е. вне зависимости от его степени.

Ещё одна важная тенденция проявляется во внесении в судебно-медицинскую экспертизу степени тяжести вреда здоровью элементов правовой оценки. Так, в советский период оценивались телесные повреждения, под которыми понимались «нарушения анатомической целостности или физиологической функции органов и тканей, возникшие в результате воздействия факторов внешней среды» (приказ Минздрава СССР от 11.12.1978 № 1208). Действующими нормами формулировка возникшего вреда здоровью заменяется понятием «вреда причиненного». «Под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды» (приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н). Таким образом, сегодня эксперт самостоятельно делит нарушения на причиненные и возникшие и вправе не отвечать на вопросы, если считает, что вред возник, а не причинен (ст. 19, 20 действующего приказа).

Устойчивая тенденция выведения СМЭ из-под процессуального законодательства и закрепления возможности правовой интерпретации в ходе СМЭ особенно отчетливо прослеживается в новом проекте ведомственного приказа. В проекте вред может причиняться не только внешними воздействиями, но и «...либо в результате неоказания помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, либо вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» (проект приказа Минздрава РФ). Таким образом, в проекте предполагается возможность фактического установления экспертом состава преступления, поскольку в предмет прямо включены составы ст. 118, 124 УК РФ.

Особенно демонстративно эта тенденция проявляется в Методических рекомендациях ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи» (письмо первого замминистра МЗ РФ от 05.11.2015 № 14-1/10/2-6632) Этот документ постановляет: «Правильная юридическая оценка действий (бездействий) данного конкретного медицинского работника в данной конкретно

рассматриваемой медицинской ситуации может быть дана органами предварительного следствия и судом только при условии методологически правильно выполненной экспертизы в соответствии с приведенными выше алгоритмом экспертных действий и методикой экспертной оценки полученных результатов». Таким образом, возможность правовой оценки судом обстоятельств дела ставится в зависимость от соблюдения ведомственного порядка, установленного и направленного экспертными учреждениями документом Минздрава России с неясной нормативно-правовой природой.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

С.Э. Воронин

Современные жестокие вызовы радикальных исламистов во всем мире все больше заставляют нас задуматься о том, каким образом ислам, в общем-то миролюбивая, **авраамическая (богооткровенная)** религия, превратился в страшное орудие тотального террора. Чего же такого «сакрального» и где именно усмотрели, например, салафиты (ваххабиты) в Коране, что позволяет им с легкостью нарушать главную заповедь Аллаха «Не убий»? Ответы на эти и другие вопросы, входящие в предмет доказывания по уголовным делам исследуемой категории, так или иначе ставят нас перед необходимостью назначения и производства судебно-религиоведческой экспертизы по всем преступлениям, имеющим религиозную подоплеку.

Главной особенностью уголовно-процессуального доказывания религиозного экстремизма является необходимость привлечения к расследованию преступлений данного вида специалистов в области религиоведения. Очевидно, что без специальных знаний расследовать такие преступления просто невозможно. Приступая к расследованию преступления, связанного с религиозным экстремизмом, следователь должен знать следующее: ислам, как мировая авраамическая (богооткровенная) религия, на сегодняшний день расколот на два огромных лагеря: сунниты и шииты. Численно эти группы соотносятся между собой точно так же, как в

христианском мире – католики и православные (1 миллиард суннитов и 250 миллионов шиитов). Радикальным правым крылом суннитов являются ваххабиты (учение салафийя); правым крылом шиитов являются алавиты, представляющие, например, в настоящее время правящую элиту Сирии. Само название «суннит» означает, что адепты данного направления ислама живут «чисто по Сунне». Сунна – это собрание хадисов, содержащих жизнеописание пророка Мохаммада. Шииты, кроме Корана и Сунны, руководствуются также в своей религиозной деятельности трудами алимов и непорочных имамов (ученых-богословов, пользующихся большим авторитетом в исламском мире). Кстати, именно этим отличается и православная вера от католической, так как православие также ищет духовную опору в святоотеческом наследии (трудах святых Отцов русской православной церкви)¹.

Актуальная проблема допустимости заключения судебно-религиоведческой экспертизы напрямую связана с вопросами профессиональной компетентности экспертов в области религиоведения. В соответствии со ст. 201 УПК РФ судебно-религиоведческая экспертиза всегда является комплексным экспертным исследованием, в котором, как правило, участвуют филолог, религиовед и психолингвист. Все они проводят исследование в рамках своей «узкой» специализации, опираясь, в отсутствие универсальной и общепризнанной методики судебно-религиоведческой экспертизы, на свой индивидуальный и коллективный экспертный опыт. Это нередко приводит их к диаметрально противоположным, иногда взаимоисключающим, иногда слишком уж вероятностным выводам в заключении экспертизы, что в соответствии с правилами оценки доказательств, изложенными в ст. 88 УПК РФ, абсолютно лишает следователя возможности встроить это, на наш взгляд, основное обвинительное доказательство по исследуемой категории уголовных дел в систему уже собранных доказательств².

¹ Воронин С.Э. Психотипологический подход в системе криминалистического знания / С.Э. Воронин, Р.Л. Ахмедшин, Т.А. Алексеева. Красноярск: НОУ ВПО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2015. С. 103.

² Там же. С. 105.

Решение указанной проблемы мы видим в следующем: в состав экспертной группы, кроме названных специалистов, необходимо ввести специалиста в области правового религиоведения. Это позволит удержать судебных экспертов от юридической оценки экспертных объектов, что само по себе является грубым процессуальным нарушением и ведет в дальнейшем к признанию доказательства недопустимым.

ОТ УЧЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА К КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Б.Б. Глазунов

Установление личности преступника является одной из ключевых задач расследования преступлений. Решению этой задачи способствует вся система криминалистического знания. Личность преступника в настоящее время является объектом изучения различных юридических дисциплин, но, как это ни парадоксально, – не криминалистики. В криминалистической характеристике преступлений личность преступника является периферийным элементом. Приоритет, как известно, отдается способу совершения преступления. Следует отметить и то, что практическая значимость и теоретическая обоснованность категории «криминалистическая характеристика преступлений» вызывают сомнение у ряда криминалистов. Р.С. Белкин, например, называл криминалистическую характеристику преступлений «повторением общеизвестных истин», «иллюзией», «криминалистическим фантомом»¹.

Попытки разработки криминалистического учения о личности преступника наиболее активно предпринимались в 70-е гг. прошлого столетия (В.Ф. Глазырин, И.М. Матусевич, Н.М. Ведерников). Но статуса самостоятельной криминалистической теории эти концепции не приобрели и широкого отклика у криминалистов не получили. Р.С. Белкин пришел к выводу о том, что оснований для конструирования самостоятельного криминалистического учения о личности нет. Авторитетное мнение ведущего советского криминали-

¹ *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001. С. 220–224.

ста, видимо, способствовало тому, что и по сегодняшний день на криминалистической ниве изучения личности преступника наблюдается полное «затишье»¹. Исключением являются только исследования тех криминалистов, которые специализируются в сфере юридической психологии.

Импульсом в развитии криминалистического знания о преступнике могут стать исследования в рамках криминалистической антропологии. Для решения криминалистических задач предлагается использовать понятийный аппарат и методы физической и культурной антропологии. Если методы физической антропологии, заимствованные у естественных наук или выработанные на их основе, используются в криминалистике давно (прежде всего в криминалистической технике), то методы культурной и социальной антропологии – полевые исследования, предполагающие нахождение в изучаемой среде, остаются невостребованными. Если криминологи и социологи преимущественно применяют количественную методологию – анкетирование и статистику, то в антропологии чаще всего используется качественная методология – глубинные интервью и включенные наблюдения. Криминалистическая антропология может изучать различные аспекты криминальной субкультуры: нормы, обычаи, традиции, быт, аргументы, мифы, символику, а также типологию преступников, их групповое поведение и способы шифровальной связи, механизмы власти и т. д.

Каково прикладное значение криминалистической антропологии? Вместо ответа на поставленный вопрос приведем пример из «блатной музыки». Исследование синонимического ряда «воровская специальность» (Д.С. Балдаев, который приводит 169 жаргонных обозначений)² может позволить сделать вывод не только об «уголовной специализации», но и об объектах преступных посягательств, способах преступлений, орудиях, месте и времени совершения преступлений, статусе вора, распределении ролей в совершении преступления, криминальной тактике и т. д.

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997. С. 30–35.

² *Словарь* тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М.: Края Москвы, 1992. С. 305–306.

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОСТУПКА

А.Г. Горелкин, И.В. Васильев, В.В. Добрачева

В работе правоохранительных структур, в частности в ФСКН, широко распространена практика привлечения юридического лица к административной ответственности за проступки, выявленные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). При этом отчетливо проявляются противоречия подобной практики смыслу и положениям Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД).

В судебной практике также встречаются решения, указывающие на законность и допустимость составления протокола об административном правонарушении непосредственно в ходе проведения ОРД¹. В основу подобных выводов положено обстоятельство, что КоАП РФ не содержит запрета на использование по административному делу доказательств, полученных по результатам ОРД².

Замена процедур административного производства мероприятиями иного вида государственной деятельности, каковым является ОРД, не только недопустима, но и противозаконна. Цели и задачи ОРД строго определены, не подлежат расширенному толкованию и ограничиваются сферой защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 Закона об ОРД). В ст. 5 Закона об ОРД установлен прямой запрет на использование ОРД для достижения целей и решения задач, не предусмотренных этим законом.

¹ *Постановление* Ленинского районного суда г. Новосибирска от 08.10.2015 по делу №5-1101-2015.

² *Решение* Новосибирского областного суда от 22.12.2015 по делу 7а-562-2015.

В теории ОРД подчеркивается исключительный и вынужденный характер этой деятельности, проведение которой возможно в случаях объективного затруднения или невозможности достижения поставленной цели посредством применения иных законных средств. По существу, речь идет о социально обусловленном состоянии крайней необходимости. Морально-этические основы ОРД требуют установления и законодательного закрепления ограничительного принципа ее применения¹.

Исходя из разрешительного типа регулирования деятельности государственных органов и их полномочий (запрещено всё, кроме прямо разрешенного), отсутствие прямого указания в КоАП РФ на возможность непосредственного использования результатов ОРД в административном производстве означает запрет на подобное использование.

Практика привлечения к административной ответственности в ходе осуществления ОРД несет в себе значительную потенциальную угрозу нарушения прав юридических лиц, фактической реализации принципа объективного вменения, являясь одним из условий формирования правового нигилизма в обществе.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АВТОРОВЕДЕНИЯ

А.В. Громова

Уголовный кодекс Российской Федерации включает широкий спектр статей, в которых в той или иной форме используются понятия, отражающие «речевые действия»: обмен информацией, клевета, оскорбление, угрозы, уговоры, достижение коррупционных договоренностей, заведомо ложные сообщения об акте терроризма, вымогательство и т.д. Все эти преступления совершаются посредством устной или письменной речи, которая, в зависимости от экспертной задачи, может быть исследована в рамках фоноскопической, лингвистической или автороведческой экспертизы.

¹ *Оперативно-розыскная деятельность*: учеб. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова, А.Ю. Шуилова. М.: ИНФРА-М, 2004. 848 с.

Установление отношения между криминалистически значимым текстом и создавшим его лицом, совершившим посредством данной формы коммуникации правонарушение, является экспертной задачей автороведения, успешная реализация которой может оказывать влияние как на формирование версий о неизвестном при выполнении начальных оперативно-следственных мероприятий, так и при формировании доказательной базы причастности конкретных лиц к совершению преступлений.

Методические разработки в области идентификационного и диагностического исследования речи анонимного/псевдонимного автора являются актуальными направлениями научно-исследовательской работы, проводимой на базе ЭКЦ МВД России последние годы. Потребность в выработке новых подходов к решению задач по диагностике и идентификации автора по тексту продиктована необходимостью совершенствования экспертно-методического инструментария, обусловленной интенсивным развитием средств и способов каналов передачи информации, приоритета технологий дистанционного общения, протекающего посредством распространения и обмена информацией в форме текстов (форумы, чаты, электронная почта, блоги и т.д.). Происходящие в целом изменения в жизни общества, в языке акцентируют несостоятельность и неприменимость ряда прежних методов для исследования текстов, порождаемых в новых условиях.

К настоящему времени на вооружении экспертов системы МВД России имеются методики, направленные на проведение идентификации и диагностики автора по созданным им текстам. Следует особенно отметить внедрение в экспертную практику методических рекомендаций по диагностике индивидуально-личностных характеристик автора рукописного текста, разработанных на базе ЭКЦ МВД России в 2012 г., позволяющих, помимо диагностирования традиционных установочных данных – пола, возраста, профессиональной направленности и др., получать информацию о характеристиках личности автора, например, таких как активность, доминирование, замкнутость; эмоциональность; ответственность, импульсивность и др., которые ранее не являлись предметом рассмотрения эксперта-автороведа.

В ЭКЦ автороведческие экспертизы проводятся по материалам письменных текстов (анонимных или псевдонимных), не являющихся объектами авторского права и не имеющих знака охраны автор-

ского права, а также устных текстов, имеющих признаки подготовленности, зафиксированных на бумажных, фото-, аудио- или видеоносителях. Объекты, направляемые на автороведческую экспертизу, могут быть различными по форме и условиям речевого представления: письменные тексты; письменная фиксация устных текстов; устные тексты с признаками подготовленности и признаками изменений, внесенных техническими средствами; письменные тексты, созданные в условиях интернет-коммуникации, и др.

В последнее десятилетие наметилась тенденция роста числа преступлений, по которым текст является основным предметом юридической оценки. Представляется особенно важным освещение современных возможностей и перспектив применения специальных знаний в области криминалистического автороведения в условиях сегодняшнего доминирования текста как формы передачи информации.

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ КАК СРЕДСТВА ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ

Г.Г. Гумеров

Понятия допустимости и относимости являются основополагающими для решения вопроса о пригодности или непригодности фактических данных для использования в качестве доказательств по уголовному делу¹.

Обычно выделяют четыре общих правила, соблюдение которых позволяет считать доказательство допустимым, а именно:

- а) доказательство должно быть получено надлежащим субъектом;
- б) из надлежащего (т.е. перечисленного в ч. 1 ст. 74 УПК РФ) источника;

¹ *Лебедев Н.Ю.* Процессуальная самостоятельность следователя – гарантия обеспечения прав участников уголовного процесса // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегодной межрегиональной науч.-практ. конф., посвященной памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Е.Н. Тихонова. Барнаул, 2008. С. 196–198.

в) в рамках надлежащего следственного (судебного) или иного процессуального действия;

г) с соблюдением установленных законом правил производства конкретного следственного (судебного действия)¹.

Эти правила установлены законодателем с целью максимально объективизировать процесс получения доказательств и тем самым по возможности исключить субъективное усмотрение и злоупотребления должностного лица, проводящего расследование преступления. Но если первые три приведённые выше правила с трудом допускают неоднозначное толкование, то относительно соблюдения всех правил производства следственного действия в правоприменительной практике возникает достаточно много противоположных мнений.

При этом надо иметь в виду, что признание доказательства допустимым не предreshает вопроса о его достоверности; вывод о допустимости предшествует, но не заменяет вывода о достоверности доказательственной информации, а лишь является необходимым условием для использования соответствующего доказательства.

Поэтому закономерно возникает вопрос о существенном и несущественном нарушениях требований УПК при получении доказательств, т.е. фактически о возможности правоприменителя в той или иной мере отступать от требований нормы, первоначально сконструированной законодателем.

Неопределённости добавляет заслуживающая внимания концепция асимметрии правил оценки допустимости доказательств, в соответствии с которой доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального закона, должны признаваться допустимыми, если об этом ходатайствует сторона защиты. Справедливости ради, можно отметить, что идея «беспощадного исключения» среди ученых и на практике почти не поддерживается и подвергается острой критике. Главная проблема заключается в том, как отличить нарушения УПК, влекущие безусловное признание доказательств недопустимыми, от тех, которые подлежат дополнительной проверке и

¹ *Кунис Н.М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Юристъ, 2005. С. 27.

оценке. Единственно верным выглядит вариант «фактического восполнения и нейтрализации» последствий нарушений¹.

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 235¹ УК РФ «НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ»

Т.П. Деревянская

Изучая особенности объекта преступления, предусмотренного ст. 235¹ УК РФ, следует обратить внимание на неоднозначность объекта преступления. Так, рассматривая в качестве родового объекта таких преступлений общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, а в качестве видового и непосредственного – общественные отношения по поводу здоровья населения, необходимо доказать, что данное преступление нарушает эти общественные отношения.

В соответствии с диспозицией рассматриваемой статьи к незаконному производству лекарственных средств и медицинских изделий относится производство лекарственных средств и медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна).

Следует отметить, что без специального разрешения (лицензии) могут производиться и вполне качественные лекарственные средства и медицинские изделия, применение которых не несет опасности для здоровья и жизни людей. Соответственно, само производство лекарственных средств или медицинских изделий без специального разрешения (лицензии) не ставит под угрозу общественные отношения по поводу здоровья населения и уж тем более не посягает на общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность.

Характер и сущность данных деяний предопределяют преступный результат только как имущественный ущерб, а умысел при совершении таких действий направлен лишь на извлечение прибыли.

¹ *Золотых В.В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 68.

В частности, именно поэтому нет оснований связывать производство лекарственных средств и медицинских изделий без специального разрешения (лицензии) с нарушением общественных отношений по поводу здоровья населения.

Занятие нелегальной деятельностью по производству лекарственных средств и медицинских изделий лишает государство возможности получать от этой деятельности налоги, и ущерб, причиненный таким преступлением, заключается именно в этом. Однако само по себе нарушение лицензионных условий, предъявляемых к производству лекарственных средств и медицинских изделий, едва ли может повлечь причинение какого-либо ущерба, он возникает как результат деятельности, которую виновный осуществляет, не имея на то права.

Таким образом, объект незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий целесообразно раскрывать с учетом нарушенного порядка осуществления лицензирования деятельности по производству лекарственных средств и медицинских изделий и общественно опасных последствий, наступающих для государства, организаций, граждан. Непосредственным объектом незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий являются общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок лицензирования данной деятельности, защищающие законные интересы граждан, организаций и общества в сфере получения качественных товаров.

Вместе с тем незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий без соответствующего разрешения (лицензии), имеющее целью систематическое получение прибыли, можно отнести к незаконному предпринимательству, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Подобные действия необходимо квалифицировать по ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство».

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЕ СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, ГДЕ ОГОНЬ ВЫСТУПАЕТ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ) СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Р.Г. Драпезо

Помимо «рядовых» убийств, сопряженных с огнем, у всех на слуху резонансные убийства, всколыхнувшие сознание общественности, – преступление, которое произошло в конце мая 2012 г. на границе Казахстана и Китая. Участились пожары в массовых местах: в ночных клубах, интернатах, домах престарелых, жилом секторе. И неизвестно, какое число несчастных случаев занимают замаскированные убийства. Это дает основания предположить, что таких убийств, скорее всего, больше, чем показывает официальная статистика. В. Овчинский отмечает существование двух никак не связанных между собой статистик: медико-демографической и уголовной. При этом, как подчеркивает ученый, половина результатов судебно-медицинских исследований, попавших в медицинскую статистику как травма, приведшая к смерти, в результате расследования оказывалась убийством, хотя в уголовной статистике не фиксировалась¹.

Изучив акты судебно-медицинского исследования отдельно, в составе материалов доследственных проверок и уголовных дел, мы пришли к следующему:

1. Так или иначе, с учетом комплекса исходной информации, при выезде на место происшествия следователь и оперативные работники при проверке сообщения о преступлении сталкиваются с двумя исходными ситуациями (рис. 1). Это первоначальные ситуации с наличием трупа и ситуация, связанная с отсутствием трупа (но имеются сведения, что тело уничтожено огнем)².

2. В свою очередь, каждая из исходных ситуаций может быть поделена на две подситуации. Для первой ситуации – это подситуа-

¹ *Акопов В.И.* Криминальная смертность: искажения и ошибки статистики // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 1. С. 10–14.

² *Драпезо Р.Г., Юркевич Н.А.* Проблемы проведения проверочных мероприятий и возбуждения уголовного дела по убийствам, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2, № 4(64). С. 221–228.

ции, когда труп потерпевшего с признаками насилия либо без признаков насилия. Для второй ситуации – это подситуация, когда имеются сведения, что тело было сожжено, но нет информации, где именно, и подситуация, когда место сожжения известно¹.

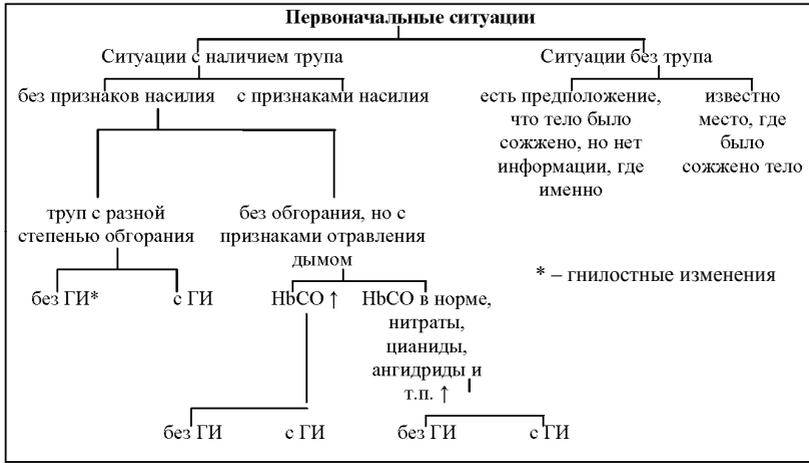

Рис. 1

3. Далее, используя знания и последние достижения судебной медицины, нам удалось детализировать исходные подситуации еще на несколько подситуаций (см. рис. 1). За основу выделения судебно-медицинских ситуаций мы отобрали комплекс наиболее значимых для целей ОРД признаков², а именно: 1) наличие/отсутствие гнилостных изменений; 2) наличие/отсутствие карбоксигемоглобина, нитратов, цианидов и т.п. в крови трупа потерпевшего; 3) наличие/отсутствие ожогов 1-й и 2-й степени; 4) наличие/отсутствие трупных пятен алого цвета; 5) наличие/отсутствие копоти в дыха-

¹ Дранезо Р.Г. Отождествление трупа по убийствам, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления: оперативно-розыскные и судебно-медицинские особенности // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 5. С. 13–20.

² Дранезо Р.Г. Применение информационных технологий и математики в судебно-медицинской и оперативно-розыскной работе по делам об убийствах, сопряженных с огнем как орудием (способом) сокрытия преступления // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 1. С. 21–27.

тельных путях; б) наличие/отсутствие «гусиных лапок» вокруг кожи глаз и рта.

К ВОПРОСУ О ХОЛОДНОМ ОРУЖИИ, ПРИМЕНЯЕМОМ ПРИ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ

В.В. Егошин

Как отмечалось ранее, самым распространенным видом колюще-режущего холодного оружия, применяемого при незаконной охоте, являются охотничьи ножи, реже – охотничьи кинжалы. Они, как правило, используются для добывания и последующей разделки дичи. Могут быть обнаружены непосредственно у браконьеров, в местах добычи и разделки животных, в авто-мототранспортных средствах, тайниках и т. д. Следует сразу же отметить, что в действующем российском законодательстве предусмотрена уголовная ответственность только за незаконные изготовление и сбыт холодного оружия, а использование холодного оружия является только квалифицирующим признаком ряда составов преступлений. Кроме того, современный отечественный рынок продолжает заполнять ранее неизвестное холодное клинковое оружие иностранного производства, к сожалению доступное для широкой массы населения.

Охотничьи ножи имеют ряд особенностей. Прежде всего – широкий, прочный клинок значительной толщины. Обух клинка может изготавливаться прямым или ломаным, либо с уступом. Некоторые образцы имеют скос обуха. На клинке часто изображаются животные, птицы или сцены из охотничьей жизни. Рукояти охотничьих ножей крепятся чаще всего всадным способом, иногда клепаным. Многие экземпляры имеют ограничитель. Но следует сказать, что указанные признаки не должны рассматриваться в отрыве от других: прочность, значительные размеры клинка, наличие ограничителя, дол, ребер жесткости и т. д. Самодельные ножи нередко изготавливаются преступниками по типу охотничьих¹. Следует помнить о том, что даже нахождение с холодным оружием на особо охраняемой природной территории (например, заповедник, заказник), либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологиче-

¹ Подшибякин А.С. Холодное оружие. М.: Юринфор, 1997. С. 53–54.

ской ситуации уже является незаконной охотой (п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ). Экспертное исследование подобных предметов позволяет следователю значительно шире судить об их предназначении.

На охоте могут использоваться и финские ножи. Эти ножи являются многофункциональными объектами, т.е. они должны давать возможность наносить опасные колото-резаные и резаные повреждения дикому (и часто достаточно крупному) животному при его добывании или при защите от его нападения и человеку – при единоборстве с противником, разделывать тушу животного и снимать с него шкуру и делать другие операции. Финский нож обладает комплексом признаков, позволяющих отнести его именно к холодному оружию. Финский нож имеет оптимальную форму острия с высоким расположением его точки и коротким вогнутым скосом обуха. У некоторых типов финских ножей скос обуха практически отсутствует и точка острия лежит на линии обуха. Ряд конструктивных решений определяет надежность удержания финского ножа в руке без опасения нанести повреждение себе. Прежде всего, это определяется сложной, фигурной формой рукояти, называемой эргономической. Дополнительным гарантом от самопорезов служит наличие у клинка пятки, отделяющей лезвие от рукояти. Отсутствие ограничителя дает финскому ножу дополнительные преимущества. Во-первых, позволяет использовать прием добывания ножа в ране. Во-вторых, облегчается метание финского ножа¹.

К ВОПРОСУ О ТАКТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЯХ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ

А.Б. Жуков

Несомненно, наиболее распространенным следственным действием, в котором сталкиваются интересы государственного обвинения и защиты, является допрос. С позиции задач государственного обвинителя отмечается, что он, участвуя в допросах, должен «...опосредованным убеждением с помощью фактов влиять на позицию суда, отстаивая версию обвинения; быстро реагировать на дей-

¹ Плескачевский В.М. Оружие в криминалистике. Понятие и классификация. М.: Спарк, 2001. С. 140–141.

ствия стороны защиты и иных участников, принимаемые к дезавуированию фактов, положенных в основу версии обвинения; запоминать наиболее значимые факты для использования их в обвинительной речи»¹.

В литературе отсутствует единое определение тактики судебного допроса. По мнению А.С. Александрова и С.П. Гришина, тактика судебного допроса есть наиболее рациональная и эффективная организация его осуществления². О.А. Сычева и С.Ю. Якушин рассматривают тактику судебного допроса как «...разработанную и рекомендованную криминалистической наукой, апробированную судебной практикой систему алгоритмов деятельности, осуществляемой в ходе судебного следствия компетентным субъектом, направленную на извлечение информации у сведущего лица, приглашенного с этой целью в судебное заседание, и производимую по намеченному плану»³.

Можно взять за основу положение о том, что тактика судебного допроса – это рациональная и эффективная организация, совокупность научных методов, приёмов и средств, а также разработанных на их основе тактических рекомендаций по проведению допроса отдельных участников государственными обвинителями в целях реализации функциональных обязанностей, обусловленных задачами уголовного судопроизводства⁴.

Уточняя данный подход, полагаем, что тактика судебного допроса – это деятельность субъектов криминалистической тактики по использованию тактико-криминалистических средств. Говоря о криминалистической тактике допроса в суде, мы подразумеваем управление процессом производства допроса в судебном следствии гособвинителем в судебном заседании, так как именно гособвинитель, представляя государство и исходя из возложенных на него обя-

¹ Ульянов В.Г. Государственное обвинение в Российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. 390 с.

² Александров А.С. Перекрестный допрос: учеб.-практ. пособие / А.С. Александров, С.П. Гришин. М.: Проспект: ТК Велби, 2005. С. 28.

³ Сычёва О.А. Тактические средства исследования доказательств в суде: понятие и виды / О.А. Сычёва, С.Ю. Якушин // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. № 149, кн. 6. С. 11.

⁴ Алтаев Е.А. Тактика допроса подсудимого государственным обвинителем в судебном заседании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 27.

занностей, обвиняет подсудимого в совершении преступления и тем самым защищает права и свободы потерпевшего от преступления лица.

Под производством допроса гособвинителем в судебном следствии нами понимается осознанный, целенаправленный процесс взаимодействия гособвинителя и всех участников судебного процесса, в результате которого допрос приобретает положительную динамику в достижении запланированного результата. Это взаимодействие осуществляется с позиции тактического воздействия на свидетелей, потерпевшего, судей, подсудимого и в определенных случаях на присяжных заседателей.

Исходя из вышеизложенного, тактические положения производства допроса государственным обвинителем можно, по нашему мнению, определить как основанные на принципах познания, выработанные криминалистической теорией и воспринятые практикой способы по подготовке к допросу, тактико-криминалистические средства, используемые гособвинителем при проведении допроса в судебном следствии.

СТРУКТУРА ЭКСПЕРТНОЙ МЕТОДИКИ

И.А. Журавлева

В структуре любой экспертной методики, на наш взгляд, можно выделить два основных компонента: концептуальный и операционный.

Концептуальный компонент предполагает описание экспертной задачи, объекта и подзадач исследования. Экспертная задача формулируется следователем и порождается следственной задачей, что позволяет рассмотреть значение заключения эксперта в частной системе доказательств. В свою очередь, объект и цель экспертного исследования определяют систему задач (подзадач) экспертного исследования, которые обуславливают стадии (программу, программы) как предметно-практических, так и мыслительных действий.

Операционный компонент включает оптимальную последовательность действий и операций по применению методов с учетом стадий исследования. Но экспертное исследование (обнаружение,

преобразование характеристик свойств) осуществляется с использованием технических средств, поэтому чаще всего последовательность действий и операций эксперта связана с применением приборов и другого оборудования. Подобное строение экспертной методики соответствует структуре специальных знаний эксперта. Поскольку специальные экспертные знания реализуются в методиках, то их составляющие (предметная и методная) и входящие в них элементы находят отражение в последних.

Любая методика, являясь программой экспертного исследования, разрабатывается на основе знаний о закономерностях данного процесса (элемент методной части специальных знаний). Поэтому в ее операционный компонент включается схема решения экспертной задачи, отражающая уровни, этапы и стадии данного исследования, что определяет систему и последовательность методов исследования.

В экспертной методике концептуальный компонент является определяющим. Так, схема экспертного исследования зависит от изучаемого объекта, его классификационной категории и типа поставленной задачи.

Изучаемый объект и решаемая задача определяют и эффективность применения того или иного метода в процессе исследования.

Рассмотренные положения относятся ко всем видам методик экспертного исследования. Однако в содержании их составляющих можно выделить и ряд особенностей. Так, концептуальный и, соответственно, операционный компоненты общей (родовой) и частных (видовых) методик отличаются по уровню детализации описания входящих в них элементов. В частных методиках такое описание носит более детализированный характер, поскольку оно основывается на углубленном изучении объектов данной группы, на выявлении признаков, существенных для решения именно видовой задачи.

Методика конкретного экспертного исследования основывается на общей и частных экспертных методиках, которые по своей сущности приближаются к криминалистическому алгоритму. Но, поскольку любая экспертная задача содержит в себе элемент неопределенности, обусловленной спецификой конкретного объекта и вопросами, поставленными на разрешение эксперта, в структуре методики конкретного экспертного исследования наряду с алгоритмическими выделяются и эвристические (творческие) способы ее решения. Конкретная экспертная методика строится с учетом условий и

возможностей экспертного исследования, поэтому ее структура обусловлена не только изучаемым объектом, типом и характером поставленной задачи, но и возникающими в процессе исследования экспертными ситуациями (начальными, промежуточными, конечными), а также опытом, уровнем научных знаний (компетентностью) эксперта и технической оснащенностью экспертного учреждения.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ: БЕДЫ И ПОБЕДЫ

Н.И. Зейле

Вызывающая формулировка названия статьи появилась не случайно. Контуры её оформленности проявились на пути личного общения и ознакомления как с трудами криминалистов А.С. Князькова¹ и И.Т. Кривошеина², так и раздумьями, навеянными атмосферой жарких споров. Зачастую они заканчивались указанием на теоретический вакуум в криминалистической науке. На проблемность сложившейся ситуации указывает и заключительная фраза книги И.Т. Кривошеина о том, что «криминалистическая методика в чрезвычайности обслуживания практического сознания уводила на второй план неизбежно возникающие проблемы теоретизации знания»³.

Вышеназванные авторы в своих исследованиях указывают на междисциплинарный характер криминалистических научных знаний, обусловленных синтезом естественно-научных и юридических наук. Авторы придерживаются объёмных определений предмета криминалистики, акцентируя внимание на формировании в ней общей теории криминалистики, указывая на её эволюцию от эмпирического уровня к теоретическому. В таком случае возникает множество проблем, напоминающих решение многовековой проблемы

¹ Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.

² Кривошеин И.Т. Методологические проблемы криминалистической методики. Томск: ТМЛ-Пресс, 2011. 368 с.

³ Там же. С. 349.

взаимосвязи чувственного и рационального в познании. Эта проблема по-разному решалась в русле эмпиризма и рационализма. При её решении постоянно зависал вопрос о взаимоотношении визуализации и концептуализации в процессе познания. Достаточно вспомнить Платона, считавшего геометрию посредником между сферами чувств и идеального. У атомиста Демокрита пространство физическое, а его образ пылинок, колеблющихся в луче света, давал наглядное представление о теоретическом конструкте «атом».

И на пути рационализма, и на пути эмпиризма были беды и победы.

Яркой победой над субъективизмом и релятивизмом софистов явилось введение Платоном особого мира идей как объективированной формы сознания, дающей возможность и основание отличать истину от заблуждений и лжи. Опираясь на выводы В.С. Стёпина¹, можно высказать ряд соображений относительно пути построения общей теории криминалистики. Во-первых, криминалистика – дисциплина комплексная. Её теоретические схемы создаются как путём непосредственной схематизации опыта, так и благодаря трансляции абстрактных объектов из других областей знаний, интеграция с которыми создаёт сложные категориальные сетки связей, усложняющие их интерпретацию. Беда в том, что эта ситуация «убивает» самоочевидность жизненного опыта криминалиста. Во-вторых, факт криминалистики, кроме лингвистического и перцептивного компонентов, во многом зависит от материально-практической, приборной составляющей. Перевод эмпирического факта на язык теории в свете указанного является сложным процессом. В-третьих, ориентация на принятую в науке гипотетико-дедуктивную модель научного знания, основанием которой являются свойства и связи идеализированных объектов, уводит криминалиста-практика от действительности. Приходится использовать принципы удобства, простоты, полезности и т.п., что ведёт к прагматизму и конвенциализму с присущими им слабостями.

¹ Стёпин В.С. Становление научной теории. Минск, 1976.

ОЦЕНКА СВЕДЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), ПОЛУЧАЕМЫХ В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

И.В. Иванов

Изучение личности подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений, равно как и установление иных сведений, имеющих значение по делу, реализуется посредством проведения ряда следственных и иных процессуальных действий. В целях оптимизации процесса получения необходимой информации следователем осуществляется выбор одного или нескольких из множества тактических приемов. Степень доступности интересующих следователя сведений может быть различной; это влияет на следующие обстоятельства:

– содержание приемов работы следователя, намеревающегося получить некоторые сведения о подозреваемом (обвиняемом) непосредственно в ходе следственного действия;

– последующую интерпретацию полученных сведений, их включение в поисково-познавательную деятельность путем проверки следственных версий.

Как отмечает С.А. Шейфер¹, следственные действия могут быть классифицированы по такому основанию, как зависимость от особенностей процесса получения доказательственной информации. Так, большинство следственных действий производится в ситуации, при которой следователь непосредственно воспринимает информацию и извлекает необходимые фактические данные. В иных же случаях процесс получения следователем необходимых сведений усложняется: так, при проведении судебной экспертизы дополнительная информация может быть получена в результате проведения экспертного исследования.

При более пристальном взгляде на вопрос о способах, каналах, объеме и качестве передачи сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) при производстве следственных действий с участием последнего может выясниться, что «непосредственный» характер такой познавательной деятельности фактически может быть весьма

¹ Шейфер С.А. Теория следственных действий // Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юрист, 2000. С. 272–273.

сложным, многоступенчатым. Так, воспринимая информацию непосредственно от ее носителя, следователь оценивает:

- надежность данного источника доказательственной информации;
- принципиальную возможность адекватной передачи и интерпретации такой информации;
- характер процесса передачи и фиксации следователем информации;
- степень собственной готовности следователя как реципиента воспринять и обработать соответствующую информацию.

Для оценки степени адекватности передачи личностной информации следователю следует учитывать:

- преобладающий вид деятельности, характерный для того или иного следственного действия: например, наблюдение при следственном осмотре, расспрос при приведении допросов и очных ставок, сочетание допроса и наблюдения при проверке показаний на месте и т.п.;
- стадийный характер каждого следственного действия: информация о личности подозреваемого (обвиняемого) может быть передана не только на рабочей его стадии, но и в ходе подготовки к нему, либо, наоборот, при фиксации полученных результатов и т.п.;
- канал поступления информации непосредственно о личности подозреваемого (обвиняемого): конкретный участник процесса расследования может передавать сведения о нем через свой внешний облик и поведение, высказывания, поступки¹.

Представляется, что данный перечень инструментов оценки сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) может помочь следователю в оптимальном выборе средств тактической деятельности.

¹ Лушечкина М.А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 132.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Ж.Ю. Кабанова

На протяжении развития криминалистики как науки у большинства ученых сформировалась устоявшаяся на настоящее время позиция, что криминалистика – это «наука, способствовавшая своими положениями деятельности правоохранительных органов по установлению истины в судопроизводстве, отправлению правосудия и предупреждению преступлений»¹. Исходя из представленного понятия, можно предположить, что криминалистика является обеспечительной для правоохранительной деятельности. Последняя выражается в различных формах: уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной, административной, уголовно-исполнительной и иной. В каждой форме отражается определенный вид правоохранительной деятельности, которая касается непосредственно или опосредованно борьбы с преступностью в целом и каждым преступлением в отдельности. Таким образом, при осуществлении правоохранительной деятельности, направленной на борьбу с преступностью, в различных ее формах используется криминалистическая деятельность. В настоящее время среди ученых-криминалистов редко употребляется термин «криминалистическая деятельность». В большинстве случаев он критикуется. Считается, что на самом деле такого вида деятельности нет.

Одним из первых о криминалистической деятельности высказал свою позицию Р.Г. Домбровский в диссертационном исследовании, посвященном предмету криминалистики. В нем автор обосновывал, что криминалистика является формой практической деятельности, поэтому следует выделять криминалистическую деятельность как совокупность приемов и методов практического действия (практическое познание) и научную криминалистическую деятельность как совокупность методов научного познания². Говоря о данном положении, следует отметить, что форма является одним из

¹ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учеб. для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 32.

² Домбровский Р.Г. Предмет криминалистики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1974. С. 2–4.

структурных элементов деятельности. Однако не любая деятельность может иметь юридическую форму, отражаться в нормативных (но) правовых актах, документах, в отличие, например, от деятельности по расследованию преступлений, рассмотрению и разрешению уголовных дел в суде, имеющей уголовно-процессуальную форму, закрепленную в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Кроме этого, не вся деятельность отражается в материальной форме, в частности, мыслительная деятельность. Следовательно, любая деятельность имеет форму, которая не всегда является материальной и отраженной в натуре, документах, нормативных правовых актах. Думается, что и криминалистика имеет собственную форму, которая может носить материальный и нематериальный характер.

Нематериальная форма отображается через поисково-мыслительную деятельность, возникающую, например, при оценке следственной (доследственной и иной ситуации), выдвижении криминалистических версий, планировании производства отдельных уголовно-процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, раскрытия, расследования преступления в целом. Материальную собственную форму криминалистика, как вид практической правоохранительной деятельности, приобретает при осуществлении процесса, связанного с выявлением, обнаружением, изъятием и фиксацией следов преступлений; дактилоскопированием живых лиц и трупов; составлением словесных портретов и т.д. Результатами таких процессов являются слепки следов.

Таким образом, криминалистическая деятельность – это вид практической деятельности, имеющей собственную форму, которая может носить материальный и нематериальный характер.

ДОСТОВЕРНОСТЬ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ

О.Г. Карнаухова

Допрос свидетеля – самое распространенное следственное действие. На первый взгляд, провести допрос не представляет сложности: допрашиваемый дает показания об известных ему фактах по расследуемому делу, следователь фиксирует показания в соответствии с уголовно-процессуальным законом. Фактически же допраши-

ваемый не всегда дает объективные и достоверные показания. Объективность показаний зависит от многих факторов: особенностей человека (полноты восприятия, психического состояния, способности запоминания и умения передавать информацию в соответствии с воспринятым), установки на допрос (желание говорить правду либо давать ложные показания). Достоверность показаний проверяется в ходе предварительного расследования. В случае несовпадения реальных событий с обстоятельствами, изложенными при допросе свидетелем, это может быть оценено как умышленное желание противодействовать следствию с помощью дачи заведомо ложных показаний.

Иная ситуация складывается, когда свидетель желает давать правдивые показания, но в силу добросовестного заблуждения его показания оказываются не соответствующими действительности. С социальной точки зрения заблуждение понимается как неправильное, ложное мнение. В правовом понимании заблуждение – неправильное представление о действительности, возникшее в результате незнания определенных обстоятельств либо ошибочного предположения об их наличии и порождающее юридические последствия¹.

Ложные сведения об обстоятельствах конкретного уголовного дела становятся заведомо ложными показаниями только после фиксации последних в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

С учетом изложенного представляется возможным определить с границей между спланированными, осмысленными ложными показаниями и теми показаниями, которые даны по заблуждению. У свидетелей, чьи показания являются заведомо ложными, всегда существует прямой умысел на лжесвидетельство и цель противодействовать следствию, поэтому такие показания и называются заведомо ложными и являются уголовно наказуемыми.

Однако на месте свидетеля, дающего ложные показания, может оказаться добросовестный участник судопроизводства. Его показания могут формироваться на основании как субъективных, так и объективных, как случайных, так и закономерных факторов. В практике нередки случаи, когда обвиняемые или другие заинтересованные лица подтасовывают обстоятельства таким образом, что свиде-

¹ Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. 4-е изд. М., 1997. С. 316.

тель не сомневается в истинности данных им показаний. Такие показания в уголовно-правовом контексте будут ошибочными, но не ложными.

Кроме того, встречаются случаи, когда показания оказывались ложными в силу объективных причин. Каждый человек индивидуален по своему эмоциональному состоянию, восприятию времени и сложившейся в момент преступления обстановки. Дача правдивых показаний зависит от процессов восприятия, запоминания и воспроизведения информации.

Основными признаками заведомо ложных показаний свидетелей являются:

- лицо, сообщаящее заведомо ложные сведения в ходе допроса, имеет процессуальный статус участника судопроизводства – свидетеля;
- сведения, предоставленные допрашиваемым лицом, умышленно искажены;
- информация, сообщенная лицом в ходе допроса, имеет непосредственное отношение к расследуемому преступлению;
- показания зафиксированы в установленном законом порядке.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЧАСТИ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Д.В. Ким

Криминалистика как наука, входящая в систему юридических наук уголовно-правового цикла, тесно взаимосвязана с уголовным, уголовно- процессуальным правом, оперативно-розыскной деятельностью, причем эта взаимосвязь имеет двусторонний характер. Все науки, входящие в систему, дополняют, развивают и обогащают друг друга, что позволяет выявлять общие и специфические закономерности механизмов совершения преступлений и их расследования, познать тенденции формирования и функционирования мето-

дики расследования отдельных видов и групп преступлений, на что совершенно правильно указал В.К. Гавло¹.

Криминалистика разрабатывала и разрабатывает свои рекомендации в первую очередь для предварительного расследования, однако ее сегодняшнее развитие показывает, что некоторые рекомендации с успехом могут применяться и на судебных стадиях уголовного процесса. В связи с этим понятными становятся и истоки современного всплеска интереса к теории следственных и судебных ситуаций.

Учитывая, что знания о криминалистических ситуациях досудебного и судебного производств служат основой для развития техники, тактики и методики предварительного расследования и судебного разбирательства отдельных видов и групп преступлений, можно полагать, что именно эти ситуации выступают в качестве одного из системообразующих факторов криминалистической науки².

Выполняя системообразующую функцию по отношению ко всей указанной деятельности, криминалистическая ситуация позволяет объединить в одну систему знаний закономерности проявления механизма подготовки, совершения и сокрытия преступлений (преступной деятельности) и закономерности механизмов предупреждения, раскрытия, расследования преступлений и их судебного разбирательства (правоприменительной деятельности). Познание этих закономерностей ведет к созданию криминалистической характеристики преступлений, криминалистической характеристики предупреждения, раскрытия и расследования преступлений и криминалистической характеристики судебного рассмотрения уголовных дел, имеющим непосредственное отношение к криминалистической методике. Указанные характеристики позволяют объединить в одну систему все информационно-познавательные структуры, связанные с постоянным движением уголовно значимой информации: от выявления признаков преступления, возбуждения уголовного дела и до момента окончательного принятия процессуального решения по делу судом. В связи с чем криминалистическая методика выступает

¹ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 134–135.

² Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. С. 14.

как полноструктурная криминалистическая методика – специфическая информационно-познавательная система в деятельности субъектов доказывания, рассчитанная на определенные криминалистические ситуации досудебного и судебного производств.

При таком подходе возможно исследование закономерностей криминалистической методики как раздела науки криминалистики не только на досудебных, но и на судебных стадиях уголовного процесса. Полагаем, это правильное и перспективное направление, отвечающее реалиям сегодняшнего дня и тенденциям развития криминалистической науки.

ВЛИЯНИЕ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ С ПОДОЗРЕВАЕМОМ (ОБВИНЯЕМОМ) ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ ИЗ ЖИЛИЩА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

А.С. Князьков, Д.С. Ондар

Уголовно-процессуальный институт досудебного соглашения о сотрудничестве, образуемый нормами главы 40¹ УПК РФ, является относительно новым для отечественного законодательства. Очевидно, по этой причине его отдельные положения не получили необходимой правовой регламентации. К числу таких положений можно отнести правило о возможности отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о заключении названного соглашения (ч. 3 ст. 317¹ УПК РФ). В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует указание на конкретные основания отказа. Между тем выяснение критериев такого отказа имеет принципиальное значение, поскольку затрагивает как законные интересы подозреваемого (обвиняемого), так и интересы общества.

В определенной мере решение этой проблемы может быть осуществлено на основе криминалистических исследований, проводимых в первую очередь в рамках учения о следственной ситуации.

Прежде всего, отметим, что в круг анализа следователя, руководителя следственного органа и прокурора должны входить следственные ситуации, возникавшие на первоначальном и последующем этапах досудебного производства с момента появления подозреваем-

мого, причем для решения вопроса по ходатайству обвиняемого о заключении соглашения о досудебном сотрудничестве во внимание должны приниматься также отдельные элементы следственной ситуации проверки сообщения о преступлении. Особое значение это положение имеет для расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, в том числе хищений из жилища, работа по которым осложняется специфическими особенностями места их совершения.

Можно говорить о специфической следственной ситуации тактического риска, опосредующей принятие решения по ходатайству. Выход из нее может осуществляться, прежде всего, путем производства «параллельного планирования» расследования с учетом выдвижения частных следственных версий: «да, лицо может оказать помощь, о которой он сообщает в ходатайстве», «нет, лицо не может оказать названную помощь в силу определенных причин». Такие следственные версии фактически принимают вид специфических прогностических версий. Их оптимальная проверка должна осуществляться с широким использованием ситуационного моделирования.

Криминалистическому анализу должны подвергаться как общая, так и частные следственные ситуации. Поскольку общая следственная ситуация указывает на объем имеющихся в уголовном деле сведений о преступлении и причастном к его совершению лице, факт ходатайства подозреваемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должен рассматриваться с позиции достаточности доказательств для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела. Не исключено, что причиной ходатайства явилось осознание подозреваемым (обвиняемым) невозможности оказания противодействия расследованию.

Требуется исследования вопрос о том, надо ли принимать во внимание существование такой частной следственной ситуации, как отказ обвиняемого от сотрудничества на первоначальном этапе расследования, с изменением его позиции, когда он стал обвиняемым. Аналогично должен быть исследован вопрос о возможности удовлетворения ходатайства обвиняемого тогда, когда он оказывал противодействие расследованию, будучи подозреваемым.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ

А.А. Корчагин

В настоящее время в криминалистической литературе активно обсуждается проблема применения криминалистических знаний в процессе судебного разбирательства уголовных дел. Без применения криминалистических знаний судебное следствие будет невозможным. Исходной основой для построения криминалистической характеристики судебного следствия по делам об убийствах является криминалистическая характеристика их расследования. Полагаем, криминалистическая характеристика судебного следствия по делам об убийствах имеет свою специфику, делающую её самостоятельным структурным элементом криминалистической методики. Суд не может полагаться на то, что органы расследования установили виновность обвиняемого, и ограничиться формальной проверкой собранных ими материалов. Он не связан выводами органов расследования, как и объемом доказательств, имеющихся в материалах дела.

Судебное следствие по делам об убийствах можно представить как тактико-методическую систему, включающую порядок судебного следствия, регламентированный законом, и методические указания рекомендательного характера, не поддающиеся законодательной регламентации. К ним можно отнести криминалистические рекомендации по применению тактических приемов при проведении следственных действий (С.В. Бородин, В.И. Комиссаров, Ю.В. Кореньевский, С.П. Щерба и др.).

Структура криминалистической деятельности по судебному разбирательству дел об убийствах в качестве составных элементов включает: 1) объект – уголовное дело об убийстве, рассматриваемое в суде; 2) субъект – судья, государственный обвинитель, подсудимый, защитник, потерпевший, свидетели, другие лица, проходящие по делу (их криминалистическая характеристика); 3) судебные ситуации и психологические условия, в которых проходит судебное разбирательство; 4) материальные и организационные условия судебного разбирательства; 5) место проведения судебного разбирательства; 6) время его проведения.

В качестве составляющих элементов криминалистической характеристики судебного следствия по делам об убийствах можно выделить: понятие и содержание криминалистической характеристики судебного следствия; судебные ситуации; судебные версии и планирование судебного следствия; тактика проведения следственных действий в суде; тактические приемы, тактические операции и тактические комбинации, применяемые в суде; особенности взаимодействия участников судебного следствия. Криминалистическую характеристику судебного следствия по делам об убийствах следует определить как научно обобщенную информационную систему знаний о складывающихся судебных ситуациях и их разрешении криминалистическими методами в суде с участием сторон – участников уголовного судопроизводства, выполняющих на основе состязательности функцию обвинения или защиты от него.

Криминалистическая характеристика совершения убийств и криминалистические характеристики их предварительного расследования и судебного разбирательства по своим качественным показателям являются взаимосвязанными компонентами в информационно-познавательной полноструктурной криминалистической методике расследования данных преступлений. При их взаимодействии возникает новое целостное образование – криминалистическая методика предварительного расследования и судебного разбирательства убийств, как конечный научный продукт знаний о борьбе с убийствами методами науки криминалистики. Результатом такого познания является разработка криминалистической характеристики судебного следствия как компонента криминалистической методике судебного разбирательства дел об убийствах.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИИ, НАХОДЯЩЕЙСЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Л.Б. Краснова

В последнее время все больше преступлений совершается с использованием сети Интернет. На наш взгляд, основную трудность при расследовании таких преступлений составляет доказывание наличия определенной информации в сети Интернет, даты ее появления в сети и установление лица, ее разместившего. При этом наи-

большую сложность составляет не техническая сторона получения такой информации, а ее процессуальное оформление, вытекающее из следующих особенностей цифровой информации, содержащейся в сети Интернет и ее электронных носителей:

1. Поскольку речь идет о сети Интернет, поиск относимой к делу цифровой информации должен осуществляться как на электронных устройствах подозреваемого или обвиняемого, так и на других, связанных с ними, электронных устройствах, хранящих информацию. При этом для работы с сетью Интернет используются не только компьютеры, но и иные устройства (смартфоны, планшеты и т.д.), также имеющие свои особенности функционирования.

Мы согласны с А.Л. Осипенко, что при осуществлении этих действий «...применение конкретных рекомендаций по сохранению компьютерной информации довольно проблематично, поскольку каждая ситуация по-своему уникальна, и действия в большинстве случаев вполне приемлемые, в определенных ситуациях способны нанести непоправимый ущерб имеющимся данным. В связи с этим лицо, имеющее первоначальный доступ к обследуемому компьютеру, должно не только иметь соответствующую квалификацию, но и в достаточной степени осознавать суть основных процессов, происходящих в вычислительной системе. Предъявление подобного требования к следователю представляется чрезмерным даже при условии его предварительной специальной подготовки»¹.

2. Физически информация, циркулирующая в сети Интернет, может быть расположена в любой точке мира, т.е. при ее осмотре и исследовании происходит изучение ее виртуальной копии, передаваемой и преобразуемой с помощью телекоммуникационных устройств и, следовательно, основываясь на общепринятых криминалистических методах, изъять такой носитель следовой информации невозможно.

3. Большая часть сайтов Интернета имеет динамическую структуру. Их содержимое представляет собой информацию, взятую из различных источников, которая собирается, обрабатывается и представляется пользователю в удобном для него виде специальными программами-агрегаторами или онлайн-сервисами в режиме реального времени.

¹ *Осипенко А.Л.* Особенности расследования сетевых компьютерных преступлений // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 121.

«По запросу пользователя веб-сервер не просто берет определенный файл, а исполняет более сложную последовательность действий. Из файла или группы файлов или из базы данных веб-сервер выбирает не просто HTML-код, а программу. Затем эта программа исполняется, а результат ее исполнения отображается браузером пользователя. Причем исполнение программы может производиться: (а) веб-сервером или одним из его модулей; (б) внешней программой на стороне веб-сервера; (в) браузером пользователя или одним из его модулей; (г) внешней программой на стороне пользователя. Понятно, что вид динамической веб-страницы будет зависеть от многих факторов, в том числе от конфигурации ПО на стороне пользователя. В настоящее время практически все веб-страницы в Интернете – динамические»¹.

То есть при просмотре одной и той же страницы Интернет в разные моменты времени пользователь может видеть различную информацию.

Последние две особенности приводят к необходимости максимально быстрого сбора информации, содержащейся в сети Интернет, имеющей отношение к расследуемому преступлению. В первую очередь это касается получения данных, подтверждающих факт совершения преступления, изъятия и приобщения к делу цифровых доказательств.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Т.Э. Кукарникова

В эпоху глобализации и всеобщей информатизации общества все более явно обнаруживает себя тенденция роста внимания к исследованию проблем информационных технологий в широком социогуманитарном контексте. В сфере уголовного судопроизводства наиболее актуальны и востребованы вопросы, в первую очередь связанные с использованием функциональных возможностей информационных, в частности компьютерных, технологий.

¹ Федотов Н.Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М.: Юрид. мир, 2007. С. 233.

В последние годы информационные технологии очень прочно вошли в нашу повседневную жизнь. Понятие «информационные технологии» объединяет процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы их осуществления. Информационные технологии имеют важное значение для развития, так как, учитывая важность информации, именно уровнем развития таких технологий определяется потенциал дальнейшего прогрессивного движения во всех направлениях жизни общества.

В контексте темы настоящей статьи наиболее актуальной является проблема использования вспомогательных и коммуникационных информационных технологий. Не только компьютерная техника, но и мобильные телефоны, смартфоны, электронные книги, навигаторы и многие другие устройства являются источниками огромного количества информации (а в случае расследования преступления – уголовно-релевантной и криминалистически значимой информации) о жизни человека, его контактах, взаимоотношениях, местоположении и т.д., существующей и используемой в электронной форме. В последние годы механизму следообразования в электронной цифровой среде для различных форм представления исходной уголовно-релевантной информации: программных файлов, электронных документов, акустической, видео (статистической и динамической) и т.п. – уделялось достаточно много внимания, и как отмечают В.А. Мещеряков и В.В. Трухачев¹, в этом направлении получены определенные результаты.

Перспективным направлением научной специализации, по нашему мнению, сегодня является направление, которое рассматривает аспекты сопоставления новых «цифровых следов» не только тем или иным процессам следообразования, но и субъектам, которые используют новые информационные технологии непосредственно в преступных целях или опосредованно в повседневной жизни. Это направление исследует научную и практическую задачу непроцессуального отождествления личности средствами новых информационных технологий, когда для отождествления привлекается комплекс

¹ Мещеряков В.А., Трухачев В.В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 108–110.

цифровой информации, порождаемый человеком в его повседневной деятельности.

Применительно к информационным технологиям в целом и новым цифровым следам в частности данная проблема может быть разделена на ряд частных вопросов, а именно:

1. Использование биометрической информации для аутентификации пользователей в технических компьютерных системах и обратная задача её декодирования и использования в расследовании преступлений.

2. Использование технико-криминалистических особенностей систем автоматизации подготовки документов в целях непроцессуального отождествления личности.

3. Использование данных территориально ориентированных систем видеонаблюдения и мобильной связи для непроцессуального отождествления личности.

4. Использование данных сетевых электронных ресурсов (социальных сетей, электронной почты, форумов и т.д.) для непроцессуального отождествления личности¹.

Представляется, что перечисленными группами проблем поставленная актуальная для современного цифрового информационного общества задача непроцессуального отождествления личности не ограничивается, и перечень их требует дальнейшего обсуждения и уточнения.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДОКАЗЫВАНИЕМ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А.С. Ладощкин

На сегодняшний день криминалистическая характеристика стала неотъемлемой частью каждой частной криминалистической методи-

¹ Кукарникова Т.Э. О возможности непроцессуального отождествления личности средствами новых информационных технологий / Т.Э. Кукарникова, А.Н. Яковлев // Воронежские криминалистические чтения. Воронеж, 2014. Вып. 16. С. 111–119.

ки. Как показало проведенное исследование, за последние несколько десятков лет фактически ни одна методика расследования преступлений не разрабатывалась без формирования элементов криминалистической характеристики соответствующего вида преступлений и рекомендаций по использованию ее данных для наиболее эффективных методов раскрытия и расследования преступлений¹.

Для того чтобы определить, какие именно элементы должны быть включены в структуру криминалистической характеристики преступлений, связанных с доказыванием в гражданском и арбитражном процессе, необходимо решить вопрос о том, является ли тот или иной элемент специфическим и значимым для исследования данной категории преступлений в криминалистическом аспекте. Речь, прежде всего, идет о такой значимости, которая позволяет на основании включения того или иного элемента преступной деятельности в криминалистическую характеристику и установления его взаимосвязей и зависимостей с другими элементами прогнозировать оптимальные направления следственного поиска при расследовании определенной группы преступлений².

На основании сказанного полагаем целесообразным выделить следующий круг структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с доказыванием в гражданском и арбитражном процессе: личность преступника; личность потерпевшего; предмет преступного посягательства; способы подготовки, осуществления и сокрытия преступлений; обстановка подготовки, совершения и сокрытия преступлений; механизм следообразования.

Проведенный анализ показывает, что выбор именно этих элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве, объясняется их существенным отличием от аналогичных элементов криминалистических характеристик других преступлений против правосудия и ключевым значением для построения методики расследования преступлений этой категории. Данные элементы криминалистической характеристики находятся между собой в тесной

¹ Коновалов С.И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2001. 158 с.

² Трухачев В.В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. С. 65.

взаимозависимости и коррелируют друг с другом. В возможности установления и изучения таких взаимосвязей и состоит ключевое значение криминалистической характеристики отдельных видов преступлений.

Учитывая, что первоначальный этап расследования преступлений, связанных с доказыванием в гражданском и арбитражном процессе, в большинстве случаев происходит в ситуации ограниченности информации о преступном событии, получение сведений об одних элементах криминалистической характеристики преступлений данного вида позволяет с высокой вероятностью построить предположение о существовании других, что может найти свое применение в ходе построения следственных версий относительно происшедшего и определения оптимального направления расследования. Таким образом, разработка криминалистической характеристики преступлений, связанных с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве, имеет важное практическое значение и служит базой для построения частной криминалистической методики расследования таких преступлений.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Н.Ю. Лебедев

Как в ходе предварительного расследования следователь (дознатель), так и в ходе судебного следствия судья имеют возможность использовать специальные познания, привлекая эксперта и специалиста при производстве следственных, судебных и иных процессуальных действий¹. Наиболее характерным способом вовлечения лиц, обладающих специальными познаниями, является назначение и производство судебных экспертиз. Среди учёных-криминалистов и процессуалистов не утихают споры о роли и доказательственном значении заключения эксперта и специалиста.

¹ *Лебедев Н.Ю.* Формы разрешения (завершения) уголовно-процессуальных конфликтов при расследовании преступлений // Закон и право. 2009. № 5. С. 44–49.

И.Я. Фридман в своём диссертационном исследовании подчёркивал, что «в качестве предупредительных мер криминалистика должна использовать все средства, разработка, усовершенствование и использование которых возможны на базе криминалистики независимо от источника возникновения и первоначальной цели их создания»¹. Специальные познания эффективно применять для разрешения конфликтных ситуаций².

В научной и учебной юридической литературе в основном рассматривается правовое положение эксперта (специалиста), обвиняемого (подозреваемого), следователя (дознателя) и судьи, однако правовое положение свидетеля, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика при назначении и производстве экспертиз в большинстве работ остаётся без внимания исследователей и нуждается в реформировании.

В ст. 199 УПК РФ законодатель закрепил возможность возвращения экспертом постановления следователя о назначении и производстве экспертизы без исполнения. Однако законодатель не предусмотрел процессуальный документ, его структуру и содержание. Соответственно предлагаем ч. 5 ст. 199 УПК РФ дополнить следующим содержанием: «Эксперт вправе возвратить без исполнения постановление, если представленных материалов недостаточно для производства судебной экспертизы или он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства, *о чём составляет мотивированное заключение о невозможности проведения экспертизы*».

В соответствии с ч. 1 ст. 202 следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ у иных физических лиц и представителей юридических лиц. Однако обязанность предоставлять образцы для сравнительного исследования законодатель возложил только на потерпевшего (п. 4 ч. 5 ст. 42 УКП РФ). Соответственно, остальные перечисленные в ч. 1 ст. 202 УПК РФ лица могут безна-

¹ Фридман И.Я. Судебная экспертиза и вопросы предупреждения преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1974. С. 15.

² Лебедев Н.Ю. Значение консенсуса в преодолении конфликтов, возникающих при производстве по уголовному делу // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 6 (18). С. 242–249.

казанно уклоняться от данной процедуры, тем самым препятствуя расследованию. Для устранения данного пробела предлагаем дополнить ст. 202 УПК РФ частью 1.1 следующего содержания: *«Лица, перечисленные в ч. 1, обязаны предоставить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования в случаях, предусмотренных законом».*

ФОРМУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ СУДЕБНОЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОБЛИКОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ

А.К. Лебедева

Судебная фоноскопическая экспертиза обликовых характеристик личности обычно назначается в случаях, когда нет возможности провести идентификацию лица по имеющимся в материалах дела фонограммам. Необходимость в диагностике различных обликовых характеристик диктора возникает обычно, когда лицо, чей голос записан на фонограмме, неизвестно и требуется получить ориентирующую информацию для его розыска.

Подобная судебная экспертиза может назначаться на различных стадиях расследования преступлений, а также при проверке сообщения о преступлении. Для того чтобы результаты судебной экспертизы могли помочь при расследовании преступлений и при розыске неизвестных лиц, необходимо чтобы задача, которая ставится перед экспертом, была определена в постановлении (определении) о назначении судебной фоноскопической экспертизы максимально конкретно. Вопросы, разрешаемые в процессе экспертного исследования, должны быть точными и не допускать двусмысленности при их толковании.

В рамках рассматриваемой судебной фоноскопической экспертизы вопросы ставятся как в целях диагностики комплекса обликовых характеристик диктора, так и для определения конкретных характеристик личности. В вопросах указывается имя файла, на котором записана исследуемая фонограмма, слова, которыми начинается, заканчивается фонограмма, так как объектами судебного экспертного исследования могут быть несколько материальных носителей с различными фонограммами.

Вопросы можно сформулировать следующим образом:

1. Какие данные о личности говорящего можно получить путем анализа фонограммы <...> начинающейся словами <...>, заканчивающейся словами <...> (пол, возраст, анатомические особенности речеобразующего тракта, эмоциональное состояние, психофизиологические характеристики лица, родной язык, место рождения или преимущественного проживания, профессия, культурный и общеобразовательный уровень и т.д.).

2. Имеются ли на представленной на исследование фонограмме <...>, начинающейся словами <...>, заканчивающейся словами <...>, признаки необычного психоэмоционального состояния диктора¹?

3. Не находились ли участники разговора, зафиксированного на фонограмме <...>, начинающейся словами <...>, заканчивающейся словами <...>, в болезненном состоянии или состоянии алкогольного либо наркотического опьянения²?

К сожалению, в настоящее время периодически возникают сложности при назначении судебных экспертиз, например, не всегда правильно указывается род (вид) судебной экспертизы, а экспертная задача определяется недостаточно конкретно, расплывчато. В том случае, если орган, имеющий право назначить судебную экспертизу, не обладает необходимыми знаниями для правильной формулировки вопросов, можно воспользоваться помощью специалиста (ч. 1. ст. 58 УПК РФ), который может привлекаться для оказания содействия при постановке вопросов эксперту. Подобные действия помогут избежать имеющихся неточностей при назначении судебных экспертиз и приведут к успешному розыску неизвестных лиц и своевременному расследованию преступлений.

¹ *Россинская Е.Р., Галяшина Е.И.* Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. С. 316.

² Там же.

ЗНАЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ю.В. Лебедева

В последние годы среди учёных-юристов значительно повысился интерес к научным исследованиям, посвящённым взаимоотношениям между людьми, особое место среди таких наук занимает психология. Всё возрастающие потребности в психологических знаниях свидетельствуют о необходимости совершенствования их использования при производстве следственных и судебных действий¹.

Среди учёных-криминалистов отсутствует единое понимание такой категории, как «специальные психологические познания», а современные тенденции развития юриспруденции свидетельствуют о повышении роли и значения использования результатов науки психологии в уголовном судопроизводстве. К сожалению, в уголовно-процессуальном праве до сих пор отсутствуют правовые нормы, которые регулировали бы механизм привлечения и использования лиц, обладающих знаниями в области психологии. В связи с чем специалистам в области криминалистики в разрабатываемых ими рекомендациях приходится буквально «выкручиваться» и на свой страх и риск (с точки зрения правомерности) предлагать различные формы использования и применения психологических знаний².

Актуальность представленной проблематики заключается и в том, что производство по уголовному делу осуществляется в особом правовом и эмоционально-стрессовом пространстве, в ходе которого сталкиваются прямо противоположные интересы участников уголовного судопроизводства. Возникают различные конфликтные следственные ситуации, разрешение которых порой возможно только при использовании приёмов, разработанных наукой психологией.

Как подчёркивает Н.Ю. Лебедев: «Следует принять во внимание то, что само по себе рассмотрение уголовного дела приводит к воз-

¹ Лебедева Ю.В. Развитие эмоциональной отзывчивости как условие предупреждения девиантного поведения детей и подростков // Сибирский психологический журнал. 2010. № 36. С. 68–71.

² Лебедев Н.Ю. Основы теории уголовно-процессуальных конфликтов. Новосибирск: НГУЭУ, 2009. С. 65.

никновению стрессовой и конфликтной ситуации, в первую очередь отражающейся на таких участниках процесса, как потерпевшие, несовершеннолетние, инвалиды. Стрессовое состояние данных лиц существенным образом влияет на качество и ход производства по уголовному делу. Лицу, осуществляющему расследование преступлений, необходимо учитывать психологические особенности всех участников уголовного судопроизводства, принимать во внимание особенности их памяти, уровень интеллектуального развития и образования»¹.

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Е.С. Мазур, Э.В. Иванова

На современном этапе проблема идентификации личности как в криминалистике, так и в судебной медицине остается весьма актуальной. Значение данной проблемы возрастает при разрешении вопросов при расследовании убийств, связанных с идентификацией неопознанных, расчлененных трупов, смерти людей при неизвестных обстоятельствах, а также при массовых человеческих жертвах в результате природных и техногенных катастроф².

Традиционно идентификация представляет собой общепринятый способ установления личности погибшего, в основе которого лежит анализ идентификационных признаков, например, особенностей антропометрических признаков человека. Вместе с тем даже индивидуальные особенности строения человека, а также комплекс пригодных для его идентификации признаков не позволяют в полном объеме предоставить информацию о нем. Идентификация погибшего представляет собой узкую направленность и ориентирована на поиск неповторимых, присущих конкретному

¹ *Лебедев Н.Ю.* Структура уголовно-процессуальных конфликтов // Вестник ОмГУ. Сер. «Право». Омск: Изд-во ОмГУ. 2010. № 1(22).

² *Мазур Е.С.* Дерматоглифика в исследованиях личности: криминалистический и судебно-медицинский аспекты / под ред. В.Н. Звягина. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 3–5.

человеку признаков. Обычно к ним относят пол, возраст, расу, анатомические особенности, измерительные показатели, рубцы, татуировки и т.д.¹

Установление личности неопознанного трупа представляет собой многосложный и многоэтапный процесс, включающий назначение судебных криминалистических и медицинских экспертиз. Основания для назначения судебной криминалистической и (или) медицинской экспертизы по установлению личности неопознанного трупа условно можно разделить на прямые – те, которые сами по себе уже достаточны для назначения экспертизы, и косвенные – такие, которые могут служить основанием лишь в совокупности с другими обстоятельствами.

Так, среди традиционных методов идентификации неопознанных трупов выделяют: опознание по совокупности признаков, среди которых анатомоморфологические, функциональные и сопутствующие (косвенные) признаки. Особое место в идентификации личности занимают портретная, портретная фототехническая и портретная видеотехническая экспертизы, где в ходе отождествления личности ключевую роль играет сравнительное исследование признаков, метод отождествления по костным останкам – сложный, но вместе с тем весьма информативный².

Кроме того, для идентификации личности можно назначить следующие виды экспертиз: реконструкцию по черепу, фотосовмещение, остеологическую, молекулярно-генетическую, стоматологическую, рентгенографическую и т.д.

Таким образом, идентификация личности погибшего имеет многоэтапный и разнопрофильный характер. Она затрагивает судебно-медицинские, медико-криминалистические, уголовно-процессуальные, уголовно-правовые и чисто криминалистические аспекты. В связи с этим назрела необходимость для решения данной проблемы

¹ Судебная медицина: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. проф. В.Н. Крюкова. М.: Норма, 2009. С. 416–420.

² Кокорин П.А. Патогенетические механизмы утопления и разработка судебно-медицинских критериев степени алкогольной интоксикации: автореф. ... дис. канд. мед. наук. Иркутск, 1995. С. 8–11.

с использованием нового организационно-методического обеспечения расследования преступлений¹.

Вместе с тем, несмотря на имеющийся запас традиционных методов идентификации неопознанных трупов, можно сделать заключение, что, невзирая на возможности каждого из представленных традиционных методов, все они имеют те или иные недостатки. Для решения проблемы эффективного использования разработанных традиционных методов идентификации необходимо комплексное их применение для решения отдельно поставленных задач, а также разработка новых, нетрадиционных методов идентификации.

ТАКТИКА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ АВИАЦИОННЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

А.А. Митрофанова

Практически в каждом случае расследования авиационных происшествий возникают существенные трудности при установлении личности погибших путем предъявления для опознания. В связи с этим необходимо рассмотреть некоторые наиболее важные особенности подготовки, проведения и фиксации хода и результатов данного следственного действия.

Организационно-подготовительные меры, наряду с традиционными, в таких ситуациях должны включать: прием и сортировку поступающих трупов с обязательным участием судебно-медицинских экспертов; создание коллекции одежды, вещей, сопутствующих предметов; снабжение их теми же номерами, что и номера трупов, присвоенные при осмотре на месте авиационного происшествия; организацию работы по установлению и приглашению лиц, знавших погибших; организацию психологической и медицинской подготовки лиц, приглашенных для опознания.

Особое внимание должно быть уделено психологической подготовке опознающего к тому, что ему предстоит увидеть в морге. Следует принять все возможные меры, чтобы не только не допустить

¹ *Кокорин П.А.* Установление обстоятельств происшествия и личности погибшего, обнаруженного в водоеме, по делам, связанным с убийством // Судебный юридический вестник. 2007. № 1(36). С. 56–58.

снижения психологической активности опознающего при выполнении им своих функций, но и нейтрализовать или по крайней мере уменьшить негативное воздействие психотравмирующих факторов. Поэтому психологическая подготовка опознающего должна проводиться как во время допроса, предшествующего опознанию, так и непосредственно перед проведением предъявления для опознания¹ (разъяснение опознающему значения данного следственного действия, необходимости всестороннего осмотра признаков, трудностей, с которыми ему предстоит столкнуться, и пр.). Профессиональную психологическую помощь родственникам и близким погибших при авиакатастрофах оказывают специалисты психологической службы МЧС России.

Помещение, в котором будет проводиться опознание, должно отвечать всем санитарно-гигиеническим требованиям: достаточное естественное или искусственное освещение, чистота, порядок, особое внимание необходимо уделить вентиляции. Останки следует классифицировать по полу, возрасту и состоянию идентификационных признаков на момент предъявления для опознания при помощи судебно-медицинских экспертов.

В первую очередь предъявляются те трупы, которые меньше всего пострадали от действия поражающих факторов, а если среди них нет устанавливаемого лица, переходят к осмотру обезображенных, фрагментированных останков. Если труп, у которого сохранились черты лица, с достоверностью опознан, опознание следует считать состоявшимся. Обезображенный труп, опознанный по отдельным признакам, необходимо отметить и продолжить предъявление для опознания других трупов. Этот же труп или его останки необходимо предъявить другим опознающим, чтобы избежать случайного опознания трупа на основе сходства². Для фиксации хода и результатов предъявления для опознания целесообразно использовать видеосъемку.

¹ Бурька Д.А., Егорова Е.В. О психологических проблемах и особенностях предъявления трупов для опознания // Юридическая психология. 2013. № 4. С. 21.

² Солодун Ю.В. Проблемы комплексной идентификации останков человека при расследовании авиационных катастроф / Ю.В. Солодун, Д.Ю. Яковлев. Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2004. С. 92, 93.

Оформление результатов опознания необходимо проводить в отдельном помещении, делать это следует тщательно, аккуратно фиксируя в протоколе признаки, по которым состоялось опознание¹.

При проведении опознаний следует учитывать возможные ошибки вследствие тяжелого психологического состояния опознающих из-за переживаний, вызванных гибелью родственников. Поэтому во избежание ошибок при идентификации погибших необходимо (если есть сомнения) принять меры к проведению сравнительных генетических исследований².

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О НАВЫКАХ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ

О.А. Негодина

В 60-е гг. XX в. произошел новый виток развития криминалистики: стало возможным более глубокое изучение личности преступника, ее свойств, а также взаимосвязанных с ней вопросов, таких как способ совершения преступления, механизм совершения преступления, навыки человека, в том числе преступные, и т.д. В почерковедении как разделе криминалистической техники к этому времени уже были разработаны теоретические основы (разграничили понятия «письмо» и «почерк», создали общепризнанную среди экспертов-почерковедов классификацию признаков почерка и методику идентификационной почерковедческой экспертизы), началось формирование теории судебно-почерковедческой идентификации и начал судебно-почерковедческой диагностики³. Криминалистам требовались знания о навыковой сущности процесса письма, понимание, что является «нормой» и «отклонением от нормы» при письме, чтобы на этой почве проводить диагностические почерковедческие исследования.

¹ Солодун Ю.В. Указ соч. / Ю.В. Солодун, Д.Ю. Яковлев. Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2004. С. 93.

² Особенности осмотра места авиационного происшествия: метод. рекомендации, подготовленные Генеральной прокуратурой РФ от 20 апр. 2007 г. С. 8.

³ Попова О.А. Диагностика типа мыслительных задач исполнителя рукописи / под науч. ред. д-ра юрид. наук Р.Л. Ахмедшина. Томск, 2013. С. 19.

В 1968 г. появляется работа Г.А. Самойлова «Основы криминалистического учения о навыках», в которой автор проводит анализ механизма образования и действия навыков человека. Он рассматривает их как присущие каждому человеку психические свойства, которые лишь в определенной степени зависят от прирожденных свойств человека. В основном они возникают и формируются в результате воздействия на человека окружающей среды и, главным образом, в процессе социализации, воспитания. Навыки выражают заключенные в них особенности психики, физиологического аппарата, анатомические особенности тела человека, которые участвовали при их формировании¹. Именно поэтому исследование навыков конкретного человека – это возможность получения достоверной информации о нём.

Г.А. Самойлов также предложил классификацию навыков. В её основу он положил особенности их функционального назначения и в зависимости от этого среди них выделил: локомоционные, коммуникативно-речевые, профессиональные и навыки совершения отдельных преступных действий. Наряду с особенностями у навыков есть и общие свойства: «динамичность», «автоматизированность», «индивидуальность», «динамическая устойчивость», «вариантность» и «способность к материально выражаемой фиксации». Данные свойства навыков позволяют использовать их фиксирующие отображения в качестве информации для следствия и суда в виде источников о свойствах личности². Рассматривая отдельно навыки письма, Г.А. Самойлов дает свое определение понятию «почерк»: «Почерк – материально фиксированное отображение соответствующих навыковых свойств личности пишущего, которое возникает благодаря самофиксирующим автоматизированным движениям руки»³. Впоследствии в почерковедении стали использовать четыре свойства почерка из представленных ученым: 1) индивидуальность, 2) динамическая устойчивость, 3) вариационность, 4) избирательная изменчивость⁴. Их оказалось достаточно для описания процессов

¹ Самойлов Г.А. Основы криминалистического учения о навыках. М., 1968. С. 4–17.

² Там же. С. 9–10.

³ Там же. С. 68.

⁴ Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть : теор. и метод. основы / под науч. ред. В.Ф. Орловой. М., 2006. С. 128–142

данного вида навыка, именно на них стала базироваться теория идентификационной и диагностической почерковедческой экспертизы.

Подводя итог, отметим, что учение Г.А. Самойлова позволило сконцентрироваться на изучении свойств письменного навыка и использовать эти знания в процессе судебного разбирательства. Понимание механизма формирования навыков и условий их проявления вовне повлияло на возможность считать доказанными необходимые обстоятельства не только идентификационного, но и диагностического характера, тем самым повысилась надежность такого вида доказательства, как заключение эксперта / специалиста.

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ АДВОКАТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

А.Н. Недобор

Проблемами обеспечения и защиты прав лиц, не достигших совершеннолетия, занимаются учёные различных наук, не являясь исключением криминалистика и уголовный процесс. Ю.В. Лебедева отмечает, что именно несовершеннолетние в современном обществе являются самыми незащищенными как в правовом, так и социальном плане¹.

В национальном законодательстве достаточно много норм посвящено регулированию правового положения несовершеннолетних, вовлекаемых в различные правоотношения, в то же время анализ эмпирического материала показывает, что на практике у несовершеннолетних возникает много проблем, связанных с реальной возможностью их использования в собственных интересах. Особое место среди этих проблем занимают вопросы, возникающие в специфическом правовом поле расследуемого преступления, совершённого несовершеннолетним.

¹ *Лебедева Ю.В.* Развитие эмоциональной отзывчивости как условие предупреждения девиантного поведения детей и подростков // Сибирский психологический журнал. 2010. № 36. С. 68–71.

Конечно, Конституция РФ и УПК РФ гарантируют несовершеннолетнему приглашение законного представителя для защиты его прав, но возникает вопрос: может ли лицо, не обладающее юридическими знаниями и спецификой производства следственных и иных процессуальных действий, реально обеспечить защиту интересов несовершеннолетнего¹?

При расследовании преступлений участие адвоката неизбежно. Особая роль участию адвоката-защитника отводится в производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних². Ввиду того, что в уголовном праве возраст несовершеннолетнего, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, варьируется от 14 до 18 лет, во-первых, возникает проблема с подбором адвоката. На наш взгляд, это должно быть лицо в возрасте старше 30 лет, имеющее семью и собственных детей. Ведь адвокат – это не психолог, но в то же время ему необходимо уметь «поладить» с несовершеннолетним, установить взаимные доверительные отношения, а адвокат моложе данного возраста, не обладающий житейским и семейным опытом, навряд ли сможет полноценно осуществить защиту несовершеннолетнего.

Во-вторых, следует обратить внимание учёных-криминалистов на необходимость совершенствования тактики участия адвоката-защитника несовершеннолетнего как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного следствия.

В.В. Николук особенно подчёркивает: «Именно институт адвокатуры специально создан для защиты прав, свобод и интересов граждан нашей страны, включая и несовершеннолетних, а также обеспечения их доступа к правосудию»³.

¹ *Лебедев Н.Ю.* Структура уголовно-процессуальных конфликтов // Вестник ОмГУ. Сер. «Право». Омск: Изд-во ОмГУ. 2010. № 1 (22). С. 139–148.

² *Лебедев Н.Ю.* Основы теории уголовно-процессуальных конфликтов. Новосибирск: НГУЭУ, 2009. С. 76.

³ *Николук В.В.* Законодательная регламентация производства по делам несовершеннолетних в УПК РФ // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2002. С. 22–23.

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

М.В. Недобор

Субъекты уголовного судопроизводства отличаются от субъектов как социальных, так и иных отношений. Как подчёркивает Н.Ю. Лебедев: «Их специфика выделяется особым правовым полем, содержание которого отражается в закреплённых уголовно-процессуальным законодательством субъективных правах и юридических обязанностях участников уголовного процесса, а также особым публичным характером всех действий, осуществляемых должностными лицами государственных органов исполнительной и судебной власти»¹. «Особое место среди субъектов уголовного судопроизводства занимают лица, обладающие специальными познаниями»².

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указано, что «при оценке судом заключения эксперта следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. Одновременно следует учитывать квалификацию эксперта, выяснять, были ли ему представлены достаточные материалы и надлежащие объекты исследования. Для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист даёт в форме устных показаний или письменного заключения. Заключение и показания специалиста подлежат проверке и оценке по общим правилам (его компетентность и незаинтересованность в исходе дела, обоснованность суждения и др.) и могут

¹ *Лебедев Н.Ю.* Структура уголовно-процессуальных конфликтов // Вестник ОмГУ. Сер. «Право». Омск: Изд-во ОмГУ. 2010. № 1 (22).

² *Сопов Д.В.* Специалист в российском уголовном процессе: учеб. пособие. Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2007. С. 10.

быть приняты судом или отвергнуты, как и любое другое доказательство (пп. 19 и 20)»¹.

Следует согласиться с мнением С.М. Гарисова и Е.А. Зайцевой о том, что «при решении вопроса о назначении судебной экспертизы суд должен учитывать целесообразность и объективную возможность проведения экспертизы, не допуская случаев необоснованного назначения судебной экспертизы»², что может привести к необоснованному увеличению сроков рассмотрения уголовного дела судом.

Известный ученый конца XIX – начала XX в. Л.Е. Владимиров указывал, что «достоинство экспертизы, прежде всего, зависит от степени компетентности экспертов – теоретической и практической»³. В связи с этим следует согласиться с мнением Д.В. Сопова о том, что «наличие диплома еще не показатель компетентности»⁴.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И.А. Обухов

Терроризм во всех его формах и проявлениях до настоящего времени продолжает оставаться одной из актуальных проблем мирового значения. В конце XIX – начале XX в. массовое проявление терроризма в Европе, на Ближнем Востоке и в России, исходившего от радикально настроенных анархистских движений, вызывало в обществе не только страх за свою безопасность, но и сомнение в способности правительств данных государств противостоять такому явлению. В Российской империи объектами террора, наряду с первыми лицами государства, также выступали видные политические

¹ *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

² *Гарисов С.М., Зайцева Е.А.* Использование специальных познаний в судебном производстве по уголовным делам. Волгоград: Волгоград. академия МВД России, 2010. С. 142.

³ *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. С. 245.

⁴ *Сопов Д.В.* Указ. соч. С. 10.

деятели и представители власти. После убийства императора Александра II в свет вышло «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Данный документ стал одним из первых, регламентирующих порядок введения «режима чрезвычайного положения»¹, при этом в нем отсутствовало прямое указание на такой термин.

Развитие дальнейших исторических событий в России после революции 1918 г., в условиях использования жесткой диктатуры пролетариата и репрессии «врагов революции», а также инакомыслящих, свело к минимуму совершение террористических актов. Но в начале 90-х гг. XX в., после раскола СССР, терроризм открыл новую страницу в истории России. Претерпев качественные изменения и преобразования в зарубежных странах, терроризм с новой силой вернулся на территорию России, где стал проявляться через активные действия многих террористических организаций. Основной объединяющей идеей этих организаций являлось свержение светского правления и создание «Великого исламского халифата» в мировом масштабе, в том числе на объединенной территории Чечни и Дагестана.

Непростая политическая обстановка на территории Северо-Кавказского региона (СКР) сыграла на руку террористическим группировкам, повлиять на которую пытались в своем Обращении народные депутаты Седьмого съезда народных депутатов Российской Федерации к народу, органам власти и управления Чеченской Республики, но которое не имело успеха.

Последующее принятие целого ряда законов и нормативных актов, таких как Указ от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности»; Указ Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1970 «О введении чрезвычайного положения на части территорий Республики Северная Осетия и Ингушской Республики» и т.д., не могло существенно нормализовать обстановку на территории СКР. К концу 90-х гг. XX в. террористическая угроза стала расплзаться по всей территории России. При

¹ *Исаева Т.* Российское законодательство о противодействии терроризму второй половины XIX в. // *Законность.* 2007. № 7. СПС «КонсультантПлюс».

отсутствии должного законодательства, регламентирующего введение особых условий, появилось много вопросов, связанных с соблюдением прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Основными нормативными актами, направленными на борьбу с терроризмом, были Федеральный закон от 17 мая 1991 г. № 1253-1 «О чрезвычайном положении», Федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» и др., которые не обеспечивали успешного раскрытия и расследования террористических преступлений, совершаемых в особых условиях. В результате был принят Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в котором специально уполномоченные федеральные органы исполнительной власти обеспечивали координацию действий, направленных на выявление, пресечение и расследование террористической деятельности.

**УЧЕТ ЭТНИЧЕСКИХ И ИНЫХ ФАКТОРОВ ПРИ СОЗДАНИИ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ
КРАЖ ИЗ ЖИЛИЩА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ДВУЕДИНОГО ОБЪЕКТА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ**

Д.С. Ондар

Устоявшимся считается мнение, что объектом науки криминалистики является преступная деятельность и деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. На сегодняшний день нет исследования, в котором бы комплексно рассматривались все факторы, влияющие на разработку методики расследования названного преступления. По нашему мнению, определяющими обстоятельствами, влияющими на методику расследования краж из жилища, совершаемых в отдельных местах, являются этнические, социальные, географические, природно-климатические и иные факторы.

Алгоритм создания таких методик должен раскрывать следующие моменты:

1. Влияние этнических факторов на совершение преступлений, а также на характер и содержание деятельности по их раскрытию, расследованию и предупреждению.

Данные факторы могут отражаться в предметах хищения, в числе которых могут присутствовать предметы религиозного культа, родовые обрядовые предметы, изготовленные особыми способами орудия охоты и рыбной ловли, вещи, которые носят значение табу, хищение которых указывает на совершение кражи представителем другой этнической группы, и т.д.

2. Влияние социальных факторов на совершение преступления и их раскрытие.

Аналогичные исследования показывают, что большинство краж из жилища совершается в отношении лиц, которые до совершения преступления имели различные связи с преступником. Выявление и расследование преступления во многом опираются на опрос очевидцев и осмотр места происшествия. При расследовании краж из жилища в первую очередь следует проверять ближайшее окружение потерпевшего, знавшее о наличии и месте хранения предмета кражи или вхожее в жилище.

3. Влияние географических факторов на совершение преступления и на деятельность по его раскрытию и расследованию.

К географическим относятся такие факторы, как обширность территории, на которой совершена кража из жилища, ее труднодоступность и отдаленность, которые учитывают преступники: отдаленность от следственных органов; малое число стационарных геодезических и иных объектов, позволяющих указывать точные координаты производства следственных действий (например, места происшествия, обнаруженных следов преступления). Разделяем мнение, что 49,3% лиц, совершивших кражи с проникновением в жилище, живут в районе потерпевшего¹.

4. Влияние природно-климатических факторов на совершение преступления и его раскрытие.

Существенную роль в построении методики расследования краж из жилища играют природно-климатические факторы. Природно-климатические факторы весьма влияют на сохранность следов пре-

¹ Александров А.И. Криминалистическая характеристика краж с проникновением в жилище и их расследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1986.

ступления, что необходимо учитывать. Так, значительная перемена температуры немало отражается на возможности определить след и зафиксировать его.

Таким образом, при создании методики расследования квартирных краж в сельской местности в условиях компактного проживания этноса необходимо учитывать все многообразие факторов, влияющих на методику расследования преступления.

Очевидно, что при этом степень проявления того или иного фактора, его взаимосвязь с другими факторами требуют тщательного изучения.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО МЕДИЦИНСКИМ ДОКУМЕНТАМ

В.В. Остробородов, Е.Б. Беседина

Сегодня, пожалуй, ни у кого не возникают сомнения в необходимости назначения и производства судебных экспертиз при расследовании различных преступлений, поскольку многие обстоятельства, подлежащие доказыванию, могут быть установлены только благодаря заключению эксперта.

При раскрытии и расследовании преступлений, направленных против здоровья и жизни человека, преступники часто используют различные виды оружия, а также объекты, которые могут выступать в качестве оружия. В результате их воздействия на одежду и теле человека формируются различные повреждения. Эти следы являются объектами большинства различных экспертиз, среди которых центральное место занимает судебно-медицинская экспертиза. Результаты судебно-медицинской экспертизы имеют большое доказательственное значение, поскольку позволяют решить достаточно широкий круг вопросов. К таким вопросам можно отнести: механизм образования повреждений, кратность воздействия, конструктивные особенности травмирующего объекта и многие другие.

Но, к сожалению, не всегда эксперт может ответить на вопросы следственных и судебных органов. Так, при судебно-медицинской экспертизе живых лиц бывают ситуации, когда потерпевший после получения травмы поступает в лечебное учреждение, где в течение

определенного времени проходит лечение. Анализируя материалы экспертной практики, хотелось бы сказать, что в таких случаях при проведении экспертизы по медицинским документам возникают сложности, связанные в первую очередь с тем, что в лечебном учреждении повреждения не всегда описываются подробно, а именно не указываются свойства повреждений, точная локализация, следовательно, при производстве судебно-медицинской экспертизы эксперт не может ответить на ряд вопросов, поставленных на разрешение. Однако нередко эти вопросы имеют большое значение для раскрытия и расследования преступления.

Так, из заключения эксперта *«...Гражданин С., 1960 года рождения, поступает в ГКБ № 1 01.07.2014. Жалобы на боли в области раны грудной стенки слева. Со слов, неизвестный ударил ножом... Локально: в области грудной клетки в 6–7 межреберье слева на 1,5 см от сосковой линии снаружки колото-резаная рана длиной 2 см., умеренно кровоточит...»*

В выводах судебно-медицинский эксперт отмечает, что у гражданина С. имелась рана грудной клетки слева, проникающая в плевральную полость (ход раневого канала не указан) с повреждением легкого и перикарда с образованием гемоторакса... Повреждение образовалось от воздействия острым объектом, незадолго до обращения за медицинской помощью...»

Из примера видно, что эксперт не может высказаться о направлении травмирующего воздействия, конструктивных особенностях травмирующего объекта, ограничиваясь формулировкой «острый объект».

Для решения указанных проблем считаем эффективным проведение совместных межведомственных научно-практических конференций и других научно-представительских мероприятий, на которых необходимо затрагивать проблемные вопросы, возникающие при производстве экспертиз, раскрытии и расследовании преступлений.

Только при тесном взаимодействии органов следствия и суда, экспертных учреждений и учреждений Министерства здравоохранения возможно положительное решение указанных проблем.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ МАТЕРИАЛОВ О НЕЗАКОННОМ СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННОМ БЕСКОНТАКТНЫМ СПОСОБОМ

А.В. Польгер

На этапе предварительной проверки материалов о незаконном сбыте наркотических средств, совершенном бесконтактным способом, документирование преступной деятельности осуществляется в абсолютном большинстве случаев посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Это связано с тем, что бесконтактный способ незаконного сбыта наркотических средств предполагает собой серьезные усилия по сокрытию преступной деятельности осуществляющих ее лиц.

Сотрудники оперативных подразделений при документировании фактов незаконного сбыта наркотических средств, совершенного бесконтактным способом, на этапе предварительной проверки материалов проводят определенные оперативно-розыскные мероприятия, из которых наиболее часто встречающимися являются «Проверочная закупка» и «Оперативный эксперимент»¹.

Важным является то, что при документировании рассматриваемых преступлений в ходе оперативно-розыскных мероприятий «Проверочная закупка» и «Оперативный эксперимент» отсутствует непосредственный контакт между покупателем наркотического средства и его сбытчиком, так как осуществляемые ими преступные действия, а именно: обмен сведениями между ними относительно ассортимента и цены сбываемых наркотиков, способы их оплаты – происходят посредством электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, а непосредственное приобретение наркотического средства осуществляется через закладку (тайник).

¹ Вагин О.А., Исиченко А.П., Чечетин А.Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) («Деловой двор», 2009) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» / Компания «КонсультантПлюс». Электрон. дан. [М.]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/obob#top>. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 02.02.2016).

Указанная особенность способа накладывает отпечаток не только на проведение рассматриваемых ОРМ, но и на особенности взаимодействия на этапе предварительной проверки материалов. В связи с этим на данном этапе наиболее целесообразными формами взаимодействия будут:

- согласованное планирование деятельности по выявлению и пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ;

- совместное обсуждение вопросов о необходимости и моменте возбуждения уголовного дела, определении направлений расследования;

- совместное определение тактики и методов проведения проверки имеющейся информации;

- совместное планирование розыскных и оперативно-розыскных мероприятий;

- взаимное информирование и совместное обсуждение результатов розыскных и оперативно-розыскных действий;

- согласованное использование сил и средств взаимодействующих подразделений при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий¹.

Таким образом, особенности этапа предварительной проверки материалов по рассматриваемому виду преступлений определяются специфичностью способа совершения незаконного сбыта наркотических средств, который накладывает отпечаток на процедуру его документирования и обуславливает особенности взаимодействия.

ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЙ

А.Н. Померлян

В основе криминалистического учения о способе совершения тех или иных видов преступлений лежит одна из объективных закономерностей реальной действительности – «особенности проявле-

¹ *Уголовный процесс: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. М.: ИМЦГУК МВД России, 2003. 506 с.*

ния индивидуальной психологии человека в его криминальном поведении, что и отражается в следах события преступления. Совокупность индивидуальных психофизических качеств разных преступников позволяет проследить экстраполяцию таких закономерностей в окружающем нас мире»¹.

«Для овладения потерпевшей преступники применяют различные способы. Состав преступления образуют лишь те из них, которые связаны с физическим насилием, угрозой или с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

При этом угрозы совершения насилия могут быть обращены в отношении не только потерпевшей, но и в адрес её родственников или других близких лиц»².

Физическое насилие сопряжено с причинением телесных повреждений потерпевшей или удержанием ее рук или ног с целью преодоления сопротивления. «При угрозе преступник подавляет волю потерпевшей к сопротивлению путем ее запугивания немедленным применением физической силы, распространением порочащих ее сведений, причинением вреда детям или другим близким родственникам и т. п. Угроза по своей силе вызывает у потерпевшей страх, что если она не уступит требованиям угрожающего, то он немедленно перейдет от слов к действию и ей будут причинены другие неприятности, не менее тяжкие, чем насильственный половой акт. В беспомощное состояние преступник приводит свою жертву путем спаивания спиртными напитками, добавления в пищу снотворного или препаратов, подавляющих волю к сопротивлению. Нередко преступники используют беспомощное состояние потерпевшей, наступившее в результате опьянения, заболевания, неожиданного получения телесных повреждений и т. д. Потерпевшая в таком состоянии не может оказывать реального физического сопротивления»³.

¹ *Лебедева Ю.В.* Воспитание эмоциональной отзывчивости как средство предупреждения отклоняющегося поведения // *Философия образования.* 2008. № 2. С. 207–214.

² *Лебедев Н.Ю.* Причины уголовно-процессуальных конфликтов // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2008. № 3. С. 108–113.

³ *Серийные убийцы.* Избранные экспертизы. Приложение к журналу «Криминальные психиатрия и психология» / под ред. А.О. Бухановского. Ростов н/Д: Изд-во ЛРНЦ «Феникс», 1994. С. 20–21.

«Выяснение факта физического насилия не представляет сложности, так как это общепринятое понятие. Однако необходимо уточнить характер и вид насилия»¹.

Следует учитывать, что «насилие или угроза причинения насилия в отношении потерпевшей может быть осуществлена не только перед или в момент совершения изнасилования, но и после его совершения в целях подавления её воли и желания обращаться в правоохранительные органы»².

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИИ РАССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ПОЖАРОВ

Е.В. Ришес

Методике расследования преступлений посвящены работы выдающихся юристов, которые при этом не рассматривали методологию расследования отдельных видов преступлений. Впервые это сделали И.Т. Кривошеин и А.В. Шмонин.

Теория представляет собой результат научного познания объекта действительности и выражается в установленных наукой закономерностях развития, движения объекта. Методология же исследует основанную на ранее установленных наукой закономерностях систему приемов познания и практического освоения действительности. Таким образом, методология основывается на теории, а теория обслуживает методологию, их различие имеет функциональный характер³.

Работа И.Т. Кривошеина посвящена фундаментальным проблемам становления научно-криминалистического знания в криминали-

¹ *Советская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений* / В.К. Лисиченко [и др.]; под ред. проф. В.К. Лисиченко. Киев: Выща школа, 1988. С. 136 (автор главы З.И. Митрохина).

² *Лебедев Н.Ю.* Причины уголовно-процессуальных конфликтов // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2008. № 3. С. 103–113..

³ *Криминалистика: информационные технологии доказывания: учеб. для вузов* / под ред. В.Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007. С. 41.

стической методике, а именно: формированию и становлению криминалистической методики и методологии¹.

В.Я. Колдин, А.В. Шмонин методологию расследования отдельных видов преступлений рассматривают в ситуационном и технологическом подходах.

Ситуационная природа расследования преступлений проявляется в оценке органом дознания сложившихся на конкретный момент времени условий и определении на этой основе тактики (технологии) расследования конкретного преступления, а под технологией понимается функционально обусловленная упорядоченная совокупность действий (деятельность), обеспеченных необходимыми ресурсами, реализуемыми соответствующим субъектом в процессе расследования преступлений².

Криминалистические ситуации используются при принятии решений о направлении расследования, помогают выбрать верную тактику конкретных следственных действий и методов расследования.

При этом в основу типизации криминалистических ситуаций при расследовании преступных пожаров должна быть положена информация о компонентах горючей системы. На начальном этапе расследования преступных пожаров можно выделить следующие типичные криминалистические ситуации: а) есть сведения о горючих материалах и о доступе необходимого для горения воздуха, но неизвестен источник возгорания; б) есть сведения об источнике возгорания и о доступе необходимого для горения воздуха, но неизвестно, что горело; в) есть сведения об источнике возгорания и горючих материалах, но неизвестно, откуда поступал воздух; г) есть сведения о доступе необходимого для горения воздуха, но неизвестны горючие материалы и источник возгорания.

Криминалистические ситуации в зависимости от данных о компонентах горючей системы будут постоянно нацеливать следователя на необходимость учета при расследовании криминальных пожаров закономерностей горения, что благоприятно скажется на всесторон-

¹ *Кривошеин И.Т.* Методологические проблемы криминалистической методики (Этап становления) / под ред. Н.Т. Ведерникова. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. 368 с.

² *Шмонин А.В.* Методология криминалистической методики. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 190, 365.

нем, полном и объективном исследовании их причин, а следовательно, на охране прав и интересов попавших в орбиту следствия граждан, предприятий и объединений¹.

Таким образом, в основе методологии лежит изучение практики, практическая деятельность.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Л.Ф. Рубцова

В доступной отечественной современной криминалистической литературе крайне мало информации содержится о мерах профилактики, применяемых для обеспечения безопасности жизни и здоровья следователя и иных лиц, участвующих (присутствующих) при производстве осмотра места происшествия (и трупа – в некоторых случаях). Об актуальности исследования подобной проблематики писали, например, С.В. Шошин², С.Д. Долгинов³. Вместе с тем рассматриваемая проблема обеспечения надлежащего уровня безопасности лиц, которые участвуют в осмотре места происшествия, по нашему мнению, заслуживает комплексного подробного самостоятельного анализа.

В практике правоохранительных и иных силовых компетентных органов в Российской Федерации сегодня имеют место случаи осмотра места происшествия с находящимися на нем взрывчатыми веществами и иными потенциально опасными объектами. В истории осуществления разминирования российскими специалистами имеются и случаи с трагическим финалом. В целях минимизации потенциальной возможности такого травматизма в процессе производства

¹ Безуглов М.В. Типичные криминалистические ситуации по делам о пожарах // Охрана прав и интересов обвиняемого в свете правовой реформы: межвуз. сб. науч. трудов. Кемерово: Кем ГУ, 1993. С. 148–151.

² Шошин С.В. Расследование умышленных убийств, совершенных на бытовой почве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 7.

³ Долгинов С.Д. Осмотр места взрыва: вопросы организации и тактики проведения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Пермь: ПГНИУ, 2014. № 1. С. 275–285.

осмотра места происшествия можно рекомендовать уделять значительно больше внимания ученых и практических работников компетентных органов этой проблеме.

Заслуживает подробного и тщательного анализа и внедрение в практику деятельности российских правоохранительных и иных задействованных при этом органов опыта иностранных коллег (например, из Франции, Израиля и других стран). В данных государствах при обнаружении потенциально взрывоопасного предмета на улице или в помещении проводится его принудительное минирование и уничтожение посредством взрыва прямо на месте такого обнаружения. Российской практике еще с советских времен традиционно оказываются присущими традиции вывоза в безопасное место и уже только после подобной транспортировки – утилизации обнаруженного взрывоопасного предмета. Иногда такой утилизации непосредственно предшествует и проведение судебной экспертизы такого предмета, когда опасности воздействия поражающих факторов взрыва оказывается подвергнутым как судебный эксперт (специалист-взрывотехник), так и его ассистенты и помощники.

Сегодня надлежит учесть и значительное развитие инфраструктуры многих российских городов. В результате для фактического осуществления подобной процедуры утилизации потенциально взрывоопасного предмета его приходится с соблюдением необходимых процедур транспортировать на весьма значительные расстояния. При этом также риску травматизма от воздействия продуктов поражения от потенциально возможного взрыва подобного предмета подвергаются как водители и пассажиры попутных и иных транспортных средств, прохожие, так и иные лица, оказавшиеся в зоне воздействия подобных поражающих факторов. Значительный риск сохраняется и при перемещении подобной «находки» непосредственно с места его обнаружения и до окончания процедуры погрузки в специальное транспортное средство для транспортировки на утилизацию.

Значительно проще и быстрее сегодня можно осуществить полную эвакуацию всех лиц из зоны действия поражающих факторов обнаруженного потенциально взрывоопасного предмета. Риск наступления некоторой деформации строений при принудительной утилизации обнаруженного взрывоопасного предмета непосредственно на месте его обнаружения значительно меньше, чем риск воздействия продуктов такого потенциально возможного взрыва на

жизнь и (или) здоровье различных участников осмотра места происшествия и иных лиц. Жизнь и здоровье человека должны быть превыше всего. Их ценность не сравнима с ценностью любой недвижимости.

НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ СПОСОБЫ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К СОВЕРШЕНИЮ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С.А. Степанов

На основе проведенного анализа уголовных дел нами были выделены наиболее характерные способы подготовки военнослужащих к совершению насильственных преступлений, которые включают в себя:

- подыскание места, удобного для осуществления преступного замысла (как правило, это канцелярия роты, комната командиров взводов, кладовая или умывальная комната, вне казармы это, как правило, автомобильные боксы в парке воинской части, питомник служебных собак и другие места, где наименьшее скопление военнослужащих, в том числе офицеров и прапорщиков);

- подыскание орудий и средств преступления (начиная просто с физической силы, подручных предметов интерьера и мебели, применения специальных средств активной обороны – как правило, палки резиновые, и заканчивая применением в очень редких случаях боевого оружия);

- подыскание участников (чаще всего это военнослужащие младшего призыва, с низким социальным статусом среди сослуживцев или просто подчиненные по отношению к начальникам всех категорий);

- завлечение потерпевшего в выбранное место предполагаемого совершения преступления (или прибытие в место, где находится потенциальный потерпевший);

- выбор времени совершения преступления (в большинстве случаев это вечернее или ночное, реже – дневное время).

При совершении импульсивных насильственных преступлений подготовительные действия могут отсутствовать вообще или вы-

полняться в очень короткий период. Они, как правило, ограничиваются выбором места и орудия преступления¹.

Подготовка некоторых насильственных преступлений, например из корыстных побуждений, из мести, начинается с предварительной умственной деятельности преступника по разработке плана преступных действий, который может неоднократно корректироваться военнослужащим с учётом своих возможностей и объективных условий².

В ряде случаев субъекты преступления могут пренебрегать, т.е. не задумываться или просто не придавать значения всем вышеописанным подготовительным действиям, и совершают физическое насилие с применением различных предметов в качестве орудия преступления или без таковых, в том месте, где находится будущий потерпевший военнослужащий (спальное помещение расположения роты, пост дневального, лестничный марш, плац или же просто любое другое место, где они встречают потерпевшего военнослужащего). В некоторых случаях они уже имеют при себе избранные для совершения преступления орудия и средства.

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

М.В. Стояновский

Систематизируя тактико-криминалистические проблемы предъявления для опознания, на наш взгляд, следует исходить из несколь-

¹ *Степанов С.А.* К вопросу о последующих следственных действиях при расследовании преступлений насильственного характера, совершенных военнослужащими // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы тринадцатой международной научно-практической конференции: в 2 ч. Барнаул: Барнаул. юрид. институт МВД России, 2015. Ч. 1. С. 142–143.

² *Лебедев Н.Ю.* Процессуальная самостоятельность следователя – гарантия обеспечения прав участников уголовного процесса // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегодной межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой памяти заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Е.Н. Тихонова / под ред. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 7–8. С. 196–199.

ких принципиально значимых положений. К таковым, в частности, относятся: наличие феномена противодействия как объективно присутствующему процессу расследования преступлений; необходимость (целесообразность) реализации определенных тактико-превентивных средств в ходе подготовки и непосредственного производства следственных действий (в том числе предъявления для опознания); оценка допустимости реализации отдельных элементов данной идентификационной процедуры, способных негативным образом повлиять на результаты последней.

Анализ соответствующих положений УПК РФ, обобщение результатов научных дискуссий и опыта правоприменительной практики позволяют определить ряд требующих своего решения проблемных вопросов тактики предъявления для опознания.

1. Необходимость исключения всякого рода наводящих воздействий как в ходе подготовки, так и непосредственно при производстве предъявления для опознания. Закон (ч. 7 ст. 193 УПК РФ), как известно, запрещает постановку наводящих вопросов, поскольку таковые, так сказать, «ориентируют» (наводят) опознающего на определенную формулировку его ответа, определяя собой психологический феномен суггестивного воздействия. Однако потенциальная сфера реализации такового воздействия гораздо шире простой вербальной (вопросной) формы ее проявления и может быть представлена комплексом вербальных либо невербальных проявлений внушающего характера (в отношении опознающего лица) не только в ходе производства опознания, но и на этапе его подготовки.

2. Согласно ч. 3 ст. 193 УПК РФ не может проводиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам. Именно психологический механизм предъявления для опознания предопределяет неповторимость данного следственного действия. В основе запрета на проведение повторного опознания, как нам представляется, находятся несколько факторов:

– психологический феномен суггестивного воздействия (что может проявиться как в форме самовнушения опознающего лица на опознание конкретного объекта при повторном опознании – так называемая ауто-суггестия, так и в форме внушающего воздействия «со стороны», в том числе действий наводящего характера – так называемая гетеросуггестия);

– отсутствие должной познавательной способности повторного опознания – одной из необходимых функций следственных действий;

- отсутствие свойства целостности (системности) доказательственной информации, полученной в процессе повторного опознания;
- ненадлежащее выполнение следователем тактико-прогностической функции при подготовке к акту первоначального опознания (игнорирование объективных или субъективных факторов, включая повышенную степень тактического риска, а как следствие – получение отрицательного результата).

Однако остается дискуссионным вопрос об *иных признаках*, по которым, исходя из смысла закона, допускается повторное опознание (возможный вариант – проведение повторного опознания, если первичное производилось по фотографии объекта).

3. Существует и ряд других, требующих своего разрешения, проблем предъявления для опознания (целесообразность / необходимость и условия обеспечения безопасности опознающих, в том числе малолетних; необходимость учета возможных линий поведения опознаваемого лица, способных негативно повлиять на результат опознания; особенности подбора статистов в сельской местности, обусловленные фактором знакомства лиц, проживающих на данной территории; и др.).

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТАКТИКИ ДОПРОСА МАЛОЛЕТНИХ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ, ПОТЕРПЕВШИХ ОТ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

А.С. Фомина

Сегодня в России дети все чаще становятся жертвами насилия. Ежегодно в стране умирают от побоев до 200 тыс. подростков, органы внутренних дел регистрируют 7–8 тыс. случаев сексуального насилия над детьми. И это только те эпизоды, по которым возбуждаются уголовные дела, в реальности же латентных преступлений гораздо больше¹.

При расследовании сексуального посягательства, совершенного в отношении ребенка, уголовное дело должно быть поручено следо-

¹ Кулишова А.С. Реабилитация несовершеннолетних лиц, подвергшихся сексуальному насилию // Общество и право. 2011. № 4. С 15.

вателю, специализирующемуся по данной категории дел. Более того, необходимо создавать специализированные следственно-оперативные группы, в которые, наряду со следователем и работниками органов дознания, должны быть включены на постоянно действующей основе психологи, психиатры, сексологи, педагоги. Установить психологический контакт с подобной категорией жертв весьма сложно, да и возрастные особенности малолетних и несовершеннолетних затрудняют процесс расследования как таковой, и в частности, производство отдельных следственных действий, например, допросов и очных ставок. Необходимо согласиться с С.Н. Боковым, который предлагает разрабатывать методические и тактические подходы к расследованию преступлений в отношении несовершеннолетних «с учетом периода возрастного развития»¹.

В этой связи важной представляется ст. 191 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ), предусматривающая обязательное участие педагога или психолога при проведении допроса и иных следственных действий с участием потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (при этом законодатель отмечает, что по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога **обязательно**). Тактически значима временная регламентация допроса малолетних и несовершеннолетних, установленная данной статьей.

В связи с этим возникает вопрос: какова должна быть квалификация педагога или психолога? В качестве педагога может быть привлечен классный руководитель подростка, либо преподаватель по любимому предмету ребенка, либо социальный педагог. Однако если в школе у ребенка существует конфликтная ситуация, то целесообразнее приглашать педагога из другого учебного заведения. Что же касается психологов, то это должны быть специалисты, работающие именно с детьми, имеющие соответствующую подтвержденную квалификацию. Детские психологи должны быть включены

¹ Боков С.Н. Значение концепции возрастной периодизации психического развития для расследования преступлений несовершеннолетних // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. трудов / под ред. О.Я. Баева. Воронеж, 2015. Вып. 17. С. 44.

ны в штат следственных органов. Крайне необходимо создание комфортных условий для общения с жертвами (в частности, оборудование «детских» комнат на базе следственных отделов – примером является специализированная комната, подготовленная отделом криминалистики СУ СК РФ по Воронежской области). Немаловажно налаженное взаимодействие следователей с социальными педагогами, а также центрами реабилитации несовершеннолетних, подвергшихся сексуальному насилию, кризисными центрами.

Следует использовать и нетрадиционные формы взаимодействия с детьми, подвергшимися сексуальному насилию, в частности, гипнорепродукционный опрос.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПАПИЛЛЯРНЫХ УЗОРОВ И ИХ ФОРМАЛИЗАЦИЯ

И.С. Фоминых

Существующая на данный момент классификация папиллярных узоров, основанная на работах Ф. Гальтона и Э. Генри, во многом отвечает нуждам практической работы с пальцевыми отпечатками. В то же время эта классификация является недостаточно дифференцированной для осуществления некоторых научных исследований, требующих более точной формализации различных разновидностей папиллярных узоров. В данной статье предлагается оптимальный в использовании метод дифференциации простых и пирамидальных дуговых узоров, одновременно дающий возможность их точной формализации по степени кривизны дуг.

Отправной точкой создания предлагаемого метода, основанного на геометрических построениях, послужило само название одного из видов дуговых узоров – «пирамидальные». Исходя из того, что сам термин, скорее всего, изначально был основан на сугубо образном восприятии, было решено взять за основу метода геометрические пропорции классических пирамид – архитектурных сооружений, основанных на так называемом «золотом сечении (пропорции)»¹.

¹ Золотая пропорция – это равенство отношений целого a к большему b и большего b к меньшему c ($a:b=b:c$). Деление целого по золотой пропорции с

210

Отношение длины основания классической пирамиды к её высоте равно 1,618 и обозначается символом Φ (рис. 1, 1). Именно это соотношение положено в основу предлагаемого метода.

Необходимые геометрические построения и расчёты предлагается производить на базе срединной линии верхнего (дистального) потока папиллярных линий, формирующего основной рисунок дугового узора. Выбор срединной линии продиктован тем, что нижние линии потоков этих видов дуговых узоров могут иметь одинаковую кривизну, а верхние линии слишком удалены от основной части рисунка и по своей кривизне мало ему соответствуют, являясь, по сути, его «отдалённым эхом».

Геометрические построения рекомендуется производить на увеличенных и распечатанных копиях исследуемого узора. Увеличение масштаба никоим образом не влияет на соотношение измеряемых величин и только способствует повышению точности производимых расчётов.

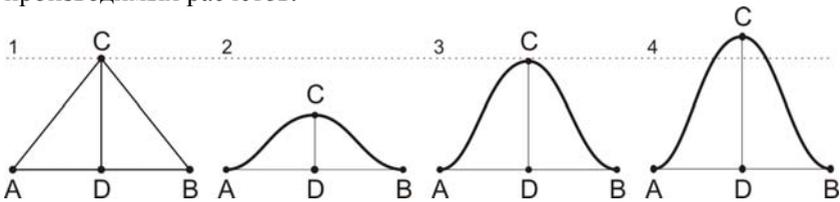

Рис. 1. Геометрические пропорции классической пирамиды и различных видов дуговых узоров:

1 – пирамида; 2 – пропорции простого дугового узора; 3 – пропорции дугового узора, полностью соответствующие правилу «золотого сечения»; 4 – пропорции пирамидального дугового узора

Предлагаемый метод дифференциации дуговых узоров состоит в следующем:

1. Берутся две базовые точки срединной линии верхнего потока в местах начала взъёма линии (на рис. 1, 2–4 обозначены как А и В) и измеряется расстояние между ними (длина отрезка АВ).

давних пор известно как золотое сечение. Универсальное число 1,6180339... получило обозначение Φ в честь древнегреческого зодчего Фидия (490–430 до н. э.) [См.: Цветков В.Д. Золотая гармония и сердце. Пушино: Фотон-век, 2008. С. 9].

2. Третья базовая точка берётся на вершине срединной линии (на рис. 1, 2–4 обозначена как С) и через неё проводится прямая, перпендикулярная отрезку АВ, точка пересечения с которым является четвёртой базовой точкой (на рис. 1, 2–4 обозначена как D). Измеряется длина отрезка CD.

3. Вычисляется коэффициент k соотношения длин отрезков АВ и CD:

$$k = \frac{|AB|}{|CD|} .$$

В случае если $k > \Phi$ ($\Phi = 1,618$), данный дуговой узор предлагается относить к простым. Если $k \leq \Phi$, то узор относится к пирамидальным.

Предлагаемый метод может быть использован не только для дифференциации простых и пирамидальных дуговых узоров. На основе вычисленного коэффициента k возможна формализация данных о степени кривизны дуг данного типа папиллярного узора в дополнение к существующим методам¹, что может найти своё применение в различных научных исследованиях.

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА

А.И. Хмыз

При расследовании преступлений, совершенных с использованием электронной формы документа, перед правоохранительными органами стоит задача установления его исполнителя. Принципиальная возможность решения этой задачи обоснована результатами ранее проведенного исследования².

¹ Мазур Е.С. Дерматоглифика в исследованиях личности: криминалистический и судебно-медицинский аспекты / под ред. В.Н. Звягина. Томск: Изд. Дом ТГУ, 2014. С. 43.

² Кремень Е.В. Основы работы в Word: учеб. справочник / Е.В. Кремень, Ю.А. Кремень. Минск: ТетраСистемс, 2011. 288 с.

Однако отсутствие четкой научно разработанной системы разграничения общих и частных признаков, отображающихся в электронном документе, а также в его материализованной форме, исключает в настоящее время проведение идентификационных исследований.

Е.А. Ковалюх, М.Н. Шухнин предложили классификацию признаков документов, подготовленных в текстовом редакторе «Microsoft Word», разделив их на две группы: признаки, позволяющие установить автоматизированное рабочее место пользователя, и признаки, позволяющие установить лицо, подготовившее электронный документ¹. Приведенные указанными авторами признаки, по их утверждению, дают возможность условно классифицировать пользователей на три группы: с низким, средним и высоким уровнем владения средствами компьютерной техники.

Безусловно, дифференциация пользователей на группы имеет значение для организации поисковых мероприятий, однако этого недостаточно для идентификации конкретного исполнителя электронного документа. Исходя из этого, требуется дальнейшая разработка системы частных, а также совершенствование общих признаков.

Часть признаков, которые, по нашему мнению, следует рассматривать как общие и частные признаки исполнителя электронного документа, указаны в статье А.И. Хмыза².

Рациональным звеном при определении общих и частных признаков, характерных для исполнителя электронного документа, является аналогия с исследованием рукописных записей, в которых отражается письменно-двигательный навык выполнившего их человека.

При определении частных признаков почерка учитываются в первую очередь отклонения букв, цифр и их элементов от норм прописи.

¹ Ковалюх Е.А., Шухнин М.Н. Классификация признаков электронных документов, подготовленных в текстовом редакторе «Microsoft Word» // Судебная экспертиза. 2008. № 2. С. 73–80.

² Хмыз А.И. Получение розыскной информации в ходе исследования электронных документов и их материальных отображений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12. С. 184–189.

К оформлению документов, в свою очередь, предъявляются определенные требования, сформулированные в ГОСТе Р 6.30–2003. В силу того, что требования носят рекомендательный характер, отдельные организации, учреждения вправе разрабатывать на основе Стандартов и вводить для внутреннего употребления *свои правила* составления организационно-распорядительных и иных документов. Исходя из этого, возможна дифференциация профессиональной принадлежности исполнителя документа.

Кроме этого, существуют основные правила набора содержательной части электронного документа в текстовом редакторе, например, «Microsoft Word». Эти правила касаются нажатия клавиши «Enter»; размещения знаков препинания, пробелов; употребления знаков дефиса, тире и т.д.

Используя вышеназванную аналогию, на наш взгляд, при определении частных признаков исполнителя электронного документа следует учитывать любые отклонения от правил набора текста документа. При этом возможно выделение соответствующей группы частных признаков.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМАНДИРА ВОИНСКОЙ ЧАСТИ КАК ОРГАНА ДОЗНАНИЯ

И.Д. Хомяков

В марте 2015 г. Указом Президента Российской Федерации № 161 в некоторые нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность военнослужащих, были внесены изменения¹. Так, в ст. 79 Устава внутренней службы указано, что «в ходе выполнения боевых задач воинской частью командир, руководствуясь требованиями боевых уставов, должен принимать меры по соблюдению норм международного гуманитарного права, а виновных в их нарушении привлекать к дисциплинарной ответственности. При этом в случае обнаружения в действиях (бездействии) подчиненных, нару-

¹ *Об утверждении* Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25 марта 2015 года № 161 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 13. Ст. 1909.

шивших указанные нормы, признаков преступления командир воинской части незамедлительно уведомляет об этом военного прокурора, руководителя военного следственного органа Следственного комитета Российской Федерации, органы военной полиции и принимает меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации»¹. Что имел в виду законодатель, изменив формулировку «возбуждает уголовное дело» на «принимает меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации»? И вообще нужны ли командиру воинской части процессуальные полномочия по возбуждению уголовного дела?

В каждой воинской части внутренних войск, за исключением военных образовательных организаций, есть помощник командира воинской части по правовой работе – дознаватель воинской части из расчета один человек в батальоне.

Также командир воинской части, соединения может уполномочивать в соответствии с п. 7 ст. 5 УПК РФ своим письменным приказом наиболее подготовленных и дисциплинированных подчиненных ему офицеров осуществлять процессуальные полномочия органа дознания. На практике в служебной деятельности все процессуальные документы готовят в воинских частях дознаватели в составе юридической службы (или нештатные дознаватели, назначенные приказом командира воинской части). Да и ст. 53, 56 Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов определяют, что постановление, вынесенное дознавателем, подлежит утверждению командиром. То есть получается, что командир номинально только утверждает составленное дознавателем постановление. Тогда возникает вопрос: а нужно ли такое утверждение процессуального документа, составленное, по мнению автора, не полномочным лицом? Наверное, нет. Ведь какое бы решение ни принял назначенный командиром дознаватель воинской части, оно все равно будет утверждено.

На взгляд автора, у командира воинской части не должно быть процессуальных полномочий, указанных в пп. 1, 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

¹ Лебедев Н.Ю., Хомяков И.Д. Особенности расследования преступлений, совершенных военнослужащими внутренних войск МВД России // Закон и право. 2015. № 7. С. 124–128.

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ХИМИКО- ФАРМАКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ¹

А.В. Шебалин

В настоящее время довольно острой стала проблема отнесения изъятых веществ к аналогам наркотических средств. О принципиальной правовой возможности отнесения вещества к аналогу наркотического средства и возможности привлечения к уголовной ответственности за незаконные действия с этими объектами довольно ясно высказал свою позицию Конституционный Суд Российской Федерации². Для выяснения того, является ли изъятое вещество аналогом запрещенного наркотического средства, назначается комплексная химико-фармакологической судебная экспертиза, производство которой осуществляется экспертом-химиком и экспертом-фармакологом. Анализ практики назначения рассматриваемой экспертизы показал, что на территории Алтайского края ее проведение осуществляется только в ЭКО Регионального управления Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков по Алтайскому краю.

Кроме того, комплексная химико-фармакологическая судебная экспертиза проводится экспертами Регионального испытательного центра «Фарматест» ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации. В случае ее назначения в РИЦ «Фарматест» необходимо вынести постановление о назначении экспертизы и составить сопроводительное письмо. В этой ситуации экспертиза производится платно, оплата осуществляется из средств бюджета соответствующей

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-33-01160.

² *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плеских Дениса Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 228, 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»: определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 2358-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» / Компания «КонсультантПлюс». Электрон. дан. [М.]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/obob#top>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 10.02.2016).

шего правоохранительного органа на основании договора на оказание услуг по проведению химико-фармакологической экспертизы. Для доставки изъятого вещества и постановления о назначении экспертизы в г. Пермь необходимо пользоваться услугами территориальных подразделений ФГУП «Главный центр специальной связи».

Перед экспертами ставятся следующие вопросы:

1. Является ли представленное на исследование вещество наркотическим средством, психотропным веществом или их аналогом?

2. Являлось ли представленное на исследование вещество наркотическим средством, психотропным веществом или их аналогом на момент изъятия из незаконного оборота, т.е. на 11.02.2016, и какова его масса?

3. Какова масса вещества, израсходованная для проведения исследования?

СПЕЦИФИКА ИЗЪЯТИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Н.В. Шепель

Звуковой фон преступной деятельности, звучащая речь и акустическая обстановка, зафиксированные на материальном носителе, играют важную роль для оперативного установления лица, причастного к преступлению, а также успешного раскрытия преступлений. Спецификой фонограмм как доказательств является необходимость применения специальных знаний для проверки подлинности, достоверности, а зачастую – и относимости к делу записанной на фонограмме информации, а потому в большинстве случаев назначается судебная фоноскопическая экспертиза.

Как показывает экспертная и судебная практика, заключения фоноскопической экспертизы не лишены экспертных ошибок, причиной которых нередко является предоставление недоброкачественных материалов для сравнительного исследования, что влечет одно-

сторонность и неполноту проведенного экспертного исследования¹. В этой связи одна из задач следователя или оперативного сотрудника, изымающего образцы голоса и речи для сравнительного исследования, – обеспечить оптимальные условия для записи образцов и исключить возможности искажения или утраты речевых признаков.

Так, согласно «Методическим рекомендациям...» о проведении судебных экспертиз фонограмм² в распоряжение эксперта, как правило, должны быть предоставлены образцы голоса и речи в виде развернутых ответов (а лучше – в виде свободной беседы) длительностью не менее 15 минут (чистой речи лица, не считая пауз). Рекомендуется попросить подозреваемого произнести реплики из разговора, звучащего на фонограмме (не читая с листа, а повторяя их за следователем), при этом учитывать специфику изъятия, которая заключается в следующем:

1. Для достижения максимальной сопоставимости по техническим параметрам спорных фонограмм и образцов использовать то же звукозаписывающее устройство, на котором производилась и запись спорной фонограммы.

2. Не допускаются различия в эмоциональном состоянии дикторов на спорной фонограмме и образцах.

3. Запись производится с использованием выносного микрофона. Необходимо, чтобы микрофон был направлен на диктора и находился перед ним на расстоянии 30–40 см. Для уменьшения шумов, передаваемых через мебель, на которой расположен микрофон, подставку микрофона следует разместить на мягком материале (поролон, шарф и т.п.).

4. При изъятии образцов голоса на цифровое устройство использовать диктофон, записывающий только в формате «WAV»! Следить за тем, чтобы диктор, чьи образцы изымаются:

– не производил различные шумы (например, категорически запрещается стучать пальцами рук по мебели или ногами по полу);

¹ *Росинская Е.Р.* Судебная экспертиза: типичные ошибки. М.: Проспект, 2012. С. 53.

² *Методические* рекомендации по вопросам, решаемым фоноскопическими экспертизами и исследованиями 30.04.2013 исх. № 8/2-450 ГУ МВД России по Алтайскому краю: Файл с текстом методических рекомендаций размещен на сервере ГУ МВД России по Алтайскому краю, в каталоге «O:\SLUGBY\EKU\ОФЭ\! Фоноскопическая экспертиза».

– не искажал речевые признаки (во время изъятия образцов голоса нельзя курить, жевать, держать посторонний предмет – конфету, спичку и т.п. – во рту, прикрывать чем бы то ни было нос или рот).

Наиболее распространенными ошибками при получении образцов голоса и речи, приводящих их к непригодности, являются:

- изъятие образцов в помещении с голыми стенами, без мебели;
- изъятие образцов при наличии посторонних шумов, стуков, голосов (даже доносящихся из коридора или из открытого окна, форточки), музыки, треска, скрипа, сигналов вызова телефона, шума работающего вентилятора;
- изъятие образцов в форме чтения (необходимо повторять речь за следователем).

Таким образом, успешное проведение идентификационных исследований по голосу и речи во многом зависит от качества изъятия образцов для сравнительного исследования голоса и речи лица, подлежащего идентификации.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ДЕЛИКТАХ, СВЯЗАННЫХ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

С.В. Шошин

Многообразные проявления процессов глобализации, свойственные современным общественным отношениям, не делают исключения для оказания своего влияния и на процесс расследования уголовных дел о деликтах, в той или иной степени связанных с деятельностью транснациональных преступных групп. Можно в связи с этим согласиться с мнением Д.С. Хижняка, считающего актуальным учет самых различных факторов в процессе организации расследования подобных деликтов. Он акцентировал внимание на обусловленном множестве разнообразных эпизодов деятельности транснациональных криминальных структур значительном объеме обстоя-

тельств, которые включены в число обстоятельств, подлежащих доказыванию по данному уголовному делу¹.

В силу этого нередко возникает вопрос о производстве такого расследования группой следователей. Количество следователей и их ведомственная принадлежность определяются обстоятельствами, сложившимися в конкретном случае расследуемых событий. Отдельного анализа заслуживает аспект организации взаимодействия следователя (следственной группы) с оперативными, следственными и иными компетентными органами иностранных государств. Любопытными оказываются и особенности совместной деятельности при расследовании конкретного деликта российских следственных подразделений и международных организаций. Интерес вызывает, например, взаимодействие с ИКАО (Международная организация гражданской авиации) (International Civil Aviation Organization), штаб-квартира которой расположена в г. Квебеке (Канада). Практика организации взаимодействия российских правоохранительных органов с ИКАО, в том числе описанная в отечественной юридической литературе², предполагает считать актуальным выработку конкретного алгоритма, который способен оказаться востребованным при проведении подобных расследований. Такой алгоритм вполне сможет логически последовательно включиться составной частью в содержание криминалистической методики расследования. Станет ли он частью методики расследования преступлений, совершенных организованной преступностью, или явится основой для формирования новой методики расследования транснациональных деликтов – покажет время. Возможно, что такой алгоритм будет включен в какие-либо иные методики расследования деликтов.

Другой особенностью организации расследования уголовных дел о проявлениях криминальной деятельности транснациональной преступности можно назвать периодически возникающую потребность в проведении отдельных следственных действий (и (или) оперативно-розыскных мероприятий) на территориях иностранных го-

¹ *Хижняк Д.С.* Особенности планирования расследования транснациональных преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Иркутск: БГУ, 2012. № 1. С. 294.

² *Куркина А.И., Пинясова О.А.* Экспертная оценка участия ИКАО в расследовании авиационных происшествий // Научный альманах: ООО «Консалтинговая компания Юком». Тамбов. 2015. №11–4 (13). С. 454–457.

сударств, испытывающих некоторые проблемы в сфере государственного управления. В этом случае актуальность приобретает обеспечение физической безопасности участников подобных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Здесь можно обнаружить наличие обширного поля для развития и международных документов, и дипломатической практики, и криминалистической теории. Возможно, востребовано будет и компаративистское исследование этой проблемы.

О СТРАТЕГИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕНОМНОЙ ИНФОРМАЦИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Н.В. Шухова

Категории лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации, с принятием поправок к № 242-ФЗ планируется дополнить¹. Сегодня этот перечень включает: 1) лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; 2) неустановленных лиц, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий; 3) неопознанные трупы. Существует также добровольная геномная регистрация. С расширением списка за счет учета: 1) всех осужденных и отбывающих наказание за совершение преступлений; 2) ранее отбывших наказание за совершение тяжких или особо тяжких преступлений; 3) подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, подвергнутых административному аресту². Можно сказать, что геномная регистрация по охвату категорий лиц приблизится к дактилоскопическим учетам.

В соответствии с действующим законодательством на использование геномной информации имеют право суды, органы предвари-

¹ *Филалеев М.* Предъявите ваши гены [Электронная версия] // Российская газета. 2015. № 6729. URL: <http://www.rg.ru/2015/07/21/genom.html> (дата обращения: 22.01.2016). URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=31053>.

² *О государственной геномной регистрации в РФ* [Электронный ресурс]: федер. закон от 3 дек. 2008 г. № 242-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

тельного следствия, органы дознания и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Стратегии использования учетных данных различны:

– если есть основания полагать, что идентифицируемый зарегистрирован ранее в системе государственной геномной регистрации, то уполномоченное должностное лицо по официальному запросу может осуществить поиск по совпадению признаков ДНК проверяемого лица с хранящимися ДНК – профилями установленных лиц, зарегистрированных в базе данных. Выявленное тождество позволяет идентифицировать проверяемое лицо;

– если идентифицируемый профиль ДНК не совпал ни с одним из профилей ДНК известных лиц, то он сопоставляется с профилями неустановленных лиц, чьи ДНК определены по следам, изъятым с мест других нераскрытых преступлений. При совпадении есть возможность связать между собой различные эпизоды преступной деятельности одного подозреваемого;

– стратегия «поиска родственников»¹ основана на знании биологических законов наследования и исследовании ДНК близких родственников, которые имеют значительное сходство. «Кандидаты на родство» упорядочиваются, что позволяет обозначить круг родственников и в конечном счете разыскать идентифицируемого (например, подозреваемого в совершении преступления). Недостатком является то, что профили ДНК неродственных индивидуумов также (случайно) могут иметь сходные признаки, хотя и в меньшем количестве, чем у родственников. Успех реализации стратегии зависит от полноты базы данных, от возможности охватить широкий круг лиц ДНК-учетом. Однако при использовании биометрических персональных данных родственников о геноме имеет место вопрос о профилактике злоупотреблений и о реализации права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну человека.

В условиях практической значимости стратегии «поиска родственников» и обсуждения недостатков ее применения просматривается необходимость в разработке соответствующих криминалистических рекомендаций.

¹ *Перепечина И.О.* Применение систем ДНК-регистрации для установления родственников разыскиваемых преступников // Вестник криминалистики. 2010. Вып. 2 (34). С. 11–17.

О РОЛИ ДОСТИЖЕНИЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С.В. Шушпанов

В условиях изменения структуры и динамики преступности, роста ее организованных и технически высоко оснащенных форм, профессионализации преступной деятельности неизмеримо возрастает роль науки и техники, позволяющих правоохрнительным органам оперативного противопоставить вызову преступного мира новые криминалистические высокоэффективные научные разработки и современные технологии¹.

Ученые-криминалисты отмечают, что идет активный процесс интеграции знаний в криминалистику из различных областей.

Характерными особенностями этого процесса, во-первых, является постоянное расширение круга решаемых задач, увеличение объема работ, производимых новыми исследованиями; во-вторых, существенное возрастание роли «немых свидетелей» преступлений в силу объективизации процесса доказывания. И, в-третьих, это происходит ещё и потому, что свидетелей-очевидцев становится все меньше, они все с большей неохотой дают показания, все чаще обманывают, выгораживают преступников, в особенности членов оргпреступных формирований, опасаясь за свою жизнь, имущество и др. В этой связи экспертные исследования следов и предметов – вещественных доказательств приобретают все большее значение, особенно если они проводятся на новейшем аналитическом оборудовании, позволяющем «прочитать» такие следы, которые раньше вообще считались «нечитаемыми», а потому и не использовались в доказывании по уголовным делам.

Наиболее важным технологическим прорывом в правоохрнительной деятельности со времен изобретения традиционной дактилоскопии сегодня можно назвать ДНК-анализ в идентификации личности. Процесс научно-технических исследований в области идентификации личности человека прошел ряд закономерных исторических этапов, это: антропометрия Бертильона, дактилоскопия, кри-

¹ Лебедев Н.Ю. Формы разрешения (завершения) уголовно-процессуальных конфликтов при расследовании преступлений // Закон и право. 2009. № 5. С. 44–49.

миналистическая габитоскопия, биохимия человека и «вершина» всех исследований – ДНК-анализ (или ДНК-тестирование). Современная технология в области ДНК-анализа имеет огромные перспективы в криминалистике по идентификации личности. Точность метода превышает точность традиционной дактилоскопии по отпечаткам пальцев, так как определение основано на большей совокупности параметров, характерной для индивидуума. Геномная дактилоскопия позволяет выявить индивидуальные особенности человека.

Развитие информатики и электронной техники привело к появлению новой формы изображения – цифровой. Появились устройства для получения, обработки и хранения цифровых изображений. Цифровая технология развивается и становится ближе к простым потребителям. За последние десять лет появились: цифровые фото- и видеокамеры, глобальная компьютерная сеть, фото- и мультимедиа, компакт-диски, принтеры для получения отпечатков фотографического качества (в том числе и на фотографических материалах).

Более широкого практического применения заслуживают криминалистические слепообразующие средства, представляющие собой различные химические вещества в виде порошков, мазей, пахучих, люминесцирующих и иных препаратов, трудносмываемые или невидимые в обычных условиях, но легко обнаруживаемые с помощью специальных приборов или несложных химических реакций.

Знание и развитие новых возможностей криминалистики и широкое их применение в борьбе с преступностью – важнейшая задача отечественных криминалистов.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

В.Л. Юань

Основываясь на утверждении о значительном влиянии объема информации первичных материалов уголовного дела на задачи рас-

следования¹, усматривается необходимость в исследовании вопроса о системе криминалистических методов исследования личности преступника.

В криминалистической науке распространенным является следующий перечень методов криминалистического исследования личности преступника: во-первых, это опрос информированных лиц, способных дать сведения о личности преступника; во-вторых, это непосредственное наблюдение личности преступника (в частности, если в отношении его избрана мера пресечения в виде содержания под стражей); в-третьих, это анализ уголовного дела; в-четвертых, это анализ неформализованных источников, содержащих сведения о личности преступника, и в-пятых, это биографический метод².

Приведенные методы, за исключением биографического метода, можно условно разбить на две группы:

Методы группы А. Опосредованные методы, в которых между сведениями о личности преступника, получаемыми следователем, находятся другие лица. Сюда включаются такие методы, как опрос информированных лиц и анализ неформализованных источников. Методы данной группы объединяет наличие оценок, характеристик и суждений со стороны других лиц, которые в разной степени искажают исходные факты о личности преступника³. О значимости фактора искажения данных при субъективном восприятии информации свидетельствуют результаты последних открытий в области исследования устной речи в криминалистической науке⁴.

Методы группы Б. Непосредственные методы, в которых источниками происхождения являются зафиксированные факты или реальная действительность. Сюда относятся такие методы, как наблюдение личности преступника и анализ уголовного дела. Характерная особенность методов данной группы заключается в отсутствии меж-

¹ *Исмагилов Ф.В.* Некоторые проблемные вопросы расследования дорожно-транспортных преступлений // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сб. ст. Томск, 2005. Ч. 28. С. 53.

² *Ведерников Н.Т.* Избранные труды. Т. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 239–241.

³ *Ахмедшин Р.Л.* Юридическая психология: курс лекций. Томск: Эль Кон-тент, 2011. С. 167.

⁴ *Алексеева Т.А.* Основные проблемы исследования устной речи в криминалистике // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 153–154.

ду источниками информации и следователем оценок других лиц, уменьшающих практическую ценность полученных данных.

Поскольку биографический метод предполагает сбор сведений о личности преступника посредством других методов, можно сделать вывод о его структурирующем характере.

Таким образом, по результатам проведенного исследования предлагается следующая схема применения криминалистических методов исследования личности преступника: 1) применение методов группы А; 2) применение методов группы Б с возможностью подтверждения, детализации и уточнения сведений, полученных методами группы А; 3) применение биографического метода, в котором будут собраны, сведены в систему и сопоставлены между собой данные, полученные при использовании методов группы А и Б.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

М.О. Ясенева

С 1 июля 2015 г. Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 264.1. За 6 месяцев 2015 г. территориальными органами внутренних дел Алтайского края уже зарегистрировано 1 349 таких преступлений, возбужденных по ст. 264.1 УК РФ, из них направлены в суды 1 119 уголовных дел¹. Однако при выявлении и расследовании преступлений данной категории наблюдаются ошибки, вызванные недоучетом положений криминалистической характеристики преступлений.

Ученые-криминалисты выделяют разные элементы криминалистической характеристики. Так, например, А.И. Звягин, анализируя элементы криминалистической характеристики преступлений, выделил 19 наиболее встречаемых элементов².

¹ Информационный Центр ГУ МВД России по Алтайскому краю.

² Звягин А.И. О соотношении криминалистической характеристики преступлений и механизма преступления // Научная состоятельность криминалистиче-
226

С.И. Коновалов выделил 5 элементов¹, беря за основу индекс встречаемости элементов криминалистической характеристики преступлений².

На наш взгляд, сведения, содержащиеся в криминалистической характеристике преступлений, должны представлять собой научно обоснованные данные, типичные для преступлений конкретного вида или группы.

Основываясь на мнении ученых-криминалистов, мы пришли к выводу, что в числе основных элементов криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, следует выделить:

– данные о лице, совершившем преступление (ст. 264.1 УК РФ), так как личность преступника отражается в «следовой картине» преступления, поэтому необходимо изучить сведения о свойствах личности преступника;

– сведения об обстановке совершения нарушений правил дорожного движения, потому что обстановка, в которой происходит нарушение правил дорожного движения, обуславливает выбор преступником способа совершения преступления, а также влияет на механизм следообразования;

– сведения о следах совершения преступления, предусмотренно ст. 264.1 УК РФ, так как названия преступления отличаются наличием специфических идеальных и материальных следов, в качестве которых выступают следы биологического происхождения преступника, следы-документы, технические и программные средства МВД России;

– информация о способе совершения преступления формируется посредством изучения последствий преступной деятельности, ведь именно это исследование позволяет получить информацию о том, что конкретно произошло, чем характеризуется преступное поведение лица, совершившего преступление, какими свойствами личности оно обладает.

ской характеристики преступления: информационный бюллетень Академии МВД России. М., 2002. № 17. С. 51.

¹ Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 99–101.

² Шебалин А.В. Расследование хищений средств сотовой связи: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 19.

В заключение следует отметить, что актуальность изучения криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, определяется тенденцией их роста, ставящей задачу решения комплекса проблем, возникающих при раскрытии, расследовании и предупреждении данной группы преступных деяний.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ВУЗЕ

С.В. Яценко

Криминалистические знания – знания из области криминалистики, в широком смысле необходимые сотрудникам правоохранительных органов для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Эти знания формируются в период обучения в юридическом вузе (на факультете) и относятся к базовой части профессионального цикла. Их отличительной особенностью является ярко выраженная практическая направленность, способствующая подготовке грамотных компетентных специалистов. Это актуально, прежде всего, для ведомственных вузов МВД России, а также для гражданских образовательных учреждений, одним из направлений специализации в которых является уголовно-правовая, в связи с тем, что ежегодно часть выпускников устраиваются работать в правоохранительные органы.

Формирование криминалистических знаний осуществляется поэтапно в течение 2–3 семестров, как правило, на 3–4-м году обучения согласно рабочему учебному плану, предусмотренному для изучения криминалистики.

Помимо этого, дальнейшее совершенствование этих знаний, например в БЮИ МВД России, продолжается на последних курсах учебы при изучении курсантами и слушателями ряда спецкурсов типа «Расследование преступлений против личности и собственности», «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» и др.

Несмотря на столь продолжительный период изучения криминалистики и родственных ей дисциплин, результаты интервьюирова-

ния выпускников и руководителей отдельных структурных подразделений органов внутренних дел говорят о целесообразности расширения объема криминалистических знаний, прежде всего базовых, которые позволяют участвующим в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях (ОРМ) успешно собирать различные следы и вещественные доказательства, эффективно использовать при этом современную технику.

В этой связи следует упомянуть о том, что сотрудники экспертных (криминалистических и др.) подразделений в системе МВД России, не имеющие высшего юридического образования, впервые принятые на службу после окончания гражданских вузов, всегда проходят первоначальное обучение на право самостоятельного участия в качестве специалистов в следственных действиях и ОРМ.

Убеждены, что и в юридических вузах в рамках обучения необходимо ввести аналогичный спецкурс «Участие сотрудников правоохранительных органов в качестве специалистов в следственных действиях и ОРМ», взяв за основу и скорректировав уже существующую и успешно используемую на практике упомянутую программу подготовки экспертов. Для того чтобы эффективность занятий в рамках спецкурса была достаточно высокой, необходимо регулярно привлекать к их проведению сотрудников экспертных подразделений различных специальностей.

Таким образом, реализация этого предложения позволит повысить не только общий уровень криминалистических знаний у выпускников, но и сформировать необходимые навыки у будущих сотрудников правоохранительных органов.

ОБ АВТОРАХ

Алексеева Татьяна Александровна – ассистент кафедры геоинформатики и кадастра Института кадастра, экономики и инженерных систем в строительстве Томского государственного архитектурно-строительного университета, ст. преподаватель кафедры уголовного права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники

Антонов Тимофей Геннадьевич – кандидат юридических наук, ст. преподаватель Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Ануфриева Екатерина Андреевна – кандидат юридических наук, завкафедрой теории и истории государства и права Новосибирского гуманитарного института

Ануфриева Наталья Андреевна – следователь СО МСО «Змеиногогорский» ГУ МВД России по Алтайскому краю, аспирант Бурятского государственного университета

Архипов Андрей Валерьевич – судья Томского областного суда

Ахмедшин Рамиль Линарович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Батраков Алексей Владимирович – ст. преподаватель кафедры публичного права Сибирского государственного университета путей сообщения

Баянов Александр Иванович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Юридического института СФУ

Баянов Дмитрий Андреевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Беккер Татьяна Александровна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Беларева Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса НФИКемГУ

Белицкий Владислав Юрьевич – доцент, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса БЮИ МВД России

Беседина Евгения Борисовна – кандидат медицинских наук, ст. преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

Боков Сергей Никанорович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры общей и юридической психологии, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета

Бондаренко Наталья Сергеевна – судья Емельяновского районного суда Красноярского края

Бочкарев Владимир Викторович – преподаватель кафедры организации режима и надзора в УИС Кузбасского института ФСИН России

Брагина Анна Григорьевна – кандидат юридических наук, начальник адъюнктуры Барнаульского юридического института МВД России

Васильев Игорь Валерьевич – кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Новосибирского государственного университета

Вельтмандер Алексей Тимурович – кандидат юридических наук, помощник судьи Зырянского районного суда Томской области

Воронин Сергей Эдуардович – профессор, доктор юридических наук, завкафедрой криминалистики Сибирского института бизнеса, управления и психологии

Глазунов Борис Борисович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Горелкин Алексей Геннадьевич – кандидат медицинских наук, ст. преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения Новосибирского государственного университета

Громова Анастасия Викторовна – кандидат филологических наук, ст. эксперт Экспертно-криминалистического центра МВД России

Грушин Федор Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, докторант Академии ФСИН России

Гулиева Натаван Байрамовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета

Гумеров Геннадий Георгиевич – ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского государственного университета экономики и управления

Данилов Петр Сергеевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Дворцов Василий Борисович – полковник внутренней службы, начальник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Девяшин Дмитрий Геннадьевич – ст. преподаватель кафедры правового обеспечения деятельности персонала УИС Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Деревянская Татьяна Павловна – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

Добрачева Вера Викторовна – кандидат медицинских наук, преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения Новосибирского государственного университета

Драпезо Роман Григорьевич – ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета

Егошин Вадим Вячеславович – доцент, кандидат юридических наук, доцент департамента судебных экспертиз, уголовного процесса и криминалистики Алтайской академии экономики и права

Жуков Александр Борисович – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Журавлева Ирина Анатольевна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Сибирского федерального университета

Зейле Николай Иосифович – кандидат философских наук, до-

цент кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета

Иванов Игорь Владимирович – ст. преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Иванова Эмилия Владимировна – магистрант кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета

Кабанова Жанна Юрьевна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России», майор внутренней службы

Каданева Елена Александровна – кандидат юридических наук, капитан внутренней службы, ст. преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России»

Каземиров Алексей Михайлович – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Каландаришвили Христина Александровна – преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

Камалов Рамиль Наильевич – ст. оперуполномоченный УЭБиПК УМВД России по Томской области

Карнаухова Оксана Геннадьевна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России

Ким Вячеслав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации режима и надзора в УИС Кузбасского института ФСИН России

Ким Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России по учебной работе,

Князьков Алексей Степанович – доктор юридических наук, доцент, завкафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Коновалов Дмитрий Игоревич – аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Корнилов Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики НГУ

Корчагин Андрей Анатольевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета

Краснова Людмила Борисовна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета

Кукарникова Татьяна Эдуардовна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета

Куклин Денис Сергеевич – ассистент кафедры теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники

Куракулов Тимофей Геннадьевич – судья Первомайского районного суда

Ладоскин Алексей Сергеевич – ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского аграрного университета

Лебедев Николай Юрьевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского государственного университета экономики и управления

Лебедева Антонина Константиновна – аспирант кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина

Лебедева Юлия Вениаминовна – доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом НГАУ

Логонова Ксения Юрьевна – кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры уголовного права и процесса НИ(Ф) Кемеровского государственного университета

Лозинский Игорь Владиславович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института ТГУ

Любарский Андрей Филиппович – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин ТСХИ – филиала ФГБОУ ВО Новосибирского ГАУ

Мазур Екатерина Сергеевна – профессор, доктор медицинских наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Матюшов Андрей Михайлович – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Мирусин Илья Сергеевич – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Митрофанова Алёна Андреевна – аспирант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

Михеенков Егор Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Моргун Олег Васильевич – аспирант кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, прокурор отдела прокуратуры Красноярского края

Морозов Сергей Михайлович – кандидат медицинских наук, преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения Новосибирского государственного университета

Наумов Александр Андреевич – аспирант Кемеровского государственного университета

Негодина Олеся Анатольевна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Недобор Анна Николаевна – секретарь судебного заседания Заельцовского районного суда г. Новосибирска

Недобор Максим Викторович – ст. преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Новосибирского гуманитарного института

Непомнящая Татьяна Викторовна – доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Никитина Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и кримино-

логии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Новиков Егор Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России

Обернихина Олеся Валерьевна – преподаватель, ст. лейтенант Кузбасского института ФСИН России

Обухов Игорь Анатольевич – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

Ольховик Даниил Александрович – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Ольховик Николай Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Ондар Долаана Сергеевна – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Опацкая Стелла Павловна – соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Остробородов Владислав Владимирович – доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

Павленко Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, ст. преподаватель Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Перемолотова Лилианна Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, докторант Академии ФСИН России

Петухов Евгений Николаевич – кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета

Писаревская Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой уголовного права и процесса НИ (филиала) ФГБОУ ВПО «КемГУ»

Польгерт Александр Валерьевич – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

Померлян Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Новосибирского военного института ВВ МВД России

Попов Константин Викторович – соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Прокументов Лев Михайлович – доктор юридических наук, профессор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Пропостин Андрей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Рахматулин Закир Равильевич – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета

Ришес Екатерина Витальевна – помощник судьи Кемеровского областного суда

Рубцова Лариса Федоровна – документовед кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Рябушкин Егор Павлович – вице-президент общественной организации «Федерация ППС Алтайского края»

Савушкин Сергей Михайлович – кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России

Семенюк Руслан Александрович – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

Скиба Андрей Петрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Скорик Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой уголовно-правовых дисциплин Ростовского-на-Дону филиала Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы

Смирнов Виктор Александрович – кандидат юридических наук, завкафедрой судебного права Юридического института Иркутского государственного университета

Степанов Сергей Андреевич – ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, подполковник юстиции

Степашин Виталий Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Стояновский Максим Валериевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета

Сутурин Михаил Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Иркутского государственного университета

Тебеньков Александр Владимирович – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Тепляшин Павел Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института ФСКН России

Терентьева Валерия Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета

Трухин Александр Михайлович – кандидат юридических наук, доцент Сибирского института бизнеса, управления и психологии

Тыняная Мария Александровна – кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Уваров Олег Николаевич – начальник ФКУ УИИ УФСИН России по Томской области, полковник внутренней службы

Уваров Сергей Олегович – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Уткин Владимир Александрович – доктор юридических наук, завкафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, профессор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Филиппова Ольга Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Фомина Анна Станиславовна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета

Фоминых Илья Сергеевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Хмыз Алексей Иванович – ст. преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

Хомяков Иван Дмитриевич – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России

Черноусова Анастасия Владимировна – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Чубраков Сергей Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Шебалин Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

Шепель Наталья Вячеславовна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

Шеслер Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, начальник кафедры ОИН Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Шошин Сергей Владимирович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Шухова Наталья Викторовна – доцент, кандидат технических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России

Шушпанов Сергей Васильевич – кандидат технических наук, завкафедрой уголовного процесса и криминалистики Новосибирского государственного университета экономики и управления

Юань Владимир Лишиньевич – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права Томского института бизнеса

Яковлева Екатерина Валерьевна – преподаватель БЮИ МВД России

Янов Олег Александрович – ассистент кафедры иностранного права и сравнительного правоведения, аспирант кафедры деликтологии и криминологии Юридического института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Ясельская Вероника Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета

Ясенева Марина Олеговна – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

Яценко Сергей Васильевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

Трухин А.М. Одномоментные и длящиеся преступления	3
Шеслер А.В. Соисполнительство в преступлении	5
Непомнящая Т.В. Проблемы назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление	7
Вельтмандер А.Т. Назначение уголовного наказания: актуальные проблемы правоприменения.....	9
Каземиров А.М. Взаимосвязь криминализации и пенализации при установлении санкций уголовно-правовых норм	11
Степашин В.М. О соотношении понятий «система наказаний» и «перечень наказаний»	13
Бондаренко Н.С. Признаки явки с повинной	14
Тебеньков А.В. Понятие и признаки явки с повинной как обстоятельства, смягчающего наказание.....	17
Коновалов Д.И. Учёт исправления осуждённых в практике применения условного осуждения.....	18
Терентьева В.А. Учет личности несовершеннолетнего при освобождении от уголовного наказания.....	21
Обернихина О.В. Действие обратной силы уголовного закона при освобождении от наказания	23
Наумов А.А. Потерпевший в преступных нарушениях требований охраны труда (ст. 143 УК РФ)	24
Камалов Р.Н. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан в отечественном законодательстве XVII–XIX вв.	26
Архипов А. В. Проблемы применения ст. 159.2 УК РФ	28
Куклин Д.С. Мошенничество в сфере трудовых правоотношений	31
Черноусова А.В. К вопросу о некоторых проблемах квалификации уничтожения или повреждения имущества по неосторожности	32
Тыняная М.А. Новая редакция уголовно-правовой нормы о халатности.....	34
Смирнов В.А. Присвоение найденного: нужна ли криминализация?	37
Никитина И.А. Противодействие преступности в сфере предпринимательской деятельности.....	39
Корнилов А.В. Стадии вооруженного мятежа	42
	241

Баянов Д.А. Понятие преступлений в сфере предпринимательской деятельности.....	44
Беларёва О.А. Момент окончания сбыта наркотических средств: В значительном (крупном, особо крупном) размере	46
Брагина А.Г. Соблюдение принципа законности сотрудниками органов внутренних дел как предпосылка уголовно-правовой охраны их деятельности.....	48
Опацкая С.П. Статьи 175, 326 УК РФ – конкуренция норм или идеальная совокупность?.....	49
Матюшов А.М. Социальная обусловленность законодательства Российской империи об уголовной ответственности за организацию террористического сообщества или участие в нем	51
Лозинский И.В. К вопросу о дальнейших тенденциях развития главы 22 Уголовного кодекса РФ.....	53
Гулиева Н.Б. Неуважение к суду: некоторые вопросы квалификации	54
Яковлева Е.В. Официальные документы как предмет преступлений против порядка управления	56
Данилов П.С. Система преступлений против военной службы в советском уголовном законодательстве.....	58
Скиба А.П., Скорик Е.Н. Цели применения уголовно-правовых мер: проблемы нормативного закрепления.....	60
Уткин В.А. Новая редакция концепции развития уголовно-исполнительной системы.....	61
Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы: «писаная реальность» зарубежного происхождения или идеологический рефрен?.....	63
Ольховик Н.В. Общественный совет при Федеральной службе исполнения наказаний: защита прав и (или) участие?	65
Чубраков С.В. Уголовно-исполнительное регулирование и необходимость установления его принципов	67
Савушкин С.М. Некоторые проблемы классификации осуждённых к лишению свободы	69
Новиков Е.Е. О необходимости организации работы с некоторыми категориями осужденных в карантинных отделениях исправительных учреждений	70
Рахматулин З.Р. Влияние отдельных личностных характеристик осуждённых к ограничению свободы на выбор мер исправительного воздействия	71
Уваров О.Н. К вопросу о совершенствовании наказания в виде исправительных работ.....	73
Мирусин И.С. Труд осуждённых в местах лишения свободы в новой редакции Концепции развития УИС до 2020 г.	74
Бочкарев В.В. Некоторые проблемы обеспечения правового статуса осужденных к лишению свободы	76

Михеенков Е.Г. Бытовые условия отбывания наказания в лагерях принудительных работ ГУПР НКВД РСФСР на территории Западной Сибири 1920-х гг.....	78
Уваров С.О. Факторы риска рецидива в восприятии сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.....	80
Ольховик Д.А. К вопросу о функциях сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.....	81
Ким В.В. Особенности организации режима в лечебных исправительных учреждениях.....	83
Любарский А.Ф. Международно-правовой контроль в местах принудительного содержания осужденных и юридические основания его осуществления.....	84
Пропостин А.А. Влияние административного надзора на освобожденных из мест лишения свободы.....	86
Антонов Т.Г. Проблемы закрепления понятия «злостность» в уголовно-исполнительном законодательстве РФ.....	88
Павленко А.А. К вопросу о мерах медицинского характера, применяемых к осужденным, отбывающим лишение свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.....	89
Каданева Е.А. К вопросу о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.....	91
Девяшин Д.Г. Проблемы правовой регламентации обеспечения личной безопасности сотрудников УИС.....	93
Дворцов В.Б. Модель формирования готовности курсантов образовательных организаций ФСИН России к обеспечению режима в исправительных учреждениях.....	94
Прокументов Л.М. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних нуждается в совершенствовании.....	96
Сутурин М.А. Особенности предупреждения преступности несовершеннолетних.....	98
Писаревская Е.А. К вопросу о субъектах профилактики преступности несовершеннолетних.....	99
Логинова К.Ю. К вопросу о понятии «имущественная преступность несовершеннолетних».....	101
Попов К.В. Обеспечение права на защиту жизни и здоровья детей.....	103
Филиппова О.В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков.....	105
Моргун О.В. Личность преступника, совершающего преступления в финансовой сфере.....	107
Янов О.А. Общественный и гражданский контроль как механизмы противодействия коррупции.....	108
Семенюк Р.А. Социальные причины насильственных преступлений, совершаемых в состоянии опьянения.....	110

Перемолотова Л.Ю. К вопросу об актуальности изучения личности осужденного.....	112
Грушин Ф.В. К вопросу о значении факторного подхода в развитии уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного права и законодательства.....	114

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Беккер Т.А. Правосознание – необходимый компонент внутреннего убеждения, предотвращающий судебные ошибки.....	117
Каландаришвили Х.А. Уголовно-процессуальные презумпции в решениях ЕСПЧ.....	119
Петухов Е.Н. Средства обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей подозреваемым.....	120
Ясельская В.В. Проблемы реализации принципа состязательности на стадии предварительного расследования.....	122

КРИМИНАЛИСТИКА

Алексеева Т.А. Инструментальный анализ устной речи.....	125
Ануфриева Е.А. Проблемы построения криминалистических методик расследования коррупционных преступлений.....	126
Ануфриева Н.А. Актуальные проблемы раскрытия и расследования коррупционных преступлений, совершаемых в сфере строительства по государственным и муниципальным заказам.....	128
Ахмедшин Р.Л. Проблема тактико-криминалистической оптимизации расследования: человеческий фактор.....	130
Батраков А.В. Причинность в философии, юридических науках и в криминалистике.....	132
Баянов А.И. Разъяснение участникам допроса порядка его производства.....	133
Белицкий В.Ю., Рябушкин Е.П. Проблема доказывания электронной переписки и возможные пути её решения.....	135
Беседина Е.Б., Остробородов В.В., Хмыз А.И. Некоторые анамнестические особенности лиц, находящихся на принудительном лечении в отделениях специализированного типа.....	137
Боков С.Н. Феномен незавершённых действий в следственной деятельности.....	139
Васильев И.В., Горелкин А.Г., Морозов С.М. Тенденции правового регулирования экспертизы степени тяжести вреда здоровью.....	140
Воронин С.Э. Особенности расследования религиозного экстремизма ...	142
Глазунов Б.Б. От учения о личности преступника к криминалистической антропологии.....	144

Горелкин А.Г., Васильев И.В., Добрачева В.В. К вопросу использования оперативно-розыскной деятельности для выявления административного проступка	146
Громова А.В. Современные возможности криминалистического автороведения	147
Гумеров Г.Г. О терминологической корректности конструирования уголовно-процессуальных норм как средства для достижения объективной истины	149
Деревянская Т.П. Особенности объекта преступления, предусмотренного ст. 235 ¹ УК РФ «Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий»	151
Драпезо Р.Г. Первоначальные и судебно-медицинские ситуации, возникающие по делам об убийствах, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления.....	153
Егошин В.В. К вопросу о холодном оружии, применяемом при незаконной охоте.....	155
Жуков А.Б. К вопросу о тактических положениях производства допроса государственным обвинителем	156
Журавлева И.А. Структура экспертной методики	158
Зейле Н.И. Визуализация и концептуализация: беды и победы.....	160
Иванов И.В. Оценка сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), получаемых в ходе следственных действий	162
Кабанова Ж.Ю. К вопросу о понятии «криминалистическая деятельность»	164
Карнаухова О.Г. Достоверность показаний свидетелей.....	165
Ким Д.В. Современные проблемы криминалистической методики расследования преступлений как части науки криминалистики	167
Князьков А.С., Ондар Д.С. Влияние следственной ситуации на заключение с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве по делам о хищениях из жилища в сельской местности	169
Корчагин А.А. К вопросу о криминалистическом обеспечении судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах	171
Краснова Л.Б. Криминалистически значимые особенности информации, находящейся в сети Интернет	172
Кукарникова Т.Э. Использование особенностей информационных технологий при расследовании преступлений.....	174
Ладошкин А.С. К вопросу о структуре криминалистической характеристики преступлений, связанных с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве	176
Лебедев Н.Ю. Некоторые аспекты конфликтности проведения судебных экспертиз	178
Лебедева А.К. Формулирование вопросов судебной фоноскопической экспертизы обликовых характеристик личности	180

Лебедева Ю.В. Значение использования специальных психологических знаний при расследовании преступлений.....	182
Мазур Е.С., Иванова Э.В. Возможность использования традиционных методов идентификации личности в криминалистике	183
Митрофанова А.А. Тактика предъявления для опознания при расследовании авиационных происшествий.....	185
Негодина О.А. Криминалистическое учение о навыках и его влияние на развитие почерковедения.....	187
Недобор А.Н. О необходимости совершенствования тактики проведения следственных действий с участием адвоката при расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними	189
Недобор М.В. К вопросу о назначении судебных экспертиз при расследовании преступлений.....	191
Обухов И.А. Расследование преступлений в условиях контртеррористической операции: исторический аспект	192
Ондар Д.С. Учет этнических и иных факторов при создании криминалистической методики расследования краж из жилища в сельской местности как отражение двуединого объекта отечественной криминалистики.....	194
Остробородов В.В., Беседина Е.Б. О некоторых проблемах, возникающих при производстве судебно-медицинских экспертиз по медицинским документам.....	196
Польгерт А.В. О некоторых особенностях взаимодействия следователя с органом дознания на этапе предварительной проверки материалов о незаконном сбыте наркотических средств, совершенном бесконтактным способом.....	198
Померлян А.Н. Физическое насилие как одна из основных составляющих способа совершения изнасилований	199
Ришес Е.В. Исторические предпосылки становления методологии расследования криминальных пожаров	201
Рубцова Л.Ф. Проблемы обеспечения безопасности при осмотре места происшествия	203
Степанов С.А. Наиболее характерные способы подготовки военнослужащих к совершению насильственных преступлений.....	205
Стояновский М.В. Тактико-криминалистические проблемы предъявления для опознания	206
Фомина А.С. Проблемы совершенствования тактики допроса малолетних и несовершеннолетних лиц, потерпевших от сексуального насилия.....	208
Фоминых И. С. Дифференциация некоторых видов папиллярных узоров и их формализация.....	210
Хмыз А.И. К вопросу об установлении исполнителя электронного документа.....	212

Хомяков И.Д. Процессуальная деятельность командира воинской части как органа дознания	214
Шебалин А.В. К вопросу о назначении химико-фармакологической экспертизы при расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети Интернет	216
Шепель Н.В. Специфика изъятия образцов для сравнительного исследования при производстве фоноскопической экспертизы.....	217
Шошин С.В. Некоторые проблемы расследования уголовных дел о деликтах, связанных с транснациональной криминальной деятельностью.....	219
Шухова Н.В. О стратегиях применения геномной информации в криминалистике	221
Шушпанов С.В. О роли достижений науки и техники в раскрытии и расследовании преступлений	223
Юань В.Л. Биографический метод в системе криминалистических методов исследования личности преступника.....	224
Ясенева М.О. К вопросу о содержании криминалистической характеристики нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутому административному наказанию	226
Яценко С.В. О некоторых проблемах формирования криминалистических знаний в вузе.....	228
Об авторах	230

Научное издание

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 70

Редактор *Е.В. Лукина*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать .23.12.2016 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Печ. л. 15,5; усл. печ. л. 13,9; уч.-изд. л. 13,6.

Тираж 100 экз. Заказ 2211.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

Отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru